

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина»

На правах рукописи

У Юйцунцзы

У Юйцунцзы
КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭВФЕМИЗМОВ
В РУССКОЯЗЫЧНЫХ СМИ

5.9.5 – Русский язык. Языки народов России

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Научный руководитель:

доктор филологических наук,

доцент

Китанина Элла Анатольевна

Москва – 2023

Оглавление

Введение.....	4-10
Глава 1. Теоретические предпосылки исследования политических эвфемизмов в лингвистике	11-60
1.1. История возникновения термина «политический эвфемизм».....	11-18
1.2. Политические эвфемизмы: определение и сущность в научном дискурсе	18-45
1.2.1. Проблема определения термина «политический эвфемизм» в лингвистической литературе	18-23
1.2.2. Критерии идентификации политических эвфемизмов в современном русском языке	23-32
1.2.3. Политические эвфемизмы и смежные языковые явления	32-45
1.3. Коммуникативно-прагматическая категория политических эвфемизмов.....	45-51
1.4. Динамические процессы в классе политических эвфемизмов	51-57
Выводы по первой главе.....	57-60
Глава 2. Политические эвфемизмы в русских СМИ разных периодов (функционально-тематические группы).....	61-107
2.1. Политические эвфемизмы (период 1: 1964 – 1982 гг.).....	62-73
2.2. Политические эвфемизмы (период 2: 1983 – 1999 гг.).....	73-87
2.3. Политические эвфемизмы (период 3: 2000 – 2023 гг.).....	87-105
Выводы по второй главе.....	105-107
Глава 3. Специфика функционирования и способы образования политических эвфемизмов в русскоязычных СМИ.....	108-143
3.1. Авторская классификация политических эвфемизмов по способу образования	108-118
3.2. Динамика употребления способов образования политических эвфемизмов в русском языке.....	118-129
3.3. Динамика употребления тематических групп политических эвфемизмов в русском языке	129-140
Выводы по третьей главе	140-143
Заключение	144-148
Список литературы	149-168
Список словарей и справочной литературы	169-170
Приложение А. Краткий тематический словарь-справочник политических эвфемизмов современного русского языка	171-203
Приложение Б. Графики распределения политических эвфемизмов по	

способам образования в трех исследуемых периодах	204-204
Приложение В. Таблицы распределения компонентов <i>спец-, недо-</i> в процессе образования политических эвфемизмов	205-205
Приложение Г. Таблица распределения заимствований по сферам функционирования в период 2 (1983 – 1999 гг.)	206-206
Приложение Д. Графики распределения политических эвфемизмов по сферам функционирования в трех исследуемых периодах.....	207-207
Приложение Е. Методика отбора языковых материалов из Национального корпуса русского языка	208-210
Приложение Ж. Методика отбора языковых материалов из базы данных «East View»	211-212
Приложение З. Изменение частотности употребления политических эвфемизмов на основе выборочной совокупности из базы данных «East View»	213-214

Введение

Диссертация посвящена исследованию состояния развития системы политических эвфемизмов в русском языке, а также изучению коммуникативно-прагматических характеристик эвфемистических субститутов, представленных в электронных периодических изданиях – русскоязычных СМИ.

Актуальность диссертационного исследования определяется следующим: в большинстве диссертаций, посвященных феномену эвфемии, никак не затрагивается вопрос о тенденциях развития системы политических эвфемизмов (как на уровне микродиахронии, так и на уровне макродиахронии). Изучение политических эвфемизмов в разные периоды их развития дает возможность увидеть тенденции развития языка политической коммуникации. При этом необходимым вспомогательным методологическим инструментарием, с нашей точки зрения, являются элементы количественно-статистического подхода. В этой связи приобретает особое значение вопрос разработки методики корпусного описания динамических особенностей политических эвфемизмов.

Объектом настоящего исследования выступают политические эвфемизмы, появившиеся и/или употребляющиеся в русском языке в трех выделенных нами периодах: 1964-1982 гг. (в основном это период руководства страной Л.И. Брежневым), 1983-1999 гг. (в основном это период руководства страной М.С. Горбачевым и Б.Н. Ельциным) и 2000-2023 гг. (новейший период, период руководства страной В.В. Путиным). В диссертации рассматриваются эвфемизмы уровня слова, а также двух-, трех- и четырехкомпонентного словосочетания.

Предметом исследования являются динамические процессы в системе политических эвфемизмов на лексико-семантическом и прагматическом уровнях.

Цель работы заключается в описании основных тенденций эволюции политических эвфемизмов русского языка, выявлении изменения продуктивности способов образования политических эвфемизмов и доминирующих сфер их использования.

В соответствии с целью определены следующие **задачи**:

1. Рассмотреть общетеоретические аспекты политических эвфемизмов:

определение, признаки идентификации, функции и классификации политических эвфемизмов;

2. Выявить и описать политические эвфемизмы как средства речевого воздействия на массовую аудиторию;

3. Собрать и оформить репрезентативный корпус языковых материалов, демонстрирующих функционирование политических эвфемизмов в трех выделенных периодах исследования;

4. Систематизировать существующие тематические классификации и разработать собственную классификацию;

5. Выделить группы политических эвфемизмов по заданным признакам (способу образования)

6. Отследить, объяснить динамику изменений внутри групп исследуемых эвфемизмов в трех рассматриваемых периодах.

В нашем исследовании мы хотим верифицировать основную **гипотезу**, которую можно сформулировать следующим образом: политические эвфемизмы – подвижная лексическая система, репрезентирующая политическую реальность прошлого и настоящего, которая связывает коммуникативную интенцию политического субъекта с массовой аудиторией. Более активное употребление политические эвфемизмы находят в значимых сферах (тематических группах); продуктивность и динамика изменения соотношения политических эвфемизмов различных групп изменчива в данных периодах.

Теоретическо-методологической базой исследования послужили работы отечественных и зарубежных ученых:

1. по теории политической эвфемии [Кацев 1977]; [Neaman, Silver 1990]; [Rawson 1995]; [Holder 1996]; [Enright 1985]; [Крысин 1994]; [Темирбаева 1991]; [Тюрина 1998]; [Allan, Burridge 1991]; [Ayto 2000]; [Обвинцева 2004]; [Ковшова 2007]; [Москвин 2001, 2007]; [Иванян (ранее – Сеничкина) 2012, 2022]; [Саакян 2010, 2019]; [Шейгал 2000]; [Мухамедьянова 2005, 2009]; [Цатурян 2020]; [Морозова 2022]; [Пастухова 2019] и др.

2. по теории коммуникации и речевого воздействия [Арутюнова 1981, 1988];

[Тарасов 1990]; [Карасик 1991]; [Федорова 1991]; [ван Дейк 1994]; [Иссерс 2003, 2009]; [Кара-Мурза 2000, 2001]; [Стернин 2001]; [Баскова 2006, 2009]; [Шелестюк 2015]; [Китанина 2005, 2016, 2021]; [Катышев 2019, 2020]; [Боженкова 2020]; [Корчевская 2012]; [Клушина 2012, 2018, 2021]; [Иванова 2018, 2021]; [Миронина 2012]; [Пастухова 2019] и др.

3. по диахронному описанию отдельных лексем и групп лексем [Ларин 1961]; [Костомаров 1999]; [Земская 1996, 2000]; [Валгина 2003]; [Ботороева 2011]; [Реформатский 2000]; [Маслов 1987]; [Скляревская 2001]; [Шапошников 2010]; [Волошина 2016]; [Вепова, Куприна 2021]; [Яфарова 2016]; [Кузьмина 2020] и др.

Материалом для исследования политических эвфемизмов служат следующие газеты:

1. для периода с 1964 по 1982: «Правда»; «Известия»;
2. для периода с 1983 по 1999: «Правда»; «Известия»; «АиФ»; «Коммерсант»; «Российская газета»;
3. для периода с 2000 по 2023: «Правда»; «Известия»; «АиФ»; «Коммерсант»; «Российская газета»; «Комсомольская правда».

Электронные версии газет «Правда»; «Известия» и «Российская газета» были представлены в базе данных «East view»¹. Выпуски газет «АиФ», «Коммерсант» и «Комсомольская правда» представлены в Национальном корпусе русского языка (газетный подкорпус²). Такой выбор источников обусловлен той причиной, что данные газеты являются наиболее влиятельными и популярными изданиями в советское и постсоветское время. С учётом выделенных временных промежутков (периодов) было собрано и проанализировано более 1000 языковых единиц. 171 единица в период 1; 234 единицы в период 2; 688 единиц в период 3. Итого: 1093 языковые единицы.

Основными методами исследования являются:

1. общетеоретические методы (метод дефиниции и классификации);
2. метод количественно-статистической обработки языковых материалов

¹ <https://dlib.eastview.com/basic/details>

² <https://ruscorpora.ru/search?search=CgQyAggDMAE%3D>

(определение частоты и отслеживание динамики употребления политических эвфемизмов в выделенные автором периоды. Полученные эмпирическим путем данные обрабатывались количественно с помощью программы MS Excel, БД НКРЯ и Eastview);

3. метод контекстуального анализа (выявление скрытых коммуникативных намерений адресантов в определенном контексте);

4. сопоставительный метод (трансформационный анализ коммуникативно-прагматических особенностей политических эвфемизмов в диахронии).

Научная новизна настоящего диссертационного исследования состоит в том, что в диахроническом плане представлены тенденции изменений состава политических эвфемизмов как на уровне семантики отдельных эвфемистических единиц, так и на уровне эволюционной смены целых лексических подсистем. Получены новые сведения о речедеятельностном потенциале современных политических эвфемизмов в русском языке, сгруппированы их типологические признаки образования в разные периоды смены исторических эпох и руководства страной.

Теоретическая значимость работы заключается в создании динамической модели политических эвфемизмов. В диссертационном исследовании проведено системное описание развития политических эвфемизмов (появление самого термина «политический эвфемизм», процесс смены «мертвых» / «стертых» политических эвфемизмов новыми живыми субститутами, тенденции изменения политических эвфемизмов по способам их образования или функционирования с учетом времени их употребления), что расширяет представления о речедеятельностной способности политических эвфемизмов. Исследование вносит вклад в развитие теории эвфемии, теории массовой коммуникации и лингвопрагматики.

Практическая ценность работы состоит в том, что полученные выводы и положения могут быть применены в преподавании ряда лингвистических курсов, в частности, лексикологии, стилистики и литературного редактирования,

политической лингвистики, практикума о языковой политике государства, теории медиадискурса, лингвистической конфликтологии и т.д. Материалы исследования могут быть использованы при составлении учебников нового типа, ориентированных на язык дипломатии и политики, подробная интерпретация политических эвфемизмов и их изменения по способам образования обогащает средства речевого воздействия в политической коммуникации.

Положения, выносимые на защиту:

1. Политические эвфемизмы составляют динамическую систему, которая трансформируется и видоизменяется в разные периоды существования языка. Играя роль «промежуточного звена», политические эвфемизмы связываются историческим процессом с современным социумом, эволюционируют от «стертых» к «истинным»;

2. Под политическим эвфемизмом понимается одна из групп эвфемизмов, употребляемая в качестве средства реализации политического корректирования речи, камуфлирования истинного смысла, манипулирования массовым сознанием и продвижения речевого поведения «новояз»;

3. Коммуникативно-прагматический аспект политических эвфемизмов состоит в сознательной нейтрализации оценочного восприятия с целью приобретения политической выгоды. Мотивы широкого употребления политических эвфемизмов различны: морально-этические, социальные и коммуникативные;

4. Грамматические способы образования политических эвфемизмов, как правило, связаны с префиксацией и аббревиатурами. Рост эвфемизмов-заимствований связан с усилением влияния английского языка, с усилением тенденции к глобализации. Повышение продуктивности перифраз в эвфемизации тесно связано с возросшей ролью СМИ после 2000 г.

Апробация результатов исследования. Основные результаты диссертационного исследования были представлены на 2-й Всероссийской научной конференции с международным участием «Проблемы и перспективы развития России: Молодежный взгляд в будущее» (г. Курск, 17–18 октября 2019

года); Международной научной конференции «Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности» (г. Москва, 30–31 октября 2020 года); II Всероссийской научной конференции «Актуальные проблемы и современные тенденции развития социально-экономических наук в XXI веке: взгляд молодых ученых» (г. Москва, 17 декабря 2020 года); XVII Березинских чтениях «Языковое бытие человека и этноса» (г. Москва, 24-25 декабря 2020 года); Международной научно-практической студенческой конференции «Актуальные проблемы современной лингвистики и методики преподавания РКИ» (г. Москва, 28–29 апреля 2022 года); III Международная научно-практическая конференция «Коммуникативные аспекты права и национальной безопасности – communicative aspects of law and national security» (г. Москва, 15 июня 2022 года).

Положения диссертационной работы отражены в 7 статьях общим объемом 3.2 п.л., в том числе 4 статьи в журналах, включенных в перечень рецензируемых ВАК РФ:

1. «К вопросу об манипулятивной возможности политических эвфемизмов в современном медиадискурсе» в журнале «Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика» (г. Москва, 2021, Т. 10. № 1. С. 30-35);

2. «Влияние языкового явления doublespeak на формирование речевого имиджа министра иностранных дел России С.В. Лаврова» в журнале «Русский язык за рубежом» (г. Москва, 2021, № 1(284). С. 100-105);

3. «К трактовке термина "политический эвфемизм": отличие от сходных лингвистических явлений» в журнале «Казанская наука» (г. Казань, 2021, № 10, С. 112-114).

4. «Формирование политических эвфемизмов: этапы, способы, динамика» в журнале «Филологические науки. Вопросы теории и практики» (г. Тамбов, 2023, Т. 16, № 5, С. 1411-1415).

Структура диссертации включает введение, три главы, заключение, список литературы и словарей (233 наименований), 8 приложений. Общий объем диссертации составляет **214** страниц.

Во **введении** обоснована актуальность исследования, представлено состояние научной разработанности рассматриваемой темы, выделены объект, предмет, используемый материал и методы работы, определены цель и задачи, а также указаны научная новизна, теоретическая и практическая значимость диссертации, сформулированы положения, выносимые на защиту.

Первая глава посвящена обзору понятия «политический эвфемизм» и истории его развития, раскрыты коммуникативно-прагматические особенности и динамический характер, присущие политическим эвфемизмам.

Во **второй** главе рассматриваются и описывается состояние употребления политических эвфемизмов в исследуемых периодах: 1964-1982 гг., 1983-1999 гг. и 2000-2023 гг.

В **третьей** главе, базируясь на данных авторского корпуса, характеризуется динамика употребления способов образования и употребление тематических групп политических эвфемизмов в русском языке.

В **заключении** обобщены основные выводы и результаты исследования, представлены перспективы дальнейших исследований по теме.

Глава 1. Теоретические предпосылки исследования политических эвфемизмов в лингвистике

1.1. История возникновения термина «политический эвфемизм»

Освещение истории политических эвфемизмов в русской и зарубежной лингвистике лучше начать со времен, когда лингвистика еще не оформилась как наука и термин «политический эвфемизм» еще не возник. Однако понятие политического эвфемизма (как выражения, смягчающего и замещающего неподходящее; выражения, оказывающего воздействие на общественное мнение) уже появилось и подверглось первому осмыслению в античную эпоху.

Древнегреческий государственный деятель Деметрий Фалерский в своем лингвистическом исследовании «Античные риторика» первым отметил те языковые единицы, которые впоследствии были названы политическими эвфемизмами. Согласно записям Деметрия Фалерского, в период войны один из сограждан посоветовал расплавить золотые статуи Ники и использовать их куски. Тогда советник сознательно выбрал косвенную тактику убеждения: «давайте же вместе с богинями принесем общую пользу в войне» вместо «давайте разрубим статуи Ники на части для нужд войны» [Античные риторика 1978, с. 175]. В таком случае смягчающее выражение «вместе с богинями» превращает поступок насилия и осквернения («разрубить статуи Ники на части») в нечто более благопристойное, приемлемое. Итак, осознанная замена грубого, неприятного денотата в речи создает условие для выполнения заранее продуманного решения.

Когда речь идет о понятии «политический эвфемизм», то нельзя не упомянуть британского писателя и публициста Джорджа Оруэлла, который считается одним из первых ученых, акцентировавших внимание на эвфемии в сфере политики. В своем выдающемся эссе «Политика и английский язык» он подчеркивает, что политический язык предназначен для того, чтобы ложь звучала правдиво, а убийство – респектабельно, и чтобы придать чистому ветру солидную видимость (цит. по [Ермишин 2006, с. 1399]). Безусловно, политические тексты создаются для защиты тех фактов и явлений, которые идут наперекор с заявленными целями политических партий. Итак, политики вынуждены использовать эвфемизмы,

риторические вопросы и туманные фразы [Оруэлл 2006, с. 291]. Хотя в его работах мы не встречаем термина «политический эвфемизм», но тем не менее журналист Джордж Оруэлл первым обращает внимание на особую группу эвфемизмов. Такие языковые единицы вводят массовую аудиторию в заблуждение, уклоняясь от чувствительных тем. В целом результаты исследования у Джорджа Оруэлла раскрывают механизмы развития политического языка, особенно политических эвфемизмов.

Ввиду того, что образование политических эвфемизмов связано с табуированной лексикой, можно рассматривать эти два явления совместно. В научных работах О.П. Обвинцевой [Обвинцева 2004], К.В. Якушкиной [Якушкина 2009] исследователи придерживаются мнения, что эволюция в содержании современных политических табу по мере смены эпохи продвигает создание особой составной части явления эвфемии – политического эвфемизма.

Как отмечается в «Словаре по политологии», с точки зрения политического подхода политическое табу понимается как «запрет на совершение определенных действий в политике или на обладание какими-либо политическими взглядами» [Коновалов 2010, с. 173]. Механизм политического табуирования состоит в том, что под искусственным контролем запретительных мер обеспечивается порядочность и целесообразность политического действия или решения.

В истории изучения политических эвфемизмов 1950-70-е годы XX века являются поворотным периодом. Цель эвфемизмов состоит не только в том, чтобы сказать что-то вежливо, но и в том, чтобы сказать это неопределенно, ввести в заблуждение, обмануть. Основная функция эвфемизмов – вводить в заблуждение (цит. по [Порохницкая, Теплякова 2017, с. 52]).

Политический эвфемизм давно вышел за рамки традиционно закрепленной за ним функции – «заменить неприятное слово или выражение на более приемлемое в общепринятом смысле» [Гальперин 1981, с. 173]. Функциональная плоскость эвфемизма была расширена за счет окказиональных индивидуально контекстных замен одних слов другими с целью искажения или маскировки подлинной сущности обозначаемого [Ярцева 2002, с. 590] нежелательного денотата (которым

часто выступает истина, реальные факты); эвфемизм используется политиками гораздо обширнее, а не только как замена табуированного или неpolitкорректного слова.

С учетом этого факта ряд русистов ([Кипрская 2005]; [Павлова, Иванова 2018]) предполагают, что политические эвфемизмы попали во внимание лингвистов со времен войны во Вьетнаме. Ученый С.Г. Кара-Мурза в своей книге «Манипуляция сознанием» также отмечает, что проделана огромная работа по созданию специальных тезаурусов в американской лингвистике. Ввиду особенности данного искусственно разработанного «субъязыка» ряд исследователей называют его вьетлийским (Vietlish, Vietnam English). Его эвфемистический характер можно увидеть в следующих примерах. Появились выражения «*limited air strike*/ ограниченный воздушный удар» «*air support*/ воздушная поддержка» и т. п. вместо «*bombing*/ бомбардировка». Даже в 1972 г. в обращении к нации бывший президент Никсон заявил: «В течение всей войны США проявляли беспрецедентную в военных анналах степень сдержанности». Эквивалентный заменитель «сдержанность» обозначает неупотребление ядерного оружия. По всей видимости, все эвфемизмы скрывают единицу речи, которая может вызвать у читателей сильные эмоции. Ввиду желания создать положительный имидж и воспроизводить наиболее выгодную картину событий, во время вьетнамской войны были разработаны методы построения сложных политических эвфемизмов. Это уже не отдельные слова и понятия, а большие языковые конструкции с точно измеренными эффектами воздействия на сознание [Кара-Мурза 2000, с. 156].

В связи с открытием «субъязыка» во второй половине XX века английские лингвисты выпустили в свет несколько фундаментальных словарей политических эвфемизмов и монографий о них.

Один из первых словарей по проблеме эвфемии, вышедший под редакцией Неамана и Сильвера, называется «*Kind Words: A Thesaurus of Euphemisms*». В данном словаре лингвисты дают исчерпывающее введение в проблематику политических эвфемизмов. Они в основном сосредоточены на объяснении

лексических единиц, используемых для описания некоторых политических вопросов, таких как государственные, военные и международные дела. По их утверждению, целями употребления политических эвфемизмов являются защита и рационализация действий правительства, маскировка или уменьшение непопулярных политических заявлений [Neaman, Silver 1990, p. 314]. По-видимому, исходя из этого, Неаман и Сильвер настаивают на том, что мотивация эвфемизации в политической сфере всегда заключается в сокрытии реальных фактов и намерений.

Словарь эвфемизмов и других двусмысленностей («A Dictionary Euphemisms and Other Doubletalk») составлен лингвистом Роусоном. По мнению Роусона, «эвфемизмы любят отдельные лица и учреждения (особенно правительства), которые стремятся представить миру только самый красивый из возможных образов самих себя» [Rawson 1995, p. 1]. В качестве примера автор цитирует текст документа Комитета Сената по разведке, составленный в 1975 г. Там написано, что разговоры и внутренние записки Белого дома Никсона были обильно снабжены терминами, которые были популярными в преступном мире и в бизнесе “плаща и кинжала”, где запрещены лишь немногие, если таковые имеются, например, ...отмывание (очистка грязных денег), нейтрализация (убийство кого-л.), правдоподобное отрицание (официальная ложь) и т.д. Более того, английский лингвист Дж. Лоуренс в своей книге «Unmentionable and other Euphemisms» также справедливо отмечает, что «эвфемизм веками был верным союзником военной и политической интриги, в сущности, он неотделим от них» [Lawrence 1973, p. 5].

Существует еще словарь эвфемизмов британского ученого Холдера («A Dictionary of Euphemisms»). В словаре собрано более 5000 записей эвфемизмов и подробно объяснено толкование, лексические источники, расширения и случаи использования каждой эвфемистической единицы. Автор также дал тематические категории в конце словаря, в том числе *старость, банкротство, взяточничество, деторождение, преступление, смерть, экскреция, размножение, пьянство, ожирение, безработица, воровство, порнография, война* и др. (почти 70 тем). Стоит отметить, что словарь эвфемизмов Холдера объединяет американские и

британские эвфемизмы и вводит специальные аннотации, что в некотором смысле является полезным дополнением к первым двум словарям [Holder 1996].

Нас же применительно к теме особенно интересуют еще одна, не менее важная монография. Автор книги «Fair of Speech: The Uses of Euphemisms», британский ученый Энрайт, обобщает результаты исследований 16 ученых по эвфемизмам. С точки зрения прагматики, Энрайт расширяет горизонт анализа эвфемизмов, включает историю эвфемизмов на английском языке, эвфемизмы в офисе, эвфемизмы в СМИ, эвфемизмы в политике и т.д. Учет фактора контекста, несомненно, вывел изучение политических эвфемизмов на новый этап [Enright 1985].

Авторы еще одной монографии – «Euphemism and dysphemism language used as a shield and weapon» – также говорят о необходимости изучения эвфемизмов в связи с контекстом. По их мнению, контекст является одним из важнейших элементов, которые в основном определяют выбор эвфемизма, особенно при решении некоторых политических вопросов. Лингвисты также подробно анализируют развитие, мотивацию, классификацию и функции эвфемизма, используемого в политических областях [Allan, Burridge 1991].

Кроме комплексного описания мотивации, способов, целей, функций политических эвфемизмов, в английском языкознании появились многие работы, посвященные изучению политических эвфемизмов по конкретным темам.

В 2000 году Джон Айто опубликовал «Словарь эвфемизмов», в котором обсуждается использование эвфемизмов в сфере дипломатии и войны. Он считает, что двумя ключевыми способами образования политических эвфемизмов на уровне риторики являются преуменьшения и литоты. Его анализ эвфемистических единиц расширяет диапазон идентификации политических эвфемизмов [Ayto 2000].

Другой ученый, МакКормалли, исследует корреляцию между эвфемизмами и работой налоговой полиции. По его мнению, эвфемизмы часто используются для сокрытия реалий и тесно связаны с политической корректностью [McCormally 1993, p. 352]. Гораздо более приемлемо и приятно со стороны правительства

изменить наступательную налоговую политику на позитивную с помощью эвфемизмов. Сходный с утверждением МакКормалли взгляд на политические эвфемизмы встречаем в работе Эрика Хэдланда. Политические эвфемизмы, по словам Эрика Хэдланда, «часто являются неверными названиями, заявленными или похищенными, чтобы скрыть уродливые факты в политике или позитивный образ политиков» [Hadland 2002, p. 57].

Всякий всплеск исследовательского интереса, касающегося рассмотрения политических эвфемизмов, неразрывно связан с заметными событиями и речью лидеров разных стран. Проблема политических эвфемизмов сначала широко разрабатывалась в Европе и Америке, потом русские лингвисты активизировали научный интерес к ней.

Е.К. Темирбаева [Темирбаева 1991], опираясь на эвфемизацию реалий «уотергейта» и «ирангейта», анализирует политические эвфемизмы в речевой коммуникации США. В диссертации Е.В. Кипрской [Кипрская 2005] материалом исследования служат медиа-тексты по теме конфликта в Ираке 2003-2004 гг. Автор проанализировал особенности политических эвфемизмов в СМИ. С.А. Киселева [Киселева 2015], проанализировав эвфемизмы с точки зрения структурно-семантического и прагматического аспектов, описала вектор развития и функционирования политических эвфемизмов в современном английском дискурсе.

А.Ю. Миронина [Миронина 2012] на материале публичных выступлений Б. Обамы выясняет возможность политических эвфемизмов стать средством реализации стратегии уклонения от истины. В статье И.С. Павловой и Н.Ю. Шугаевой [Павлова, Шугаева 2021] также рассматривается лингвистический потенциал политических эвфемизмов.

Вследствие того, что за год работы на посту бывшего президента США у Д. Трампа накопилось множество необычных высказываний в неформальном стиле, его речь постоянно привлекает внимание огромного количества исследователей (см., например, следующие научные статьи об эвфемизмах как инструменте политического воздействия в период президентства Д. Трампа:

[Латыпова, Валиева 2019], [Богатыревич 2019], [Останина 2021]).

Возвращаясь к изучению политических эвфемизмов на материале русского языка, скажем о том, что начало комплексного рассмотрения эвфемии в сфере политики положили такие исследователи, как О.В. Обвинцева [Обвинцева 2004], Г.Н. Мухамедьянова [Мухамедьянова 2005] и Ю.С. Баскова [Баскова 2006]. Развитию этой проблематики, особенно манипулятивному потенциалу политических эвфемизмов, посвятили свои работы такие исследователи, как Е.К. Павлова [Павлова 2005], Г.А. Бондаренко и Н.Н. Ермоленко [Бондаренко, Ермоленко 2021], А.В. Бурдужа и В.В. Леденева [Бурдужа, Леденева 2020]. Интересно, что актуальной исследовательской проблемой, темой, привлекающей особое внимание исследователей, являются средства эвфемизации, которыми пользуются политики (см. [Курилова 2018]; [Каменева, Федянина 2019] и др.).

По нашим наблюдениям, количество политических эвфемизмов в русском языке заметно повышается после 2010 г. Мы ставим появление такой тенденции развития политических эвфемизмов в прямую зависимость от стремительного прогресса информационных технологий и турбулентности глобальной политической среды. В исследованиях [Savo 2001], [Mugair 2004] и [Avrianti 2014] авторы фокусируют внимание на политических эвфемизмах английского языка и отмечают, что это инструмент политиков для управления потоками информации.

За последние десять лет в лингвистической литературе прослеживаются несколько новых тенденций изучения политических эвфемизмов.

1) Расширение диапазона жанровых дискурсов при описании специфики и функционирования политических эвфемизмов: в медийном [Василькова 2020]; [Пастухова 2019], военно-политическом [Киселева 2015], обиходном [Федосова 2012] и юмористическом [Сюй Минюань 2019] дискурсе.

2) В первое десятилетие XXI века исследования проводились на материале английского языка [Обвинцева 2004]; [Кипрская 2005]. В последние годы традиционное описание английского языка дополняется корпусным анализом языкового материала. Например, на материале немецкого [Ахматова

2019]; [Калинина 2013], французского [Лашин, Синельникова 2019] и испанского [Порохницкая 2014] языков.

3) Исследованию эвфемизации в сфере политики посвящен ряд трудов, выполненных в разных аспектах: лингвосомиотическом [Ботороева 2011], лингвокультурологическом [Орлова 2020]; [Реброва 2020], лингвопрагматическом [Цатурян 2020]; [Пастухова 2019].

1.2. Политические эвфемизмы: определение и сущность в научном дискурсе

1.2.1. Проблема определения термина «политический эвфемизм» в лингвистической литературе

Существует много исследований по теме политических эвфемизмов, и их количество продолжает стремительно расти как в России, так и за рубежом. Иначе говоря, проблема изучена весьма подробно. Под влиянием развития цифровых технологий, увеличения скорости передачи информации, интерес к изучению политики, политических эвфемизмов возрастает в первые десятилетия XXI в., даже по сравнению с 1990 гг. прошлого столетия. К тому же политический эвфемизм формируется не только как языковая единица: за ним стоит интегральная система речевого механизма, объединяющая, интегрирующая различные подходы лингвистического исследования. В этой связи изучение эвфемизмов в рамках коммуникативной лингвистики, психолингвистики, прагмалингвистики, лингвосомиотики, лингвокультурологии представляется важным и актуальным.

Когда речь идет об изучении политических эвфемизмов, невозможно оставить в стороне понятие *стигмы*. Большое количество исследователей в той или иной мере используют его при определении сути феномена эвфемизации. Стигму в контексте эвфемизмов рассматривают как какой-либо «триггер негативного денотата», прикрепляющий описываемому предмету или событию отрицательный признак или окраску, проявляющий свое значение в собственной прямой номинации [Бердова 1981]; [Торопцева 2000]. В этой связи исследователи разделяют «смягчающий» [Босчаева 1989, с. 79] и «улучшающий» эвфемизмы [Макарова 1986, с. 11].

Относительно изучения политических эвфемизмов в работе Е.К. Темирбаевой «Политические эвфемизмы в речевой коммуникации США» в соответствии с двумя главными задачами политических эвфемизмов (сокрытие истины и искажение фактов) разделяются смягчающий эвфемизм и искажающий эвфемизм [Темирбаева 1991, с. 64-65].

Основная функция политического эвфемизма – сокрытие правды. Эта цель достигается по-разному. Необходимо нивелировать негативные эмоции адресата, исказить смысл названия явления. Итак, мы считаем логичным систематизирование дефиниции политических эвфемизмов по степени трансформации негативной номинации: «смягчение номинации с негативной окраской» и «мелиорации денотата с негативной окраской».

1. «Смягчение негативной номинации»

а) Вежливость

Политические эвфемизмы представляет собой группу эвфемизмов, основная функция которых – «стремление избегать коммуникативных конфликтов и неудач, не создавать у собеседника ощущение коммуникативного дискомфорта» [Крысин 1994, с. 34-35]. Данные «разрешенные слова, которые употребляют вместо запрещенных (табуированных)» [Реформатский 2000, с. 99] в рамках религиозных, морально-социальных правил превращают неподобающие выражения в желательные или приемлемые. В этой связи в научных работах существуют следующие определения политического эвфемизма:

Согласно определению И.Р. Гальперина, политические эвфемизмы употребляются как средство выражения неприятных для аудитории понятий в более деликатной манере [Гальперин 1981, с. 173].

Н.Н. Николаева дает похожее толкование политическим эвфемизмам: «это особая группа эвфемизмов, которые функционируют в политической коммуникации с целью замены слов или выражений, не соответствующих задачам адресантов в конкретных политических условиях, на более приемлемые, позволяющие исключить прямую номинацию всего того, что способно вызвать негативную реакцию и оскорбить чувства адресата» [Николаева 2018, с. 84].

Наиболее структурированное и полное определение политическому эвфемизму дает О.В. Обвинцева: «политические эвфемизмы используются в политической коммуникации для замены слов или выражений, являющихся в данном обществе, на данном историческом этапе его развития политическими табу, с целью избежать прямого наименования всего, что может вызвать негативную оценку или оскорбить чувства адресата политической коммуникации, а также целенаправленно воздействовать на общественное мнение» [Обвинцева 2004, с. 10]. Этого определения придерживаются П.С. Левина [Левина 2014], Н.А. Курсанова и И.Л. Ильичева [Ильичева, Курсанова 2017].

б) Маскировка

Помимо вышеупомянутых смягчающих политических эвфемизмов, используемых с целью вежливости, исследователи выделяют эвфемистические единицы, функционирующие под принципом непрямого номинации в политической коммуникации. Как подчеркивает О.С. Орлова в своей работе, при эвфемизации негативные денотаты должны быть описаны не прямо, а опосредованно и вуалированно [Орлова 2020, с. 92].

По мнению А.Ю. Мирониной, политические эвфемизмы являются прагматически маркированными языковыми единицами, предназначение которых не столько осуществлять референтную функцию, сколько маскировать содержание высказывания [Миронина 2012, с. 8]. Сходные определения встречаются в работах [Бурдужа, Леденева 2020], [Богатыревич 2019].

Сегодня на фоне внешней напряженной политической обстановки и обострения социальных вопросов внутри страны власть использует многочисленный набор средств регулирования – к числу наиболее мощных и востребованных справедливо можно отнести политические эвфемизмы. «В политике эвфемия... порой более предпочтительна, чем лингвистическая точность» [Arfel 2012, р. 136]. Прозрачная туманная неясность создает необходимые условия в пользу реализации политического намерения, необходимо воздействует на адресата. Используя эвфемизмы, политики имеют возможность замаскировать суть своих заявлений и сделать их менее конкретными,

расплывчатыми, тем самым повышая статус денотата, скрывая свою неуверенность.

2. «Мелиоризация денотата с негативной окраской»

При описании «оболочки» эвфемизма возникает необходимость проникнуть в сущность понятия политический эвфемизм, учитывая особенности языка политики. «Язык политики – это язык решений. Он регистрирует решения и вносит в них поправки. Это боевой клич, вердикт и приговор, закон, постановление и норма, должностная присяга, спорные вопросы, комментарии и прения» [Шейгал 2000, с. 265]. Факторы этического и религиозного порядка отходят на второй план, первостепенное значение приобретает идеологический фактор. В кругу исследователей политических эвфемизмов проявляется тенденция к выделению их отличающей специфики, которая состоит в том, что эвфемизмы обладают потенциалом воздействия на общественное мнение. Как отмечает Л.А. Баркова, эвфемизмы являются часто употребляемым средством в среде политических деятелей и составителей рекламных текстов. «Выбор эвфемизмов в сфере политики обусловлен в первую очередь прагматическим фактором, а сами эвфемизмы – весьма эффективное средство воздействия на общественное сознание широких слоев общества» [Баркова 1986, с. 167]. Далее рассмотрим манипулятивное речевое воздействие, осуществляемое политическими эвфемизмами.

Сегодня мы находимся в эпоху постправды, самыми важными критериями освещения новостей являются эмоциональный настрой потребителя информации и политические цели коммуникатора [Чугров 2017, с. 46]. Речевое убеждение и эмоциональное воздействие СМИ играют более значимую роль в процессе формирования общественного мнения, чем объективные факты. В связи с этим, вопрос о манипулятивном потенциале речевых средств в СМИ приобретает особенную актуальность. Среди этих речевых средств, направляющих адресата в нужное адресанту русло, есть и политические эвфемизмы. Они привлекают внимание исследователей ([Баскова 2006], [Китанина, У Юйцунцзы 2021]).

Этот научный интерес перекликается с точкой зрения Р.А. Сафиной и

Д.Р. Хадеевой, которые пишут, что «политические эвфемизмы являются действенным средством речевой стратегии, направленной на маскировку острых социально-экономических вопросов, которые могут вызвать у реципиента негативную реакцию, и в этой связи характеризуются большим манипулятивным потенциалом» [Сафина, Хадеева 2015, с. 119].

Более того, Е.В. Кипрская на основе отобранного корпуса русско- и англоязычных текстов СМИ, посвященных конфликтам в Ираке 2003-2004 гг., особенно подчеркивает, что целесообразно рассматривать политические эвфемизмы как «одни из действенных способов манипулирования сознанием потенциального реципиента с целью создания выгодной для манипуляторов картины происходящих событий» [Кипрская 2005, с. 5]. Например, Е.В. Кипрская отмечает, что в англоязычных СМИ многократно используются слова и словосочетания *liberation* (освобождение) и *peacemaking operation* (миротворческая операция) для сообщений о конфликте в Ираке. Аналогичный пример найден также в работе В.П. Москвина [Москвин 2017]: «чернобыльская авария» вм. «чернобыльская катастрофа». Именно смещение акцента справедливости в таких эвфемистических выражениях создает эвфемистический эффект, оправдывая военную деятельность или изменяя эмоциональную реакцию людей на аварию на Чернобыльской АЭС.

Сходный с утверждением Е.П. Сеничкиной взгляд на специфику сокрытия и искажения фактов встречаем в работах Е.К. Темирбаевой [Темирбаева 1991], Р.А. Сафиной [Сафина 2014], К.Д. Бастраковой и М.М. Филипповой [Бастракова, Филиппова 2021]. Эти ученые сходятся во мнении, что политические эвфемизмы – «это слова и выражения, используемые вместо нежелательных слов и выражений, чтобы скрыть неприглядные стороны действительности, и направленные на то, чтобы успокоить чувства получателя и исказить значение лексических единиц, обозначающих описываемое явление» [Бастракова, Филиппова 2021, с. 66].

В общем, политические эвфемизмы представляют собой разновидность референциальной манипуляции, при которой происходит сдвиг прагматического фокуса и меняется характер восприятия денотата. Политические эвфемизмы

обладают оправдывающей силой, что может стирать потенциальную или существующую оценочную реакцию на определенное явление.

1.2.2. Критерии идентификации политических эвфемизмов в современном русском языке

При углубленном изучении политических эвфемизмов и интерпретации феномена эвфемистического переименования в политической коммуникации возникает проблема выделения основополагающих признаков эвфемизмов. В данной части будут рассмотрены и проанализированы общие признаки эвфемизмов и отличительные признаки, присущие только политическим эвфемизмам.

Основываясь на имеющихся традиционных критериях отнесения языковой единицы к эвфемизму (см., например: [Видлак 1967; Лотман 1996; Прядильникова 2007]) можно выделить следующие признаки:

- 1) признак нежелательного денотата;
- 2) признак семантической неопределенности, проявляющийся в редукции семантических признаков;
- 3) признак формальной мелиоративности [Прядильникова 2007, с. 26].

В нашем исследовании за основу взяты именно эти три признака. Далее для более полного описания мы уточним некоторые детали, уточняющие эти признаки.

Первый признак эвфемизмов в научной литературе также обозначается словосочетаниями *стигматичный денотат* (термин Е.П. Сеничкиной, см. [Сеничкина 2006]) и *табуированный денотат* (термин А.М. Кацева, см. [Кацев 1988]), т.е. денотат имеет способность вызывать негативные эмоции у адресата.

Вторая типичная черта эвфемизмов – семантическая неопределенность с редукцией. Когда речь идет о реализации эвфемистической функции, то нельзя пропускать два важных лингвистических понятия: семантическая редукция и семантическое умолчание.

«Под семантической редукцией зачастую понимается сокращение / уменьшение в данном случае негативной оценки или смысловой нагрузки

эвфемизма по сравнению с его антецедентом (прямым переименованием)» [Солодилова, Соколова 2017, с. 76].

Если семантическая редукция служит формой с частично сокрытой коннотацией, то посредством семантики умолчания говорящий делает нежелательный фрагмент имплицитным или совсем скрытым. Средствами ее выражения являются знаки с «низкой семантической плотностью» и «плавающим означаемым» [Сергеева 2004, с. 23].

Чем менее точным является значение выражения, тем больше свободы получает интерпретатор [Ирисханова 2008], тем больше диапазон проявления эвфемистического потенциала. К тому же, благодаря своей семантической неопределенности эвфемизмы допускают возможность неоднозначной (точнее – множественной) интерпретации.

Третий обязательный признак эвфемизма предполагает наличие «эвфемистической изосемии» (термин Л.Н. Вавиловой, который автор определяет как «смысловая идентичность или близость высказываний, различающихся по способам называния действительности» [Вавилова 2003, с. 44]. Слово-антецедент и элементы эвфемистической номинации могут находиться в отношениях синонимии, которые связаны с общим денотатом, соотносятся с одним и тем же референтом при различном обозначении одного и того же объекта. Однако критерий синонимии в этом аспекте мы оцениваем не из смыслового плана, а именно с точки зрения коммуникативно-прагматического речевого действия.

Таким образом, резюмируя сказанное, отметим, что эвфемизмы как номинативные единицы обладают обязательными признаками. К ним мы относим:

- 1) обозначение денотата, название которого с точки зрения адресанта вызывает отрицательные ассоциации у данной социальной группы;
- 2) возможная семантическая неполнота заменяемого слова по сравнению с оригинальным выражением;
- 3) формальное улучшение денотата по сравнению с денотатом заменяемого слова или выражения. В процессе улучшения необходимо наличие семантической связи между оригинальным и заменяемым значением. В речевой ситуации при

эвфемизации эта связь может быть как собственно семантической, так и прагматической, контекстной, ситуативной.

Являясь составной частью общего явления эвфемии, политические эвфемизмы наследуют все обязательные вышеперечисленные признаки эвфемизмов, однако политические эвфемизмы характеризуются и собственными индивидуальными свойствами. Прежде чем перейти к перечислению типичных признаков политических эвфемизмов, скажем несколько слов о принципах выделения этих признаков в научной литературе по теме.

Существует немало работ, посвященных отличительным признакам политических эвфемизмов, непосредственно или каким-то образом затрагивающих эту проблему. В следующей части мы займемся выяснением того, по каким признакам можно идентифицировать политические эвфемизмы.

1) Обращенность к массовому адресату

В первую очередь следует охарактеризовать типичного адресата. Согласно определению М.Л. Ковшовой, субституты создаются и используются в речевой ситуации, где собеседниками являются чиновники и народонаселение [Ковшова 2012, с. 73].

В отличие от обиходно-бытовых эвфемизмов, политические эвфемизмы создаются и употребляются чаще всего институциональными политическими субъектами, включая правительства, политические партии, социальные группы и политиков, дипломатов и корреспондентов, представляющих официальную позицию государства. Иными словами, в процессе коммуникативной деятельности при эвфемизации «адресант и реципиент находятся в отношениях неравноправия (адресант исходит из неравенства реципиента по принадлежности к референтной группе, наделенности необходимыми ценностными ориентирами либо по положению в группе, сформированности компетенций и т.д.)» [Катышев, Боженкова 2020, с. 178].

Описывая феномен политической коммуникации, ученый В.П. Москвин в своей книге «Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка» особенно четко отмечает обращенность политических эвфемизмов к массовому

адресату [Москвин 2017, с. 130]. Массовый народ является объектом распространения и влияния политической информации. Использование политических эвфемизмов можно рассмотреть как процесс оптимизации информации между участниками политической деятельности. В процессе передачи информации правительство держит в руках абсолютную инициативу. Распространяется информация, которую правительство предпочитает показать людям, и скрываются детали, не подлежащие оглашению.

2) Проявление инициированности политического субъекта

Вопросы инициированности политических эвфемизмов в той или иной мере затрагивались исследователями эвфемизмов (см., например: [Миронина 2012, Москвин 2017, Ловянникова 2013]).

Судя по реальному состоянию образования и развития политических эвфемизмов, не трудно заметить, что их широкое использование обусловлено множеством факторов. Исследователи Ю.Л. Смирнова, В.В. Ловянникова связывают необходимость использования эвфемизмов с нормами и правилами культуры, существующими в современном обществе.

В ходе коммуникации нередко встречается обращение говорящего к лицам с физическими пороками, например «инвалид», «лилипут». Такие «резкие» слова с негативной коннотацией уничтожают достоинства социальной группы людей, поэтому их лучше избегать и заменять эвфемизмами (*люди, преодолевающие трудности; люди с ограниченными возможностями здоровья*). В данном случае политические эвфемизмы служат особым средством реализации «гуманизации общества» (выражение [Бахем 1979, с. 60]) и облачают высказывание в более приемлемую и элегантную форму.

Случаи использования политических эвфемизмов для «сохранения лица» какой-нибудь третьей стороны можно обнаружить в дипломатической сфере. Причина в том, что уместность того или иного выражения прямо влияет на отношения между людьми и социальными группами. Правильная формулировка дает возможность снять напряженность в отношениях между различными государствами и национальными группами, а неудачное выражение, наоборот,

способно ускорить обострение международной обстановки. Политики и журналисты прибегают к использованию политических эвфемизмов для поддержания дружественных международных отношений. При описании ухудшения двусторонних отношений избегают слов «провал в дипломатии», «обострение конфликтов» и их дериватов, вместо них используются политические эвфемизмы в русскоязычных СМИ («*китайско-американские отношения стали накаляться*», «*попытка выйти из тупика в американо-китайских отношениях*»), которые вуалируют значимость проблемы, позволяют более мягко подать материал.

Кроме вышеупомянутого мотива вежливости, согласно мнению Ю.С. Басковой, нельзя игнорировать отличающий потенциал политических эвфемизмов. «Самый сильный эффект воздействия на мышление человека оказывается с помощью так называемых политических эвфемизмов» [Баскова 2006, с. 58]. Политический эвфемизм уже давно вышел за рамки традиционно закрепленной за ним функции – «замены грубого уточнения или неприятного высказывания» [Холдер 1996]. Сфера употребления эвфемизмов была расширена за счет окказиональных индивидуально-контекстных замен антецедента субститутом с целью маскировки подлинной сущности обозначаемого [Мухамедьянова 2009]; [Цатурян 2020] или манипулирования сознанием массовой аудитории [Баскова 2006]; [Ботороева 2011]; [Ванюшина 2011].

Таким образом, можно заключить, что мотивы политической эвфемизации различны: морально-этические, социальные и коммуникативные. Политические эвфемизмы имеют способность реализации инициированности политического субъекта путем соблюдения правил коммуникации и речевого воздействия на сознание массовой аудитории.

3) Наличие оценочной шкалы и базовой оппозиции «свой-чужой»

Следующий признак политических эвфемизмов тесно связывается с категорией оценки. По мнению Н.Д. Арутюновой и Е.М. Вольф, определенные слова («хорошее / плохое», «приятное / неприятное» ...) составляют особую лексико-семантическую группу, которая образует положительный или

отрицательный оценочный сегмент в языке [Арутюнова 1988, с. 66], [Вольф 2002, с. 9]. Вслед за этими учеными отметим, что оценка является одной из важных прагматических категорий. Оценка в речевом акте делает деятельность коммуникантов нацеленной и предполагает интерпретацию речевого акта согласно какой-либо цели.

На категории оценки зиждется важная составная ее часть – базовая оппозиция «свой-чужой». Оппозиция «свой-чужой» является одной из базовых в любом языке. Как отмечает лингвист Э. Бенвенист, «осознание себя возможно только в противопоставлении» [Бенвенист 2002, с. 249]. «Категоризация вербализуемого посредством косвенной номинации фрагмента мира осуществляется при помощи сопоставления признаков именуемого объекта с тем прототипом, который является фокусом соответствующей категории» [Алефиренко 2002, с. 206]. Оппозиция «свой» - «чужой» является базой для оценки и сравнения. Ученый Т. ван Дейк предлагает другую координату противопоставления – «мы – они» [Дейк 1989, с. 285-301]. Понятие «свой» тесно связано с концептуальной группой «мы», и обычно предполагает позитивную оценку «хорошо», «лучше». По сравнению с понятием «свой», «чужой» приобретает уступающий статус, маркируется как плохое, худшее. Основываясь на двух выделяемых группах «мы» и «они», носители языка неосознанно закрепляют эмоциональную окраску и экспрессивность за высказыванием.

Рассуждая о связи оппозиции «свой-чужой» с соответствующим правилом употребления «эвфемизма-дисфемизма», обратимся к изложению Н. Хомского. Ученый предполагает, что характер политической оценки действий противостоящих сторон зависит от того, какой позиции придерживается выступающая сторона - кого она считает «своими», а кого «чужими». Действия «чужих» обычно характеризуются при помощи прямого дисфемизма, а аналогичным действиям «своих», приводящим к даже более трагическим последствиям, дается весьма мягкая эвфемистическая интерпретация. Это говорит о наличии двойного стандарта [Chomsky 1988, p. 618]. Похожее мнение также представлено в исследовании Т. ван Дейка: он перечисляет стратегии

положительной самопрезентации своих (эвфемия) и негативной презентации чужих (дисфемия) [ван Дейк 1994].

В связи с тем, что дисфемизм часто понимается как противоположность эвфемизму и определяется через него, дисфемизм составляет неотъемлемое звено в комплексном изучении эвфемизмов. Если эвфемизм работает на улучшение денотата, то дисфемизм – на его ухудшение. Дисфемизм, по мнению Т.В. Бойко, представляет собой «более грубую по сравнению с исходной номинацией лексическую единицу, которой говорящий отдает предпочтение для того, чтобы выразить свое негативное отношение и пейоративно воздействовать на реципиента» [Бойко 2005, с. 21].

Из проведенного анализа вытекает следующее. Вокруг политических эвфемизмов и дисфемизмов выстраиваются координаты общественной оценочной системы, на которых расположены языковые и поведенческие стереотипы, запреты и национально-культурные нормы. Смена ценностных полюсов и оценки (с «–» на «+» и наоборот) может рассматриваться как переход от эвфемизмов к дисфемизмам. Дисфемизмы высвечивают антиценности, а политические эвфемизмы – ценности.

4) Речедеятельностная способность к публичным призывам

В следующей части нашей работы обратимся к одному из признаков политических эвфемизмов – лозунговости. Политику необходимо иметь два главных опознавательных символа – фамилию и лозунг [Мирошниченко 2003].

С одной стороны, лозунги обладают способностью с наименьшими усилиями возбуждать наибольшую эмоцию и являются «движущей силой масс». Ярким примером может служить отрывок из романа-антиутопии «1984». В данном произведении писатель Джордж Оруэлл использует лозунговые выражения (*война – это мир; свобода – это рабство; незнание – сила*), которые управляют сознанием народа.

С другой стороны, лозунги не только провозглашают, декларируют что-либо, но и создают иллюзию выполнимости данного дела. В последние годы самое глубокое впечатление на граждан произвела правительственная пропаганда

профилактики и борьбы с эпидемиями. Политика самоизоляции называется «апрельской неработой», «специальным режимом» и «нерабочим месяцем», что регулирует степень восприятия адресатов и выполняет цель публичного призыва. В этом отношении употребление политических эвфемизмов преследует две цели одновременно: это и средство публичного призыва, и средство создания более выгодного впечатления, более выгодной картины.

Итак, наличие функциональной общности у лозунгов и политических эвфемизмов подводит Е.И. Шейгала [Шейгал 2000], Е.В. Кипрскую [Кипрская 2005] и А.Ю. Миронину [Миронина 2012] к мысли о том, что политические эвфемизмы, по сути, принадлежат к определенному роду лозунговых слов.

5) Смысловая близость понятий эвфемизации и дезинформации

Самое горячее обсуждение между учеными состоит в определении границы истинности политических эвфемизмов.

С одной стороны, исходя из обязательного условия функционирования эвфемистических единиц, политические эвфемизмы должны формально улучшать денотат по сравнению с денотатом заменяемого слова или выражения. В то же время должна сохраняться семантическая связь между оригинальным и заменяемым значением. Как подчеркивает польский ученый С. Видлак, на основании противовеса между заменяемым и запретным словом образуется эвфемизм, «противовес, по крайней мере, формальный и как бы символический» [Видлак 1967, с. 276].

С другой стороны, политические эвфемизмы ввиду тесной связи с политикой, характеризуются особым своеобразием. Политические эвфемизмы используются для камуфлирования и даже искажения сути фактов, что оказывается одной из важнейших задач. В рамках данного подхода, представленного многочисленными и фундаментальными работами таких исследователей, как Е.К. Темирбаева [Темирбаева 1991] Е.П. Сеничкина [Сеничкина 2012], устанавливается связь между политическими языковыми единицами в функции эвфемистической замены и ложью. В политическом дискурсе русского языка необходимой целью использования эвфемизмов является дезинформация. Так называемая «обманная

стратегия» («обманывают себя, оправдывая свои действия, несмотря ни на что» [Rawson 1995]). В отношении денотативной специфики следует отметить явное преобладание политических эвфемизмов с ложным референтом, что объясняется стремлением подмены реальности, «игрой» с сознанием адресата, своего рода обманом.

Обосновывая разделение эвфемизмов на «смягчающие» и «искажающие», В.П. Москвин [Москвин 2017] и Л.Н. Саакян [Саакян 2010] выделяют различные критерии при уточнении грани между данными двумя группами. Если перед нами смягчающие эвфемизмы, то подмена понятия осуществляется исключительно с целью нивелировать полностью или частично негативную оценку. При употреблении смягчающих эвфемизмов денотат остается тем же (в отличие от случаев намеренной лжи, когда есть сознательная подмена денотата).

Когда речь идет об искажающих эвфемизмах, следует подчеркнуть, что их функционирование основывается на новом ракурсе (оценке) рассмотрения и меняет характер восприятия денотата. Однако денотат излагаемого факта не изменяется. Например, нередко встречающийся в текстах СМИ названный способ эвфемизации характерен для группы слов, связанных с незаконными действиями правительственных чиновников. *«Вплоть до декабря 2014 года Сергей Гейченко помогал заключать и исполнять муниципальные контракты за “скромное вознаграждение”»* (КП, 13 мая 2020). В приведенном примере оговоренная сумма 800 тысяч рублей прячется за эвфемизмом «скромное вознаграждение», приводя к частичному заблуждению общественного мнения. Но не подменяет сам денотат.

Размывание семантического контура понятия часто приводит к стиранию четких границ между употребленным политическим эвфемизмом и обманым поступком. Выделяемые группы «святая ложь», «ложь во благо» [Москвин 2017, с. 94], «ложь во спасение» [Саакян 2010, с. 143] также включаются в категорию политических эвфемизмов при расширенном толковании, поскольку цели «смягчения» и «искажения» в конкретном речевом акте часто сосуществуют. Бывают случаи, когда говорящий, желая «смягчить» высказывание, использует искажение.

Итак, существует часть политических эвфемизмов, которая характеризуется полифункциональностью (сосуществует смягчение и искажение). Однако нельзя отрицать, что в отличие от лжи, эвфемизм лишь улучшает «образ денотат», точнее, его сигнификат – комплекс постоянных или временных признаков денотат, но ни в коем случае не подменяет сам денотат [Саакян 2010, с. 140].

В соответствии с приведенным анализом можно выделить ряд характерных особенностей политической эвфемии:

1) Субъектом использования политических эвфемизмов главным образом являются органы правительства, представители власти и партии, политические деятели. Целенаправленное воздействие политических эвфемизмов ориентировано на массовую аудиторию;

2) Мотивы массового возникновения и употребления политических эвфемизмов различны: это и морально-этические, и социальные и коммуникативные мотивы. Цель использования эвфемизмов – избежать возможной потери лица говорящего (престиж власти и правительства), аудитории (отдельные группы массовой аудитории), либо какой-нибудь третьей стороны (международный имидж другой страны).

3) Эвфемизмы в языке политики служат флюгерами изменения аксиологии в обществе. Тенденцию корректировки ценностной доминанта можно отследить при системном наблюдении за состоянием использования политических эвфемизмов.

4) Политические эвфемизмы рассматривают как определенный род лозунговых слов. Их лозунговость предоставляет движущую силу проявления потенциала манипулирования эвфемистических единиц в политической сфере.

5) Политические эвфемизмы допускают не только смягчение, но и искажение фактической информации, однако между использованием политических эвфемизмов и дезинформацией существует существенное различие.

1.2.3. Политические эвфемизмы и смежные языковые явления

1. Соотношение между терминами «политический эвфемизм» и «политическая корректность». В рамках данной диссертационной работы

необходимо также рассмотреть такое важное понятие, как *политическая корректность* (*политкорректность*). В современной отечественной и зарубежной науке единодушно признается полная синонимия терминов. Явление политической корректности близко по смыслу к терминам «диктатура благонравия» и «полиция мыслей».

На настоящий момент нет четкого ответа на вопрос о времени появления феномена политической корректности. Но неоспоримо, что со второй половины XX века термин «политическая корректность» все более активно используется в лингвистической науке. Рождение политкорректности непосредственно связано с «восстанием» африканцев, возмущенных «расизмом английского языка» и потребовавших его «дерасиализации» – «*deracialization*» [Тер-Минасова 2008, с. 215]. Кроме того, бурное феминистское движение, борющееся за социальное равенство женщин и мужчин, все более способствует развитию политкорректности.

Под влиянием политкорректности появились правила, запрещающие использовать «расистские» и «сексистские» слова, а затем политкорректность стала касаться таких чутких тем, как национальность, религия, возраст, состояние здоровья, внешность, социальный статус и т. д.

Хотя в лингвистической науке не существует общепринятого определения политкорректности, но анализ работ, посвященных собственно политкорректности или связанных с ней (работы Н.Г. Комлева, А.В. Белякова и О.А. Матвейчева, Е.В. Шляхтиной, С.Г. Тер-Минасовой, Т.В. Киселевой и др.), позволяет отметить многослойную характеристику.

По мнению Н.Г. Комлева, «политическая корректность, политкорректность (англ. *political correctness*, сокр. PC) полит., амер. – утвердившееся в США понятие-лозунг, демонстрирующее либеральную направленность американской политики». В начале 90-х годов крах равновесия мировых идей политических систем способствовал появлению идеологических эрзацев. Политкорректность имеет дело не столько с содержанием, сколько с символическими образами и корректировкой языкового кода. Речь декодируется знаками антирасизма,

экологизма, терпимого отношения к национальным и сексуальным меньшинствам, борьбы против СПИДа. Терпимость манифестируется в смягченных выражениях (например, вместо «черные» – «афроамериканцы», вместо «инвалиды» – «нуждающиеся в физической поддержке»)» [Комлев 1999, с. 279-280]. Н.Г. Комлев указывает на историческую связь данного явления с политикой и идеологией именно американского общества.

Еще одна трактовка политической корректности дана в работе А.В. Белякова и О.А. Матвейчева; здесь под этим термином понимается культурноповеденческая и языковая тенденция, нацеленная на замену устоявшихся терминов, могущих задеть чувства и достоинство того или иного индивидуума эмоционально нейтральными и/или положительными эвфемизмами [Беляков, Матвейчев, 2009, с. 242-243].

Согласно оценке Е.В. Шляхтиной, «в словарях любого типа на русском языке до 1999 г., практически невозможно найти определение политической корректности» [Шляхтина 2008]. Кроме того, в русском языке отсутствует полный эквивалент для английского выражения “political correctness” «политическая корректность». Исследователи, рассматривающие политкорректность как исключительно лингвистическое явление, предпринимали попытки ввести другие термины, которые бы обозначали суть политической корректности. В этой связи А.В. Бессарабенко предлагал термин «этическая корректность», С.Г. Тер-Минасова пользуется термином «языковой такт» [Тер-Минасова 2000, с. 215]. Т.В. Киселева использует термин «коммуникативная / культурная корректность» [Киселева 1997, с. 115].

Политкорректность тесно связана с языком. С.Г. Тер-Минасова считает, что «политическая корректность языка выражается в стремлении найти новые способы языкового выражения взамен тех, которые задевают чувства и достоинство индивидуума» [Тер-Минасова 2000, с. 215]. На этом основании целесообразно связать политкорректность с другим языковым явлением – эвфемией. Есть целый ряд ученых, работающих над определением термина *политкорректность* и его связью с феноменом эвфемии (см. книги, монографии и

статьи [Шейгал 2000]; [Кацев 1988]; [Москвин 2017]; диссертационные исследования [Панин 2004]; [Карпухина, Кузнецова 2018]). Все исследователи сходятся во мнении, что табуирование представляет собой первичный социально-культурный механизм формирования политкорректности и политической эвфемии.

На современном этапе табуирование проявляется в основном в избегании «определенных языковых выражений» при «затрагивании определенных тем общения в тех или иных коммуникативных ситуациях» [Стернин 2001, с. 16]. Проанализировав найденные нами определения политкорректности, мы можем сделать вывод, что в дефинициях чаще всего встречаются два глагола, характеризующие политкорректность: *подчиняться* и *избегать*. Например, авторы The Oxford Dictionary of New Words подчеркивают, что политкорректность является средством подчинения либеральным или радикальным убеждениям в отношении социальных вопросов, подчинения, которое проявляет себя в пропаганде принятых идей (теорий) и в отказе от языка и поведения, которое считается дискриминационным или оскорбительным» (цит. по [Карпухина, Кузнецова, с. 21]). Цитируемое высказывание доказывает, что политкорректность зависит от социально-культурной среды.

Другим важным звеном в этом вопросе является политическая эвфемия. Считается, что первичной предпосылкой создания политических эвфемизмов также являются определенные табуированные денотаты. С помощью «замены табуированных слов (в современных культурах – также и резкого высказывания, которое нарушает приличия) общепринятыми» [Мечковская 1998, с. 63] осуществляется одна или несколько функций, среди которых выделяют смягчающую, замещающую, защитную, этическую, оценивающую, эстетическую/орнаментальную, текстообразующую, стилеорганизующую, характеризующую, превентивную, контактоустанавливающую / кооперирующую, вуалирующую, маскирующую функции [Вострикова 2012, с. 17].

Подводя итоги, скажем, что к лингво-социокультурным явлениям с полным основанием можно отнести и политкорректность, и политическую эвфемию: в

обоих случаях используется подмена понятий ради «смягчения» речи и речевых оборотов. Как политкорректность, так и эвфемия в равной мере свойственны политическому дискурсу.

Среди этих явлений существует много общего: многие ученые, как зарубежные [Burrige 1999; Rawson 1995], так и русские [Гуманова 1999; Остроух 1998], ставят знак равенства между ними. Однако обоснованно ли считать политкорректность «эвфемизмом для эвфемизма»? [Burrige 1999] (цит. по [Вильданова 2008, с. 77]). Мы не придерживаемся позиции «эквивалентного соотношения», но солидарны с В.П. Москвиным, утверждающим, что политическая корректность представляет собой одну из самых больших подгрупп в эвфемии. Она используется для замены употребляемых общепринятых оценочных терминов искусственно созданными эвфемистическими синонимами [Москвин 2017, с. 136].

К тому же акцент на различие между политкорректностью и политической эвфемией представляется чрезвычайно важным и в контексте рассуждений следующих исследователей. Сложность изучения вопроса разграничения данных двух явлений обусловлена тем, что само слово «политкорректность» – не политический эвфемизм, но все, что стоит за этим понятием, является таковым.

В своем диссертационном исследовании на тему «Политическая корректность как культурно-поведенческая и языковая категория» В.В. Панин отметил, что лишь некоторое количество эвфемизмов можно отнести к «политкорректной лексике»: *малообеспеченные, человек старшего поколения, испытывающие умственные затруднения* и т.д. Однако остальные политические эвфемизмы, использующиеся в отдельных случаях с целью манипулирования массовой аудиторией, точнее называть «бюрократически уместными» словами и выражениями [Beard, Cerf 1992] и «псевдополиткорректной лексикой» [Палажченко 2004, с. 82]. Мы согласны с мнением В.В. Панина о том, что идеи политической корректности находят свое языковое выражение через «рефлектор» самой политической эвфемии. Безусловно, наиболее эффективным средством выражения категории политической корректности в языке стали политические

эвфемизмы.

Заслуживающей отдельного рассмотрения представляется трактовка О.В. Обвинцевой. Автор приходит к следующим выводам:

- Политическая эвфемия – это явление, связанное, в первую очередь, с языком и происходящими в нем процессами.

- Политическая корректность, по общему утверждению исследователей данного явления, охватывает только «социальные» сферы. Ее цель – избежать того или иного оскорбления какой-либо группы населения.

- Политическая эвфемия, кроме «социальных» сфер, охватывает также области, связанные с политикой, войнами и пр. Ее основная цель – смягчить негативные ассоциации, связанные с некоторыми фактами, часто за счет искажения смысла самого описываемого факта [Обвинцева 2004, с. 51].

Из сказанного вытекает важное следствие: существует две различных группы терминов: «политическая эвфемия – политическая корректность» и «политические эвфемизмы – политкорректные слова». За каждой эвфемистической заменой стоят требования определенной социальной группы или колебания политической реальности. Другими словами, «политическая корректность – это скорее стратегия, эвфемизмы же – тактика, тактические уловки, с помощью которых либо соблюдается, либо нарушается баланс взаимодействия» [Корнюшенкова 2005, с. 64]. Политкорректность приводит к образованию политически корректных слов и выражений, которые однотипны с политическими эвфемизмами по своим функциям. Однако в отличие политкорректности, роль которой ограничивается созданием «правильных слов», политические эвфемизмы выполняют еще и функцию «искажения фактов», «камуфлирования» и «манипулирования» поведением.

2. Соотношение между терминами «политический эвфемизм» и «doublespeak». В современной международной политической коммуникации как никогда актуальна и частотна ситуация, наиболее четко выраженная Н.Д. Арутюновой: «...когда дипломат говорит «да», он хочет сказать «может быть»; когда он говорит «может быть», он хочет сказать «нет». А если он говорит

«нет», он не дипломат» [Арутюнова 1981, с. 356]. Вопрос о соотношении языка и реальности рассматривается в многочисленных фундаментальных работах как с общефилософской, так и с лингвистической точек зрения. Обоснованием актуальности непрерывно продолжающихся исследований в этой области может быть мысль американского ученого Уильяма Д. Лутца: «Язык становится средством, с помощью которого мы формируем действительность и с помощью которого мы передаем наше представление действительности» (цит. по [Киселева 2013, с. 278]). Лакуна между объективной и субъективной реальностью – значительное поле для исследований оценки истинности коммуникативной информации с учетом многих факторов, формирующих прагматическое значения любого заявления политика. Одним из центральных вопросов в этой связи является вопрос о роли явления *doublespeak* в языке и речи.

Проблема влияния *doublespeak* на формирование речевого имиджа поднималась лингвистами в трудах, ориентированных на изучение самого феномена *doublespeak*. Данная категория часто привлекала исследователей-лингвистов английского [Jeff 1994], [Peter, Anne 2014], [Timothy 2006] и русского языков [Бойко 2005], [Киселева 2015]. Следует подчеркнуть, что одной из наиболее фундаментальных работ является монография американского лингвиста Уильяма Д. Лутца. Книга называется «*Doublespeak: From Revenue Enhancement to Terminal Living: How Government, Business, Advertisers, and Others Use Language to Deceive You*». Автором выполнена подробная классификация форм *doublespeak* и даны примеры использования данного приема в речи. Вслед за результатами теоретического исследования, Вассерман Паул и Хаусратх Дон предприняли новую попытку в области лексикографии и выпустили словарь «*Weasel Words: The Dictionary of American Doublespeak*» [Paul, Don 2005]. Данные работы фактически стали эталонами для последующих исследований.

По мнению Уильяма Д. Лутца, «*doublespeak* – это язык, который из плохого делает хорошее, из отрицательного – положительное, а неприятное начинает казаться приятным или, по крайней мере, сносным. Это язык, который избегает или перекладывает ответственность. Это язык, который скрывает истинную

мысль». «Более того, это не оговорка и не язык, используемый из-за незнания, а, наоборот, это осознанное использование языка в качестве орудия теми, кто находится у власти, для достижения своих целей» [Lutz 1989, p. 10].

При более глубоком изучении явления **doublespeak** обнаруживается, что необходимо внести некоторые уточнения, касающиеся вопросов о происхождении термина *doublespeak* и его соотношении с явлением эвфемизации.

Интересно происхождение термина *doublespeak*. Хотя в исследованных разными учеными русских и английских литературных текстах прослеживается возникновение феномена *doublespeak* благодаря творчеству английского писателя Д. Оруэлла, тем не менее, как прием коммуникации *doublespeak* в знаменитом антиутопическом произведении «1984» практически не применяется. Неразрывная связь между *doublespeak* и именем Д. Оруэлла прослеживается в семантике двух терминов: *двоемыслие (doublethink)* – способность человека разделять две противоречащие друг другу идеи одновременно и *новояз (newspeak)*, которые были созданы английским писателем. Говоря о понятии *doublespeak*, нельзя не согласиться с Д. Кристалом, который считает, что этот термин возник в результате контаминации (*blend*) слов *doublethink* и *newspeak* [Crystal 2012, p. 208].

Дискуссия по вопросу сопоставления *doublespeak* и употребления в речи эвфемизмов ведется и поныне. В процессе анализа содержания понятия *doublespeak* можно заметить, что как в русской, так и в зарубежной лингвистике остается открытым вопрос о соотношении *doublespeak* и эвфемизмов. Обзор англоязычных работ по этой тематике (главным образом, исследования Уильяма Д. Лутца [Lutz 1989] и Уильяма Дж. Ванде Коппла [Vande Kopple 2007]) позволяет сделать вывод о том, что эвфемизация – один из приемов речевой реализации *doublespeak*. Ученые предлагают собственные классификации и к группе *doublespeak* относят эвфемизмы, жаргонизмы и другие языковые единицы, указывая на опасность социальной двусмысленности. При более глубоком анализе классификации Уильяма Д. Лутца и классификации Уильяма Дж. Ванде Коппла обнаруживается, что основания для выделения *doublespeak* тождественны. Классификация языкового материала неоднозначна: жаргонизмы иногда могут

рассматриваться в качестве эвфемизмов. Уильям Д. Лутц привел пример употребления правового жаргонизма англ. *involuntary conversion* (исп. для описания утраты или уничтожения имущества в результате кражи, аварии или осуждения) в качестве эвфемизма.

К тому же понятия *эвфемизм* и «напыщенный язык» также в отдельных случаях рассматриваются как синонимы. «Напыщенным языком», по мнению Уильяма Д. Лутца, может быть употребление понятия *терапевты* в автомобильной сфере взамен *автомехаников (automotive internists - car mechanics)*. Такой механизм функционирования нередко встречается в эвфемистическом выражении и в русском языке. Ср.: *специалист по санитарной обработке помещений* вместо *уборщик, оператор очистных сооружений* вместо *ассенизатор*. Трудно разграничить тонкие семантические различия данных понятий. Анализ ряда дефиниций *doublespeak* и их классификация позволяет сказать, что *doublespeak* и эвфемизмы выстраиваются в отношении конвергенции, т.е. они являются горизонтально-пересеченными понятийными сферами.

Существует критерий выяснения зависимости между феноменами *doublespeak* и эвфемия: «Если эвфемизм используется из уважения к чувствам других или из соблюдения табу, принятого в культуре данного общества – это не *doublespeak*...Однако если эвфемизм используется с целью ввести в заблуждение – это *doublespeak*» [Lutz 1989]. Похожее мнение можно найти в работе [Скороходова 2013]. Автор выделяет группу эвфемизмов, отвлекающую внимание от спорных и негативных аспектов реальности, обозначив ее термином “*doublespeak*”.

Кроме термина *doublespeak*, принятого в английской лингвистической традиции, в русской лингвистике для обозначения феномена *doublespeak* существует и термин *демагогия* [Киселева 2013]. К тому же, в трудах С.А. Киселевой [Киселева 2015], Н.Н. Морозовой [Морозова 2010], Т.В. Бойко [Бойко 2006] термин *doublespeak* был внесен в подгруппу эвфемизмов и описан в виде способа функционирования заблуждения. В частности, Н.Н. Морозова привела примеры двоеречий «to neutralize – to kill», «intervention – invention» для

доказательства их манипулятивного потенциала [Морозова 2010, с. 132].

Из сказанного выше следует, что зарубежный термин *doublespeak* представляет собой комплекс ораторских приемов, играющий важную роль в материализации помысла адресанта и ожидания толпы, превращении негативных смыслов в красноречие. Приемы *doublespeak* создают прагматический эффект за счет семантики языковых единиц, которые тождественны некоему «срабатывающему» механизму, автоматически смягчающему острые углы политической коммуникации.

Doublespeak – подгруппа политических эвфемизмов, основной целью которой является замена языковых единиц для заблуждения, при этом, в отличие от политкорректных замен, единицы *doublespeak* непонятны без дополнительного контекста. Например, без учета ситуации вспышки коронавируса невозможно узнать, что эвфемизм *неделя внеплановых «каникул»* обозначает принудительную изоляцию дома. От других типов политических эвфемизмов их отличает намеренное использование правительственными, военными и корпоративными учреждениями (цит по [Байко 2005, с. 111]). Этикетки «заблуждение», «манипулирование», «камуфлирование» дают приемам *doublespeak* способность стать неизбежным в речи политиков при освещении событий, нанесших вред престижу государства, дискредитирующих его имидж.

Так, для ввода собеседника в заблуждение и сокрытия глубинного смысла высказывания политики во многих случаях склоняются к употреблению жаргонизмов, крылатых выражений, профессионализмов и т.д. Наиболее показательны в этом смысле примеры из внешнеполитической сферы, которые иллюстрируют то, как владение вышеперечисленными лексическими единицами помогает политику грамотно обсуждать конфликтные вопросы и темы:

1) профессиональный жаргонизм из сферы экономики: *США... также пытаются «разруливать» этот конфликт в своих интересах, в том числе с тем, чтобы ослабить Турцию и, между прочим, Российскую Федерацию* (КП, 14 октября 2020).

2) жаргонизм из сферы политики: *Это типичная дипломатия канонеров,*

направленная на достижение эффекта без прямого боестолкновения”,- полагает господин Бужинский (Коммерсант, 2 марта 2011).

3) известные выражения из сферы литературы: *Нынешняя пандемия оказалась тем самым глобальным сдвигом, если хотите, «черным лебедем», который поставил нас перед выбором: закрыться и обвинить других во всех бедах, или же выйти из кризиса вместе, объединиться во имя благополучного будущего всех стран и народов (АиФ, 6 октября 2020); Я с изумлением читаю некоторые такие оценки из разряда «пикейных жилетов» (РГ, 12 ноября 2020).*

4) профессионализм из сферы механики: *Эксперт отмечает, что «эриядская группа» должна пересмотреть свои позиции, потому что она стала главным тормозом переговорного процесса в Женеве (Известия, 31 мая 2016).*

5) профессионализмы из сферы психологии: *Наша позиция в отношении оценки происходящего в мире в принципе совпадает с теми формулировками, которые используются в докладе: «волатильность», «импульсивность» международной жизни (РГ, 13 октября 2020).*

Все вышеприведенные примеры функционируют как эффективные приемы введения в массовое заблуждение. Функция такой замены – намеренное затруднение понимания смысла массовой аудиторией, и вместе с тем, корректировка передаваемой отрицательной ассоциации.

3. Соотношение между термином «политический эвфемизм» и «новояз». В исследовательских работах ученого Дж. Лоуренса указывается не только смежность эвфемизмов и политики, но и внутренняя связь политических эвфемизмов и новояза. «Эвфемизмы в политике похожи на слова «нового языка», который был впервые предъявлен писателем Дж. Оруэллом» [Lawrence, p. 33]. Однако ввиду того, что феномен новояза является относительно новым и малоизученным, в нашем исследовании границы его применения будут рассмотрены обзорно.

Новояз (англ. Newspeak) впервые в виде лингвистического термина создается в оруэлловском произведении политического сюжета «1984». Данный вымышленный официальный язык употребляется в военно-политическом

конфедеративном блоке Океании – государстве с тоталитарным режимом. Автор подчеркивает особый признак новояза, который представляет собой «единственный на свете язык, чей словарь с каждым годом сокращается». «Задача новояза – сузить горизонты мысли»³. С помощью сокращения языкового запаса осуществляется абсолютное подчинение и стандартизация мыслительной деятельности. Опираясь на ту традицию, формируется убеждение, что в лингвистике и социальной философии термин «новояз» используется лишь по отношению к ситуации, когда конструктивные элементы новояза преднамеренно и массово используются для воздействия на сознание человека.

Новояз снова и снова появлялся под названиями идеологический язык, официальная речь, сталинский, тоталитарный язык, речь коммуниста, советский язык, авторитарный русский. (Newspeak reappeared time and again under the names ideological language, official speech, Stalinese, totalitarian language, Communist speech, the Soviet language, authoritarian Russian [Gerovitch 2002, p. 13]). Хотя с точки зрения современного человека в XXI веке тоталитаризм уже в большой степени был изгнан из политической системы и сменился обществом демократии, но практическое значение изучения новояза актуально не в меньшей, а может быть и в большей степени, чем раньше. Гипотеза лингвистической относительности, сформулированная Э. Сепиром и Б. Уорфом, утверждает, что язык является не только средством выражения мыслей, но, главным образом, формой, определяющей образ наших мыслей [Уорф 1960, с. 174]. И правительства потребления, демократические революции, информационные войны создают новые типы «новояза», влияющего на особенности нашего мышления и поведения.

Сходный с утверждением вышеупомянутых ученых взгляд на политический мотив новояза встречаем в работе [Киселева 2013]. Она понимает суть новояза таким образом: это политкорректная речь, доведенная до предела. К тому же, от следующих взглядов мы ставим соотношение политических эвфемизмов и новояза в прямую зависимость.

В книге «1984» новояз состоит из трех пластов: словарь А, словарь В и

---

³ ср.: «Newspeak was designed not to extend, but to diminish the range of thought».

словарь С. Необходимо уделить особое внимание *В-словарю*, специально предназначенному для политических целей, т.е. не только имеющему политическое значение, но и создающему у говорящего определенную политическую установку [Оруэлл 2017, с. 236-245]. Проиллюстрируем сказанное примерами из романа: используя слово «*joyscamp*», адресант вместо отрицательного оттенка *forced-labor*, подразумевает такое действие, которое должно быть положительно воспринято адресатом. Новояз «*malreported*» и «*malquoted*» может оказаться неясным для не носителя языка-реципиента, так как приставка *mal-* образует сложные слова со значением без-, не-. Однако данное наименование обладает большей благозвучностью и респектабельностью. Таким способом денотат улучшается, несмотря на его прямое обозначение «когда “Таймс” сообщает о факте, который правительство позже сочло неправдой, правительство никогда не “ошибается”, а газета неправильно сообщает факты».

Возвращаясь к лингвистическому изучению новояза настоящего времени, стоит отметить, что оруэлловская идея новояза оказалась чрезвычайно актуальной не только для стран с тоталитарным строем, но и для нынешней политической атмосферы. Как английское слово *Newspeak*, так и русское слово *новояз* обросло множеством ассоциаций, и это, скорее, языковая система, а далеко не отдельные разрозненные элементы. Автор научного труда «Конструирование языков от эсперанто до дотракийского» А. Пиперски представляет новояз как любой не слишком понятный манипулятивный язык, который негативно оценивается говорящим [Пиперски 2017, с. 160]. Придерживается того же взгляда и С. Пулу [Roole 2007]. Между тем, «новояз XXI века обладает промежуточным положением, располагаясь между сферой цензуры, с одной стороны, и областью политкорректности и эвфемизации – с другой» [Олешкова 2016, с. 77].

Таким образом, резюмируя сказанное, можно сделать вывод: до недавнего времени термин «новояз» использовался в двух значениях: 1) диалект определенной субкультуры, особенно образованный путем преднамеренного искажения слов литературного языка. 2) языковой стиль политической или иной пропаганды и агитации, в котором используются неологизмы и эвфемизмы,

призванные замаскировать или скрыть реальное положение вещей [Бартов 2009, с. 15]. Нам представляется целесообразным добавить еще одно значение. Современный новояз – это еще и возникшая в русскоязычном коммуникативном пространстве новая форма речевого поведения, в структуре которого слова искусственно создаются, чтобы осуществлять манипуляции общественным сознанием.

Данные исследовательские результаты не были рассчитаны на получение данных, репрезентативных для анализа понятия политических эвфемизмов в целом, но позволили проследить некоторые важные подходы в дальнейшем изучении. Под политическими эвфемизмами в настоящем исследовании понимается особая группа эвфемизмов, которая используется в качестве средства реализации стратегии воздействия в политической коммуникации и выполняет в основном следующие функции: корректирование речи в рамках этических норм, камуфлирование истинного смысла, манипулирование массовым сознанием и формирование речевого поведения.

1.3. Коммуникативно-прагматическая категория политических эвфемизмов

Язык является наиболее часто используемым средством массовой коммуникации. Носители языка с помощью различных способов выражения передают информацию, но сообщение не является конечной их целью. Почти столетие назад Ж. Вандриес отметил, что человек использует язык не только для того, «чтобы выразить мысль, но также, чтобы подействовать на других» [Вандриес, 1937, с. 237]. Более подробное изложение вопроса о коммуникативной цепочке речевой деятельности есть в работе Н.И. Клушиной. По мнению ученого, максимально развернутая речевая цепочка состоит из следующих звеньев: «адресант – интенция – текст + коммуникативная ситуация – адресат – декодирование – воздействие (перлокутивный эффект / коммуникативная неудача)» [Клушина 2012]. Функция *воздействия на адресата* – одна из основных функций языка, которая активно изучается научным сообществом; понимание ее сути у разных ученых различно. Усилиями исследователей ([Карнеги 2022],

[Сопер 1995] и мн. др.) формируется новая интегральная наука – речевое воздействие (далее – РВ).

Вопрос о сущности понятия РВ в той или иной мере обсуждался (см., в частности, работы [Федорова 1991], [Тарасов 1990], [Баранов 1990], [Седов 1996], [Стернин 2001], [Иссерс 2003, 2009], [Желтухина 2003], [Шелестюк 2014]. В зависимости от разных подходов изучения (когнитивная / коммуникативная/ психологическая лингвистика) РВ трактуется неоднозначно. В нашем исследовании мы придерживаемся коммуникативно-прагматического подхода. При таком подходе изучение эффективности РВ (соответствующих приемов речевого поведения и стратегий говорящего) попадает в предметное поле исследования.

В качестве рабочего мы принимаем широкое определение РВ и понимаем под ним «любое речевое общение, взятое в аспекте его целенаправленности, целевой обусловленности, <...> речевое общение, описанное с позиции одного из коммуникантов, когда он рассматривает себя как субъект воздействия, а своего собеседника – как объект» [Тарасов 1990, с. 5]. В отличие от широкого понимания РВ, включающего в себя как субъектно-объектные отношения субординации (императивное требование), так и отношения координации (убеждение, внушение, заражение), РВ в узком смысле предполагает лишь координативные отношения. О.С. Иссерс, ссылаясь на работу «Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации», приводит пример агитационного выступления как иллюстрацию координативных типов отношений [Иссерс 2009, с. 23].

Возвращаясь к отношению между политическими эвфемизмами и РВ, стоит отметить, что анализ политических эвфемизмов немислим без понимания сути речевого воздействия, а также особенностей его функционирования. Эвфемия как речевая стратегия воздействия на массовую аудиторию многократно изучалась в работах Ю.С. Басковой [Баскова 2009]; Л.Н. Саакяна [Саакян 2010]; М.А. Корчевской [Корчевская 2012]; А.Ю. Мирониной [Миронина 2012].

Следует отметить, монографию [Баскова 2009], в которой автор, анализируя точку зрения С.А. Мегентесова и И. Мохамата (см. [Мегентесов, Мохамат 1997]),

приходит к выводу о том, что «эвфемистические единицы способны достигать суггестивного эффекта, то есть воздействовать на подсознание человека» [Баскова 2009, с. 56]. При этом автор комплексно описывает механизмы манипуляционного воздействия эвфемизмов. Другой ученый – Л.Н. Саакян – установил связь между эвфемией и речевым убеждением, назвав эвфемию «стратегией непрямого речевого убеждения, которая по форме опирается на принцип коммуникативного сотрудничества, по сути же предполагает словесное доминирование говорящего» [Саакян 2010, с. 12-13].

Учитывая тот факт, что полемика относительно понятий *убеждение* и *манипуляция* ведется учеными весьма активно, представляется необходимым рассмотреть два этих термина через призму феномена *политической эвфемии*.

С одной стороны, опираясь на существенное различие между *убеждением* и *доказыванием*, А.В. Антонова связывают процесс убеждения с речевым манипулированием. В частности, А.В. Антонова в своей диссертации отождествляет речевое манипулирование с процессом убеждения и рассматривает их как «процесс воздействия, нацеленный на неконтролируемые или плохо контролируемые реакции реципиента, относящиеся как к сфере сознания, так и к сфере явлений, подобным эмоциям, при возможной частичной критической оценке подаваемой информации» [Антонова 2011, с. 39].

С другой стороны, В.И. Карасик, основываясь на критерии открытости / скрытости воздействия, противопоставляет убеждение манипуляции (см. [Карасик 1991]). С.П. Анохина считает, что основание различий двух данных видов воздействия лежит в субъектной структуре и различной направленности вектора бенефактивности [Анохина 2013]. С точки зрения М.В. Жученка, Ж.Б. Атмурзаевой, А.В. Коломоца, различие главным образом зависит от умыслов, степени удержания правды и степени свободы выбора.

Обращение к данным работам позволяет нам концентрированно представить основные тезисы, касающиеся убеждения и речевого манипулирования. На наш взгляд, убеждение и манипуляция являются одними из способов достижения интенции говорящего в процессе коммуникации, но они различны по своей

природе:

1) речевое убеждение включает в себя свободный выбор; манипуляция исключает у адресата возможность сказать «нет»;

2) речевое убеждение стремится к истине; при манипуляции существует искажение или утаивание истины;

3) речевое убеждение побуждает к положительным изменениям; манипуляция пытается представить идею или поведение вопреки интересам манипулируемых;

4) при убеждении «принятие позиции пропонента принесет пользу прежде всего оппоненту, а пропоненту, скорее всего, моральное удовлетворение» [Анохина 2013, с. 9]; при манипулировании манипулятор ставит основной целью исключительно выгоду для себя.

Определим политический эвфемизм как средство *манипулятивного* воздействия. Политические эвфемизмы связаны в первую очередь с целевой установкой говорящего. При эвфемизации асимметрия роли предполагает, что адресат будет подвергаться своеобразному интеллектуальному насилию со стороны адресанта-манипулятора. Скрытое свойство воздействия таких языковых единиц способно реализовать речевую стратегию эвфемии от перефразирования к результату переобозначения.

Как известно, успешное речевое общение нуждается в эффективных приемах РВ. В то же время такие приемы играют свою роль и в процессе регулирования речевой ситуации от воздействующего субъекта. В монографии [Шелестюк 2014] представлена авторская типология приемов РВ. На основании этих приемов мы составили собственную картину механизма функционирования политических эвфемизмов.

Политические эвфемизмы способны создавать *полуправду*, достигаемую подбором и «дозировкой» информации, соотношением негативных и позитивных деталей. Когда речь идет о данном приеме, то в нашем корпусе примеров можно найти следующие политические эвфемизмы, затрагивающие административные меры власти по борьбе с коронавирусом. Например, в случае необходимости

осведомления всех граждан о вынужденных мерах ограничения свободы в СМИ создаются большое количество эфемистических единиц: «апрельская неработа» (Коммерсант, 7 апреля 2020); «введение нерабочей недели» (Известия, 15 апреля 2020). Спецификой воздействия таких эфемизмов на аудиторию является дробление информации. Передается лишь информация об отдыхе и отпуске, на которую специально делается акцент, и едва упоминается или полностью замалчивается информация о потере доходов, отталкивающая адресата информация.

К приемам манипулятивного воздействия политических эфемизмов можно отнести следующие:

1) Политические эфемизмы путем *пристрастной селекции аргументов* осуществляют оправдание какой-либо деятельности. По нашим наблюдениям, эта особенность политических эфемизмов наиболее часто проявляется в текстах СМИ по военной тематике. См.: «силовые меры для наведения порядка в Чечне» (Коммерсант, 13 сентября 1994); «операция по принуждению к миру» (АиФ, 16 сентября 2008). Дальнейшее воздействие предполагает активизацию устоявшихся стереотипов и архетипов (справедливость нужно защищать). Очевидно, что при описании военных действий, которые вызывают у адресата отвращение и страх, политические эфемизмы максимально подчеркивают справедливость, которая оказывается на стороне нападающей стороны и тем самым эта сторона получает общественную поддержку.

2) Политические эфемизмы посредством *искажения истинных масштабов событий или явлений* минимизируют «проблемную зону» и таким образом реализуют корректировку воспринимаемого адресатом содержания. С помощью этого приема масштаб и серьезность имеющихся проблем намеренно преуменьшаются, что позволяет правительству или чиновникам ловко скрывать свои ошибки от народа. Известно, что в 80-90 гг. прошлого века обострились такие проблемы, как нехватка товаров, низкое качество продуктов, что явилось следствием распада экономических институтов. Возникла необходимость использования политических эфемизмов для стирания негативного впечатления и

сохранения имиджа правительства. «...недовложения в продукцию у них на сумму свыше 1000 руб» (АиФ, 15 октября 1988); «Недовес в них составлял 6 - 11% вместо разрешенных 3%» (АиФ, 27 декабря 1995); «...на протяжении последних лет потенциал оборонно-промышленного комплекса “явно недооценивался и недоиспользовался”» (АиФ, 24 сентября 1998). Уменьшая силу влияния негативных факторов, употребленные политические эвфемизмы оказывают манипулятивное воздействие на сознание реципиента.

3) *Размывание и подмена понятий* реализуются в употреблении политических эвфемизмов. Суть эвфемизации проявляется в семантической редукции [Сеничкина 2012, с. 38] и семантической неопределенности [Шейгал 2000, с. 21-22]. Большинство политических эвфемизмов включает в себя абстрактные понятия. Более того, варьирование уровня абстракции предоставляет большие возможности для манипуляции [Иссерс 2009, с. 95]. К числу потенциально манипулятивных политических эвфемизмов с высоким уровнем абстрактности, активно используемых в современной русскоязычной прессе, можно отнести слова: *реструктуризация, модернизация, структурные изменения, санкция и т.д.* Безусловно, в сопоставлении с прямой номинацией, размывание семантического контура изменяет представление адресата о действительности. Поскольку «размыв понятия, легко фабриковать мифы» [Кара-Мурза 2001, с. 245].

Из сказанного следует, что политики и дипломаты часто прибегают к использованию эвфемизмов, поскольку эвфемизмы обладают высокой эффективностью в манипуляции сознанием. Как отмечает А. Моль, «искажение реальности достигается чаще в результате кумуляции мелких отклонений, происходящих всегда в одном и том же направлении, чем решительных, бросающихся в глаза действий» [Моль 2008, с. 239]. В политических эвфемизмах приемы пристрастной селекции аргументов, искажения истинных масштабов событий или явлений, размывания и подмены понятий совместно составляют упомянутую А. Модем кумуляцию мелких отклонений. Это мощный инструмент в руках власти и политиков, путем которого они стараются направлять общественное мнение в заданное русло, пользуясь при этом различными

приемами. Эвфемистическая организация речи играет важную роль при коммуникации между субъектами воздействия и целевыми реципиентами.

1.4. Динамические процессы в классе политических эвфемизмов

Язык всегда находится в подвижном состоянии. Отметим, вслед за лингвистом М.А. Кронгаузом, что язык «все время ускользает: пока изучаешь современный язык, он уже успевает измениться, исследователь постоянно не успевает за своим объектом, догоняет его» (цит. по [Волошина 2016, с. 9]). Гибкая изменчивость языка осуществляется в процессе постоянного отбрасывания ненужных форм передачи смысла и обогащения языкового запаса новыми удобными, эффективными, целесообразными средствами выражения. Об актуальности подобных исследований свидетельствуют монографии, диссертации, статьи [Крысин 2008], [Земская 2000]; [Валгина 2003]; [Скляревская 2001]; [Кузьмина, Абросимова 2020]; [Юдина 2010] и др].

Основываясь на вышеперечисленных научных трудах, отметим, что лингвисты часто связывают понятие «динамика», «эволюция» с тенденцией языкового развития. Рассмотрение дефиниций этих терминов поможет лучше понять их суть.

В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова слово *динамика* в современном русском языке имеет три основных значения и для нашей работы актуальным является значение ‘ход развития, изменения какого-н. явления’ [Ожегов 2007, с. 162]. По определению «Энциклопедического словаря-справочника лингвистических терминов и понятий», данное слово можно понять как ‘рассмотрение явлений языка в их связи с более ранними явлениями того же языка и других языков той же группы’ [Тихонов и др. 2014, с. 48].

Слово *эволюция* произошло от латинского *evolution* – развертывание. В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова данное слово понимается как ‘развитие, процесс постепенного непрерывного количественного изменения кого-чего-н., подготавливающий качественные изменения’ [Ожегов 2007, с. 883]. В другой версии толкового словаря русского языка лингвист Д.Н. Ушаков предлагает следующую трактовку: *эволюция*: ‘развитие, процесс изменения кого-

чего-нибудь от одного состояния к другому' [Ушаков 2000, с. 1392]. Данные основные словари русского языка отражают узкий и широкий смысл понятия *эволюция*. На основании анализа дефиниции слова *эволюция* общее понимание эволюции языка в данном исследовании схоже с устоявшимся в словаре иностранных слов современного русского языка. Под эволюцией далее мы будем понимать процесс развития и постепенного изменения языка, связанный с постепенным непрерывным накоплением количественных изменений с последующим переходом на качественно новый уровень (см. определение в работе [Егорова 2014, с. 766]).

По мнению Д.Н. Шмелева, «в самом языке как системе нет необходимости инноваций; но для разных его элементов неодинакова возможность замен и изменений» [Шмелев 1964, с. 5]. Сходные мысли были высказаны и в книге Р. Лэсса, где было отмечено, что «все изменения возможны, но не обязательны, что язык меняется подобно моде или искусству» [Лэсс 1987, с. 131]. Среди всех структурных ярусов языка лексика – наиболее подвижный уровень языка, подвергающийся наиболее заметным изменениям» [Реформатский 2000, с. 471; Маслов 1987, с. 195].

Будучи составной частью лексики, политические эвфемизмы также подвержены изменениям. В последние годы наметилась тенденция рассматривать преемственность политических эвфемизмов за короткий промежуток времени, т.е. тенденция статического описания эвфемии. Есть иной немаловажный подход изучения эвфемистических переименований, который, к сожалению, не является достаточно разработанным и требует междисциплинарного подхода. Речь идет о лингвистическом исследовании эвфемии с учетом ее динамичности. Пока существует очень ограниченное количество работ, непосредственно или каким-то образом затрагивающих эволюционный характер в системе эвфемизмов.

Динамическим процессам в системе эвфемизмов посвящены работы таких видных ученых, как Б.А. Ларин [Ларин 1961], А.М. Кацев [Кацев 1988], Е.П. Сеничкина [Сеничкина 2012]. А.М. Кацев констатирует, что эвфемистический словарь считается подвижной системой [Кацев 1988, с. 59]. В

«Лингвистическом энциклопедическом словаре» под ред. В.Н. Ярцевой эвфемизмы определяются как группа эмоционально нейтральных слов или выражений, характеризующихся высокой степенью подвижности [Ярцева 2002, с. 680]. Более того, Е.П. Сеничкина оценивает сферу эвфемизмов как «одну из самых динамичных в составе лексики русского языка» [Сеничкина 2012, с. 101].

Далее рассмотрим основные факторы, стимулирующие инновации в развитии эвфемистического ряда.

1. Экстралингвистический фактор

В «Энциклопедическом словаре-справочнике лингвистических терминов и понятий» толкование слова “динамика” сопровождается комментарием: «эволюция любого языка определяется действием экстралингвистических факторов» [ЭСЛТП 2014, с. 120]. Лингвист Е.П. Сеничкина поставила динамику развития эвфемизмов в прямую зависимость от экстралингвистических причин и отметила, что «для замены социальных эвфемизмов значимой оказывается темп социальных изменений» [Сеничкина 2012, с. 105]. В нашем исследовании роль экстралингвистического фактора в процессе эволюции эвфемизмов заключается в том, что в связи с устранением социальных мотивов табуирования, исчезновением тех или иных политических реалий, отдельные политические эвфемизмы выпадают из активного запаса лексики. К тому же экстралингвистические факторы могут влиять и на появление эвфемизмов для адаптации новой реальности.

При рассмотрении лингвистической сущности эвфемизма все исследователи сходятся во мнении о том, что потребность в эвфемии возникает тогда, когда в социуме существует какое-нибудь табу на что-то.

Существование социальных табу всегда является причиной появления эвфемизмов. Семантика эвфемизмов по мере развития языка и общества в целом также менялась: одни компоненты значения актуализировались, другие уходили на периферию. По мере развития человечества (научно-технического и культурного прогресса) многие оригинальные табу утратили свой табуированный статус, некоторые постепенно исчезли из языка. В то же время в новых

социальных условиях под влиянием новых веяний и прогресса, рождаются новые табу [王辛夷 2003, с. 19]. Их отличие от древних слов-табу в том, что каждый народ имеет понятия, считающиеся «неподходящими» для вежливого общения. Табу стали понимать как словесный запрет вообще, т.е. включать как подлинные табу в языках первобытных народов, так и табу в корпоративных и групповых жаргонах, политические табу [Тюрина 1998, с. 7]. Необходимость в употреблении эвфемизмов утрачивается по мере исчезновения запрета на упоминание в политической жизни какого-то явления. Вслед за этим стираются и заменительные свойства политических эвфемизмов.

Выделенные нами отрезки времени 1964-1982 гг., 1985-1999 гг. и 2000-2022 гг. охватывают промежуток более чем пятьдесят лет. За обозначенный отрезок времени общество переходило от периода застоя к периоду перестройки. Внутри страны произошел кризис политического режима, всесторонняя гласность, отмена однопартийной системы, отмена цензуры в СМИ, распад СССР, денежные реформы, развитие частного предпринимательства и т.п. Если говорить о международной политической обстановке, то можно отметить, что вследствие перехода от однополярного миропорядка к многополярной модели мироустройства нарастают и усиливаются противоречия между странами. Все вышеобозначенные коренные изменения, произошедшие в общественно-политической сфере Советского Союза и России, привели к тому, что «стал существенно меняться языковой материал, стала вырисовываться новая реальность языкового существования» [Шапошников 2010, с. 3]. Показательно, что «некоторые эвфемизмы, используемые во время СССР, с течением времени уже утратили свою эвфемистичность и стали общим лексиконом, и даже заняли место в стандартном словаре» [苗幽燕 1999, с. 34].

2. Лингвистический фактор

Проблема динамического развития политических эвфемизмов в языковой системе поднималась в работах ряда исследователей. Ученые сходятся во мнении, что ключевым показателем оценки динамики изменения тенденций употребления эвфемизма является частотность его употребления, т.е. эвфемистический

потенциал у заменителей прямо зависит от частотности их употребления. Чем чаще те или иные эвфемистические единицы появляются перед глазами у массовой аудитории, тем меньше их «эвфемистический потенциал», т.е. способность «маскировать» реальность. В процессе многократного использования эвфемизмы постепенно теряют «облагораживающие свойства» [Ларин 1961, с. 110] и вследствие этого возникает потребность в новом преобразования эвфемизмов.

Ученый С. Видлак прибавляет к данному процессу дезэвфемизации метафорическое объяснение – «заражение». «В этом случае исключительно сильно действуют психологически- социологические причины, ср. традиционное понятие «заражения» табуизированным понятием эвфемистического субститута посредством контакта этого последнего со словом-табу» [Видлак 1967, с. 283]. Кроме того, в монографии Е.П. Сеничкиной подобный случай отсева эвфемизмов называется «загрязнение денотата» [Сеничкина 2012, с. 104]. То есть если слово часто употребляется в качестве эвфемизма и становится эвфемизмом-клише, то его эвфемистическая функция проявляется при всех употреблениях единицы в речи, вне зависимости от того, что имеет в виду говорящий и вкладывает ли он эвфемистический смысл в высказывание в данной речевой ситуации. В этом плане показателен пример, приведенный А.М. Кацевым: в случае выражения благодарности в русском языке предпочтительнее заменять «я вас отблагодарю» на «Я вам буду очень признателен» или «Я скажу вам большое спасибо» для избегания возможного намека на взятку [Кацев 1988, с. 64]. По причине того, что слово «отблагодарить» в своей семантической структуре содержит отрицательную (-) коннотацию 'взятка', данное слово в значении 'благодарность' (+) перестает использоваться.

Интересным в этом плане представляется еще одно наблюдение. Именно в данном процессе постоянное стирание эвфемистической функции способствует формированию синонимических цепочек политических эвфемизмов. Синонимический ряд неоднократно появляется в научных трудах таких исследователей, как А.С. Мейриева [Мейриева 2004], О.А. Морозова

[Морозова 2022]. В качестве примера приведем цепочку понятия *старик*: *старенькие люди* → *пожилые люди* → *престарелые люди* → *люди в возрасте* → *люди почтенного возраста* → *ушедшие на заслуженный отдых граждане*. Можно наглядно убедиться в том, что данный лексический ряд располагается по возрастанию эвфемистического потенциала. Их механизм преобразования заключается в том, что заменители переходят в заменяемые, а их заменяемые, в свою очередь, подвергаются замене. На протяжении определенного периода времени циклическая утрата статуса эвфемизма у заменяемого и прибавление новой эвфемистической окраски заменителю способствует эволюции системы эвфемизмов.

Следует подчеркнуть, что между эвфемизмами, появляющимися в языке в результате действия экстралингвистических факторов и эвфемизмами, возникающими под влиянием собственно лингвистических факторов, существует различие. Приведем здесь точку зрения А.М. Кацева: «Первые вообще перестают употребляться, а вторые исключаются лишь из эвфемистического вокабуляра, но продолжают существовать в языке в новом качестве, т.е. как слова-табу» [Кацев 1988, с. 62]. Например, из активного словаря 21 века выпали советский эвфемизм «десять лет без права переписки» в значении ‘расстрел’. Данный эвфемизм был создан в эпоху сталинизма и употреблялся исключительно в данный период времени и в настоящее время он уже не воспринимается как политический эвфемизм. В то же время употребляемый в период 1 политический эвфемизм «застой» из-за стирания эвфемистического потенциала служит эвфемизмом-табуизмом и заменяется новым эвфемизмом «затишье». Разница примерно та же, что существует между историзмами и архаизмами. Первые обозначают исчезнувшие реалии, вторые – сохранившиеся очи (архаизм) – глаза; боярин (историзм).

Исходя из вышесказанных причин, в рамках эволюции эвфемизмов появилась бинарная оппозиция «стертый эвфемизм» и «истинный эвфемизм». Понятие «стертый эвфемизм» и «истинный эвфемизм» (функциональный критерий) впервые предлагает А.М. Кацев.

Термин «стертый» А.М. Кацев заимствует из категории метафоры и метонимии. Ученый разграничивает данные два понятия, исходя из степени экспрессивности, образности, свежести употребления эвфемизмов в коммуникации. Исследователь характеризует «стертые эвфемизмы» как отдельные единицы из эвфемистического вокабуляра, утрачивающие способность выполнять нейтрализацию редакции на слово и воспринимающиеся как прямое запрещенное понятие [Кацев 1988, с. 41]. Это можно показать на примере из словаря эвфемизмов русского языка: в случае выражения значения ‘смерть’ слово *кончина* может считаться «стертым» [Сеничкина 2016, с. 20]. Иначе обстоит дело с трактовкой понятия «истинный эвфемизм». Под «истинным эвфемизмом» понимается окказиональный эвфемизм (контекстуальный) [Кацев 1988, с. 45], [Сеничкина 2016, с. 17], продуктивный на данном историческом этапе, обладающий максимальным эвфемистическим потенциалом.

Для более подробного выяснения взаимоотношений между двумя этими группами эвфемизмов, целесообразно сослаться на мнение Ю.С. Ботороевой. Исследователь констатирует, что «в случае стертого эвфемизма знак и объект связаны устойчивой интерпретантой (*ultimate interpretant*, в терминах Ч.С. Пирса), и смысл постепенно переходит на уровень инварианта, становится значением [Ботороева 2011, с. 23]. Напротив, «истинный эвфемизм» определяется как знак, который позволяет выстроить такую интерпретанту, которая бы отдаляла объект от репрезентамена [Там же].

Итак, из сказанного выше следует, что язык является постоянно развивающейся системой, ее изменчивость всегда в первую очередь отражается в лексике. Причина в том, что лексика обладает самой тесной обращенностью к действительности. В качестве отдельной группы лексики политические эвфемизмы естественно наследуют динамический характер собственного обновления в хронологическом порядке.

Выводы по первой главе

Проблемы политических эвфемизмов в коммуникативно-прагматическом

аспекте начали изучаться исследователями в рамках научной лингвистической теории с середины 20-го века (со времен войны во Вьетнаме). Небывалыми темпами шло углубление политических связей между разными странами; бурное развитие информационных технологий предоставило реальные условия для появления, использования и преобразования политических эвфемизмов. Изменения социальных условий и исторической обстановки в различные периоды являются тем экстралингвистическим фактором, который способствует семантическим сдвигам в семантической структуре эвфемизмов, а также появлению новых эвфемизмов.

Актуализация эвфемистической замены представляет собой искусственный процесс варьирования коннотации от негативной к более позитивной. Основные механизмы формирования политических эвфемизмов включают смягчение и мелиорацию «стигматичного» денотата. Под воздействием смягчения негативной номинации осуществляются вежливая коммуникация и приукрашивание реальной деятельности, а мелиорация негативной номинации дает пользователям политических эвфемизмов возможность формировать диаметрально противоположную оценку одному и тому же событию.

В отличие от бытовых эвфемизмов, характеризующихся этничностью и религиозным порядком, в политических эвфемизмах первостепенное значение приобретает идеологический фактор. С одной стороны, политические эвфемизмы направлены на поддержание «лица» либо говорящего (престиж власти и правительства), либо аудитории (отдельные группы массовой аудитории), либо какой-нибудь третьей стороны (международный имидж). С другой стороны, политические эвфемизмы выступают частью технологии власти, направленной на сознательное введение в заблуждение в интересах субъекта воздействия.

Эвфемизмы определяются как номинативные единицы, обладающие обязательными признаками: 1) обозначением денотата, название которого вызывает отрицательные ассоциации либо в социальной обстановке, либо с точки зрения адресанта; 2) возможной семантической неполнотой заменяемого слова по сравнению с оригинальным выражением; 3) формальным улучшением денотата

по сравнению с денотатом заменяемого слова или словосочетания. На основе данного утверждения основными критериями идентификации политических эвфемизмов считаются вертикальный процесс использования – сверху вниз, от власти к народу; наличие инициированности политического субъекта; наличие оценочной шкалы и базовой оппозиции «свой-чужой»; лозунговость; смысловая близость понятий эвфемизация и дезинформация.

Под термином «политический эвфемизм» с позиции коммуникативно-прагматического анализа понимается эвфемизм, употребляющийся в качестве средства камуфлирования истинного смысла, манипулирования массовым сознанием и развития речевого феномена «новояз».

Феномен политкорректности способствует образованию политически корректных слов и выражений, которые однотипны с политическими эвфемизмами по своей функции. *Doublespeak* также относят к подгруппе политических эвфемизмов и рассматривают как способ введения в заблуждение. В отличие от политкорректных замен, единицы *doublespeak* без дополнительного контекста непонятны. Современный новояз – это возникшая в русскоязычном коммуникативном пространстве новая форма речевого поведения, в структуре которого слова искусственно создаются, чтобы манипулировать общественным сознанием.

Саморазвитие эвфемистического запаса главным образом обусловлено двумя причинами: экстралингвистическим и лингвистическим факторами. С экстралингвистическим фактором тесно связывается трансформация общественно-политических реалий, радикальное изменение которых приводит к пополнению вокабуляра «стертых эвфемизмов». Они теряют статус эвфемизмов после того как перестает существовать явление. Лингвистический фактор связан с «загрязнением денотата», что предопределяет потребность в формировании «истинных эвфемизмов» для поддерживания стимула обновления системы эвфемизмов в диахронии.

Политические эвфемизмы составляют коммуникативно-прагматическое средство корректировки массового мнения, форма которого трансформируется и

видоизменяется в разные периоды существования языка. Играя роль «промежуточного звена», политические эвфемизмы связываются историческим процессом с современным социумом, эволюционируют от «стертых» к «истинным».

Глава 2. Политические эвфемизмы в русских СМИ разных периодов (функционально-тематические группы)

Теперь перейдем к составлению тематической классификации политических эвфемизмов, выделив три периода: с 1964 по 1982 гг., с 1983 по 1999 гг. и с 2000 по 2023 гг. Эвфемизмы, связанные в военной операцией в Украине нами не рассматривались. Проанализируем тенденции и количественное соотношение элементов в группах.

С учетом выделенных временных промежутков объем проанализированных в данной диссертации языковых единиц составляет 1093 ед. (171 ед. в период руководства страной Л.И. Брежневым; 234 ед. в период руководства страной М.С. Горбачевым, а затем Б.Н. Ельциным; 688 ед. в новейший период руководства страной В.В. Путиным). Особо актуальным представляется изучение политических эвфемизмов по хронологии и тематической отнесенности. В соответствии с выбранными нами периодами пребывания у власти руководителей страны в своем исследовании именно поэтому мы выделяем данные временные отрезки: период руководства страной Л.И. Брежневым (1964-1982 гг.), период руководства страной М.С. Горбачевым, а затем Б.Н. Ельциным (1985-1999 гг.) и новейший период руководства страной В.В. Путиным (2000-2023 гг.), обозначая их как первый, второй и третий периоды.

Анализ совокупности отобранных материалов трех периодов позволил выделить четыре базовых тематических группы политических эвфемизмов:

- 1) внутригосударственные эвфемизмы;
- 2) внешнеполитические эвфемизмы;
- 3) экономические эвфемизмы;
- 4) военные эвфемизмы.

В состав группы внутривнутриполитических эвфемизмов входят эвфемизмы, характеризующие ощутимые социальные проблемы и проблемы эффективного, грамотного управления страной. Ко второй группе относятся эвфемизмы, использованные непосредственно в процессе диалога в ходе международных споров. Группу экономических эвфемизмов составляют эвфемизмы, отражающие

неблагоприятное состояние экономики и вытекающие из него негативные последствия для жизни граждан России и иностранных граждан. В группу военных эвфемизмов вошли эвфемизмы, направленные на обозначение военной деятельности (потери в ходе военных конфликтов, вооружение армии).

Рассмотрим выделенные группы политических эвфемизмов подробнее.

2.1. Политические эвфемизмы (период 1: 1964 – 1982 гг.)

Политические эвфемизмы, употребляемые во внутригосударственной сфере 1964-1982 гг. За период 1964-1982 гг. мы обнаружили несколько политических эвфемизмов по тематике изгнания из партийных организаций: *«чистка в верхнем эшелоне»* (Правда, 6 февраля 1980); *«очистка и оздоровление учреждений»* (Правда, 1 июля 1980); *«делать оргвыводы»* (Правда, 4 марта 1980) и *«коренные кадровые реформы»* (Правда, 16 февраля 1980).

Приведенные примеры интересны тем, что в них не используются прямые наименования (*увольнение, снятие с должности, тюремное заключение*). Вместо него широко представлены существительные с широкой семантикой: «чистка», «меры» и «реформы». Эти эвфемистические субституты отличаются максимальной семантической размытостью, которая вуалирует борьбу за власть во внутригосударственных органах.

На каждом этапе истории в государстве существуют социальные проблемы, поэтому сообщения о них «не могут не включаться в коммуникацию, а отрицательное к ним отношение в обществе диктует потребность новых косвенных наименований» [Кацев 1988, с. 72]. В период 1 одной из типичных социальных проблем является пьянство. Политики в своих речах не раз поднимали проблемы пьянства, ведь нельзя построить новое общество, не устранив данный порок. Так, интересными в этом плане представляются примеры:

«А вот более конкретные данные, полученные сочинским санаторием «Правда» от медико-санитарной службы Новолипецкого металлургического завода» (Известия, 31 июля 1982);

«Дополнительно открываются наркологические кабинеты, лечебно-трудовые профилактории» (Правда, 17 марта 1973);

«Народные судьи проявили полную солидарность со своими коллегами – общественниками, и алкоголик был препровожден на принудительное лечение в ЛТП» (Известия, 26 января 1973).

В первом и втором примерах политические эвфемизмы посредством лексем «медико-» и «лечебно-» скрывают принудительный характер лечения в вытрезвителе. Еще одним примером, представляющим интерес для анализа, является сокращенная форма словосочетания «лечебно-трудовые профилактории» – «ЛТП». Хотя «нарушение морфемной цельности исходной формы или отдельных ее компонентов» [Павлов 1974: 98] иногда затрудняет понимание адресатами и играет роль эвфемизма, но в третьем примере существование семы «*принудительное лечение*» лишает аббревиатуру ЛТП статуса политического эвфемизма. В самой же аббревиатуре ЛТП прослеживается эвфемизация за счет употребления данной аббревиатуры во всех печатных изданиях. Хотя некоторым людям было неизвестно, что обозначает эта аббревиатура, но подавляющее большинство носителей языка (в советский период) всё же знали: это вытрезвитель. Опросив 100 респондентов, мы увидели, что, тридцать пять респондентов не воспринимают лексему *бомж* как аббревиатуру. Это обратное явление. Слово *бомж* стало синонимом слова *бродяга*.

В процессе управления страной правительство иногда принимает решения, которые вызывают социальные споры, протесты и, как следствие, репрессивные меры со стороны властей. В таких случаях приккрыть средства и факты насилия просто необходимо. Далее рассмотрим общеупотребительные эвфемизмы:

«Никто не судил Сергея Тимофеевича Кучиева. Только при посмертной его реабилитации семья узнала о “десятилетнем заключении без права переписки”» (Известия, 7 декабря 1964).

Выражение «десятилетнее заключение без права переписки» широко употребляется в период сталинских репрессий для создания иллюзии у родственников репрессированного о возможности выживания осужденного. Целью использования этой формулировки является затемнение отрицательной коннотации *смертный приговор*: тем самым сочетание приобретает

эвфемистический статус.

В случае освещения мер партийного и административного воздействия на людей формируется эвфемистическая замена *«предупреждать/ предупредить кого-нибудь»* [Сеничкина 2016, с. 346], *«ставить на вид кому-нибудь»* [Сеничкина 2016, с. 408]. В рассмотренных нами материалах мы нашли иной эквивалентный по контексту эвфемизм для слова «наказать»: *«С этим активисты столкнулись, например, в совхозе имени Калинина Чернышковского района. Пришлось серьезно поправить руководителей хозяйства»* (Правда, 3 июня 1976).

Укажем еще и политические эвфемизмы для освещения криминальной темы. В новостных репортажах журналисты нередко используют слово «колония» вместо слова «тюрьма», поскольку иноязычное происхождение слова «колония» более сложно для восприятия и тем самым оно ослабляет отрицательную реакцию у большинства рядовых носителей русского языка. Приведем еще один пример: *«Ну, а фамилии всех местных жителей, которые помогли найти и задержать преступников, к сожалению, перечислить невозможно»* (Известия, 28 января 1966). Данное выражение рассматривается нами в качестве эвфемизма, так как оно скрывает прямое наименование «арестовать». В работе «Эвфемизмы в современной русской речи» автор Л.П. Крысин также привел этот эвфемизм и указал на то, что он употребляется в сфере «репрессивные действия власти». В результате замены снижается уровень негативного воздействия, а в обществе сокращается число адресатов, связывающих правительственные действия с насилием. По утверждению Л.Н. Саакяна [Саакян 2010], семантическое поле «несвобода» испытывает потребность в эвфемизации в течение длительного промежутка времени.

Далее остановимся на анализе ряда эвфемистических наименований общественных групп, слоев населения. В этой группе обширно представлены политические эвфемизмы для вежливого обозначения меньшинств. Например, оскорбительные именованя «деклассированная группа», «низший класс», меняются на заимствованное сочетание *люмпен-пролетариат* (Правда, 9 марта 1980). Эвфемизм *люмпен-пролетариат* берет своё начало из марксистской теории

и имеет терминологический характер. Считается, что выражение *люмпен-пролетариат* представляет собой кальку немецкого слова *Lumpenproletariat*. Безусловно, иноязычное происхождение и терминологический характер затрудняют его восприятие с первого прочтения, «размывают» денотат.

С учетом требования бесконфликтности в коммуникации прямое наименование порицаемого признака (*хулиган* и т.п.) также заменяется на сочетания «*трудновоспитуемые дети*» (Известия, 4 июня 1970) и «*трудные подростки*» (Известия, 27 мая 1977). К этой категории еще можно отнести политические эвфемизмы «*техничка*» (Известия, 1 сентября 1971) вместо *уборщица*, «*оператор машинного доения*» (Известия, 23 января 1980) вместо *дойрка*.

Таким образом, эвфемистические образования, возникшие в рамках внутригосударственной деятельности, ориентированы на обеспечение стабильности власти и формирование позитивного имиджа правительства. В промежуток времени 1964-1982 гг. любые факторы, которые влияют на социальную стабильность (партийная борьба, принудительные и репрессивные меры, негуманное отношение к гражданам), необходимо трактовать эвфемистическим образом.

Политические эвфемизмы, употребляемые во внешнеполитической сфере 1964-1982 гг. Под внешнеполитическими эвфемизмами подразумеваются эвфемизмы, служащие для регулирования конфликтов в международных отношениях и реализации внешней политики страны. Следует отметить тот факт, что большинство политических эвфемизмов изучаемой группы относятся к 1978-1982 гг. Триггером для их появления послужило конкретное историческое событие – ввод советских войск на территорию Афганистана и начало Афганской войны в декабре 1979 г. С тех пор американо-советские отношения перешли из состояния разрядки напряженности в максимальное усиление конфронтации.

Проанализировав печатные источники – газеты «Правда» и «Известия» – можно отметить, что метафоры широко используются в процессе эвфемистических замен: «*Усилия “Общего рынка” достичь согласия по данной*

проблеме напоминают потуги крыловского “Квартета” сыграть пьесу в то время, когда **каждый из “музыкантов” тянет свое**» (Правда, 25 марта 1983); «*В океане внутрикапиталистических и межимпериалистических противоречий штормовая погода. И, хватаясь за поручни, чтобы не сдуло в море, капитаны капиталистических кораблей* лихорадочно ищут курса, который привел бы их в тихую гавань, отдаляющуюся все дальше, как мираж» (Правда, 16 июня 1978); «Президент Картер, как писал французский журнал “Пари-матч”, поставил Западную Европу в положение, когда она оказалась «зажатой» между двумя целями: не допустить, чтобы ее поведение вызвало **“серьезную драму”** в западном союзе, и не идти слепо за Соединенными Штатами» (Правда, 9 июня 1980).

В первом примере журналист посредством метафоры «каждый из “музыкантов” тянет свое» с иронией раскрывает разногласия между капиталистическими странами. Благодаря образности метафоры автор данного сообщения избегает прямой номинации конфликта, а лишь намекает на несовпадение мнений. Для уточнения роли метафоры в эвфемизации представляется важным остановиться на втором примере. Метафорически перенос «штормовая погода» актуализирует смысл усугубления напряженности взаимоотношений между странами капиталистического лагеря. При помощи образного выражения у читателей создается коннотативная пресуппозиция, что под руководством «капитана капиталистического корабля» – США – капиталистический режим зашел в тупик. Последний пример относится к группе «театральной» метафоры. Из данного контекста следует, что США стараются уравновешивать свой контроль над Европой для снижения вероятности вспышки волны враждебности между Европой и США. Здесь метафора «серьезная драма» скрывает негативную коннотацию – сильное возражение. Приведем еще примеры «театральных» метафор: «дирижер/сценарист» вместо «организатор политического движения», «лицедей, статист, кукловод» – «политический блок или политик», «сценарий» – «процесс развития политического события».

Ниже мы рассмотрим единицы, которые мы отнесли к группе

фразеологизмов-эвфемизмов. Примечательно, что «наработанные в языке эвфемистические конструкции подвергаются фразеологизации» [Ковшова 2007, с. 40-45], «также фразеологизмы с отрицательной оценкой или коннотацией в процессе употребления подвергаются эвфемизации» [Иванян 2022, с. 29]. В общем, «фразеологизмы-эвфемизмы представляют собой особый пласт единиц, которые табуируют те или иные сферы и обладают мелиоративной функцией при обсуждении деликатных тем» [Орлова 2020, с. 65].

Приведем конкретные примеры: «*Надеясь “спрятать концы в воду”, ФБР тайно уничтожило 1.527 томов досье, в которых детально описывались акции шпиков...*» (Правда, 26 ноября 1978); «*Крокодиловы слезы, которые проливает хозяин Белого дома, говорят о провале замыслов правящих кругов США*» (Правда, 5 февраля 1982).

В первом примере фразеологическая номинация отличается от прямого обозначения избавления от улик совершенного преступления наличием в ней нейтрального образного компонента, упаковывается таким образом обвинение. По данным энциклопедического словаря крылатых слов и выражений, фразеологизм *Крокодиловы слезы* связан с древним поверьем, что «крокодил, прежде чем съесть пойманную жертву, проливает слезы, как бы оплакивая ее». [Серов 2005, с. 373]. Далее было доказано, что слезы крокодила не несут эмоциональной нагрузки, это только физиологическая реакция рептилий. Отсюда возникает переносное значение: неискреннее, лживое сожаление» [Федоров 2008, 624]. Это словосочетание содержит ироническую коннотацию, которая рассматривается как примета современной эвфемии [Сеничкина, Никитина 2007: 199], так как она способна к ослаблению негативного характера за счет образности.

Мы также нашли политические эвфемизмы, описывающие конфликт между двумя странами. В целях уменьшения ненужных дипломатических споров при отстаивании собственной позиции в СМИ используются следующие эвфемизмы: «*добьется смещения польского правительства*» (Правда, 23 мая 1982); «*процесс либерализации*» (Правда, 23 ноября 1981); «*попытка “воздействовать” на ПНР в удобном для США направлении*» (Правда, 23 мая 1982); «*политические*

экономические и другие меры против Ливии» (Правда, 12 декабря 1981); *«Большое внимание уделяется созданию в Африке «пятой колонны» империализма»* (Правда, 27 февраля 1980). Данные иллюстрации, выполняющие эвфемистическую функцию по отношению к прямой критике в адрес внешней экспансии США, отвечают требованию дипломатической деятельности. Их эвфемистический эффект осуществляется с помощью замены конкретного имени существительного номинацией «государственный переворот» с общим смыслом «смещение», «воздействие», «другие меры». Термин *пятая колонна* считается политическим эвфемизмом, призванным заменить прямое наименование предателей, изнутри помогающих нападению вражеской нации.

Не менее интересны и другие примеры по теме деятельности разведки, в которых используется один и тоже способ эвфемизации – генерализация значения заменяемых слов. Сфера шпионажа и сообщения о работе соответствующих служб диктуют необходимость создания большого количества политических эвфемизмов: *«особые действия»*, *«скрытые операции»* (Правда, 16 октября 1981), *«внешние операции»* (Правда, 28 января 1980), *«услуга»* (Правда, 4 марта 1980). Одновременно шпионы обозначаются *«корреспондентами»* (Правда, 28 января 1980) и *«агентами»* (Правда, 28 января 1980). Способность этих иноязычных слов выступать в функции эвфемизмов обусловлена их принадлежностью к книжному стилю. Они продуктивно употребляются в целях ослабления негативной реакции аудитории.

Политические эвфемизмы, употребляемые в экономической сфере 1964-1982 гг. В публицистике период 1 обычно именуется «эпохой застоя». Черты «застоя» заметно проявляются в экономической сфере. Серьезной проблемой оставалось отсутствие развитой промышленности (выпуск товаров осуществлялся в соответствии с государственным планом, а не при помощи рыночного механизма), усиление товарного дефицита и нисходящая эффективность сельского хозяйства. Журналисты, передавая информацию о неблагоприятном состоянии экономики, прибегают к смягчению наиболее серьезных проблем. Поэтому в газетах периода 1964-1982 гг. находим активно употреблявшиеся в то

время политические эвфемизмы по этим темам.

Сельское хозяйство являлось основным сектором экономики СССР. Соответственно появилось большое число политических эвфемизмов, касающихся проблем в сельскохозяйственном производстве. В словаре эвфемизмов русского языка был зафиксирован эвфемизм *малоквалифицированный* [Сеничкина 2016, с. 185] для описания факта отсутствия необходимых навыков у трудящихся. Кроме того, автор упоминает и эвфемистическое выражение «*Бороться с **некомплектным** выпуском продукции*» [Сеничкина 2016, с. 247] в значении нехватки цельности производственной деятельности.

Нам удалось найти такое эвфемистическое выражение, как *пестрота в урожайности*: «*Хотя большинство подмосковных хозяйств достигло высокой культуры земледелия, в области еще **значительна пестрота в урожайности***» (Правда, 28 августа 1976). В данном примере синонимичная трансформация дает возможность корректировки воспринимаемого адресатом содержания (по-прежнему сохраняется ситуация нестабильности в производстве) при сохранении формальной истинности высказывания. Эвфемистический эффект осуществляется в процессе сдвига прагматического фокуса.

Не менее интересны и другие эвфемистические единицы, затрагивающие самый болезненный и наиболее закоренелый экономический вопрос – вопрос нехватки, недостачи кого-л., чего-л. Такая нехватка проявляется во всех аспектах производства и продаж. Примеры употребления в сфере сельского хозяйства: «*Так поступают и в некоторых других областях, так должны распорядиться все, кто в прошлом году **недосяял озимь***» (Правда, 1 марта 1966); «*Сложные погодные условия...привели к **недовыполнению** расчетов плана по производству сельскохозяйственной продукции, и прежде всего зерна, хлопка*» (Правда, 17 декабря 1969). Аналогичные эвфемизмы найдены нами также в новостях о промышленном развитии: «***недостача** нужного количества грузовиков*» (Правда, 26 ноября 1978); «*...**недодадут** стране 180 миллионов дециметров кож*» (Правда, 4 марта 1980).

Характеризуя общее состояние экономики в этот период, можно отметить,

что в советских газетах достаточно часто встречаются политические эвфемизмы с приставкой «недо» в той или иной промышленной деятельности, выполняющие функцию приуменьшения интенсивности соответствующих действий, признаков и состояний.

Например: «*А преподаватель Л. Мокина как-то пожаловалась, что ей еще и **недовесили** целый килограмм*» (Правда, 5 августа 1982); «*Так что бороться с «перевложениями» и «недовложениями», как мы видим, нужно всерьез*» (Правда, 31 октября 1974). В данных примерах для смягчения прямого обозначения «воровство» используются эвфемизмы, построенные по типовой структурной схеме: приставка «недо» + глагол / отглагольное существительное.

Кроме того, в СМИ советской эпохи зафиксировано имя собственное «несун» в качестве политического эвфемизма, обозначающего человека, который в условиях служебного положения незаконно присваивает общественную собственность. Можно привести следующие примеры: «*К тому же не будем обольщаться: надо полагать, не каждого «несуна» удастся задержать*»; «*Продукцию с мясокомбината тащат так называемые «несуны»*» (Известия, 27 ноября 1981). Доминирующая сема слова *несун* (*нес-*, *нести*) никак не связана с воровством, а существительные с суффиксом *-ун-*, как известно, обозначают лицо, производящее действие [Саакян 2010, с. 68]. В данных контекстах слово *несун* приобретает совершенно новое значение «вор с производства».

Что касается наименования недобросовестного исполнения обязанностей, то мы обнаружили слова «недогляд» и «недогрузка». Кроме того, есть эвфемизмы, обозначающие бракованный товар. Приведем соответствующие примеры: «*...в колхозах и совхозах Молдавии свыше половины маслосемян **некондиционны***» (Правда, 22 февраля 1979) и «*Следователи Е.К. Лисов (Курская областная прокуратура) и А.М. Бизяев (прокуратура РСФСР) <...> установили сам факт выпуска нестандартной и **недоброкачественной** продукции <...>*» (Известия, 8 декабря 1971).

Политические эвфемизмы, употребляемые в военной сфере 1964-1982 гг.

Военная сфера испытывает особую потребность в эвфемизации. Причина в том, что слово «война» и его дериваты (ход военных действий, разные виды оружия, участники боевых действий, ранение или смерть и т.д.) всегда вызывают у массовой аудитории негативную ассоциацию. Итак, журналисты часто употребляют политические эвфемизмы, чтобы «корректировать» восприятие этих явлений. В примерах, рассмотренных нами в период 1964-1982 гг., было найдено несколько эквивалентных по контексту эвфемизмов для слова «воевать»:

*«Народ Вьетнама горячо приветствует важные инициативы СССР по укреплению мира и безопасности в Европе и во всем мире, полностью поддерживает **выполнение Советским Союзом своего высокого интернационального долга по оказанию народу Афганистана решительной, своевременной и всесторонней помощи** в борьбе против вмешательства и агрессии американского империализма и реакционной клики Пекина, в надежной защите завоеваний Апрельской революции»* (Известия, 30 января 1980).

Что касается ведения тех или иных военных операций, то следует остановиться прежде всего на слове «помощь». Нередко в СМИ мы можем встретить следующие политические эвфемизмы «*оказать братскую помощь Афганистану*» (Известия, 3 сентября 1980); «*дружественная помощь СССР Афганистану*» и «*дружеская помощь афганскому народу*» (Правда, 6 февраля 1980).

Перечисленные выше примеры построены на основе положительно воспринимаемых единиц «интернациональный долг» и «помощь». Благодаря данным лексемам происходит смещение акцента с жестокости войны на дополнительные характеристики – ответственность и справедливость военной деятельности, в результате чего эвфемистический эффект обеспечивается и даже при том, что политики могут «деликатно» затрагивать вопросы войны и влиять на сознание общества.

Продолжая тему эвфемизации неприятного денотата «война», тесно связанного с насилием, жестокостью и агрессией различной степени, следует обратиться к лексеме «сила». По нашему наблюдению, вместо прямого

наименования 'война' используются эвфемистические сочетания с компонентом «сила». Они являются наиболее распространенными и привычными в периодических изданиях 60-80 гг. XX века. Для иллюстрации этого тезиса приведем примеры:

*«<...> призывы к сдержанности в отношении использования **силы**, с которыми выступил Хейг, следует адресовать самим Соединенным Штатам»* (Правда, 14 августа 1981);

*«Расчет состоял в том, что в такой атмосфере при помощи **силовых методов** удастся восстановить американскую гегемонию хотя бы в рамках капиталистического мира»* (Правда, 21 августа 1982);

*«курс на откровенное **силовое давление** на Ливию, Египет и другие арабские страны»* (Правда, 14 октября 1981);

Хотя в данных примерах лексема «сила» указывает на решительный характер действий, но по сравнению с прямым применением – словом «война» – вышеперечисленные лексические единицы путем смягчения предлагаемой реципиенту информации оказываются более приемлемыми.

К этим примерам добавим эвфемистический субститут, обозначающий вооруженное нападение. Ср.: *«У Вашингтона есть и другие причины для беспокойства – и в первую очередь широкая кампания турецкой общественности, направленная против американского **присутствия** в Турции* (Известия, 21 февраля 1980). В данном контексте слово «присутствие» выступает в роли политического эвфемизма, используемого для замены военно-политического иностранного вмешательства.

Кроме того, при освещении чрезвычайно опасной ситуации журналисты нередко используют устойчивую конструкцию *«сохраняется **напряженная обстановка**»* (Известия, 3 мая 1982) для избегания табуированного денотата – возможного начала локальной войны. Этот смысл передается имплицитно.

Анализируя арсенал языковых материалов в периодических изданиях, можно найти политические эвфемизмы, характеризующие участников боевых действий:

*Крепнет и развивается дружба **воинов-интернационалистов**,*

совершенствуется их воинское мастерство, приумножаются славные боевые традиции, рожденные в сражениях против общего врага (Известия, 23 февраля 1981);

В контексте такого политического урегулирования мог бы быть обсужден и решен вопрос об ограниченном советском воинском контингенте в Афганистане (Известия, 19 марта 1982).

Данные эвфемистические единицы «воин-интернационалист» и «ограниченный советский воинский контингент» создаются и употребляются при освещении ввода советских войск в Афганистан.

Заметим, что в рассматриваемых примерах встречается лексема «воин /воинский», что делает очевидной картину ведения боевых действий. Однако в результате сочетания этой лексемы со словом с ярко выраженной положительной коннотацией «интернационалист» негативные ассоциации с войной частично исключаются. Использование слова «интернационалист» отводит внимание читателей от негативных ассоциаций, смещая фокус внимания на необходимость исполнения интернациональной ответственности.

Эвфемизм *ограниченный воинский контингент*, содержит в своём составе прилагательное «ограниченный» с диффузной семантикой, которое затрудняет понимание истинного смысла: не ясно, имеется ли в виду ограничение численности или же речь идёт о сроке действия? Лексема «ограниченный» может указывать на малую численность войск, не провоцируя массового возмущения. Приведем аналогичные примеры активизации эвфемистического потенциала: «*разовая отправка*» (речь об отправке американских войск в Пакистан -У.Ю.) («Правда», 6 февраля 1980) и «*временное*» *использование американскими боевыми кораблями и самолетами* (Правда, 6 февраля 1980).

2.2. Политические эвфемизмы (период 2: 1983 – 1999 гг.)

В СССР периода перестройки и в России постперестроечного периода все сферы общественной жизни переживали кардинальные изменения. Во внутригосударственной сфере были попытки модернизации социализма и изменения общественного строя. Более того, «с возникновением системы

многопартийности соответственно модифицировался (в определенных социальных группах) и концепт *свои / чужие*» [Китанина 2016, с. 218]. Оппозиция *наши / не наши* касается различных групп российского общества. Кроме того, окончание «холодной войны» также оказало глубокое влияние на развитие международных отношений во всем мире. Переход к рыночным реформам привел к тому, что экономика России встала на новый путь развития. В данный период также произошла Чеченская война. Внеязыковые, вневелингвистические факторы способствуют процессам обновления лексического состава языка.

Политические эвфемизмы, употребляемые во внутригосударственной сфере 1983-1999 гг. Стабильность во внутригосударственной сфере является основным условием для развития государства. Именно по этой причине все события или явления, вызывающие негативную социальную реакцию, в первую очередь подвергаются политической эвфемизации.

Рассмотрим и прокомментируем выявленные эвфемистические замены, служащие для объективации «августовского путча». Вследствие этого события стабильность органов государственной власти в СССР оказалась под серьезной угрозой. Само официальное название (слово «путч») можно считать ярким примером употребления политических эвфемизмов. Выбор слова немецкого происхождения (нем. *Putsch* «путч») для обозначения государственного переворота, совершенного небольшой группой заговорщиков [Крысин 2006, с. 643]), может быть, учитывает потребность сохранить порядок внутри государства. Как отмечает Э.А. Китанина, «прагматика экзотической лексики базируется на сознательном акцентировании ее «чужеродности», вследствие чего происходит отторжение, отталкивание экзотизмов от системы заимствующего языка» [Китанина 2005, с. 22]. С целью максимально уменьшить негативную общественную реакцию, эта проблема получила несколько более мягких вариантов сообщения: *«непростая, тонкая проблема»* (Известия, 10 июня 1995); *«незабываемые дни августа»* (Известия, 13 сентября 1991) и *«августовские события»* (Правда, 6 сентября 1991).

В новостных материалах мы нередко сталкиваемся с той или иной критикой в

адрес государственных служащих, преподносящейся в более «мягкой» форме. Например, когда речь идет о бездействии чиновников, существует выражение *неполное служебное соответствие*, функционирующее в качестве политического эвфемизма: «...ныне начальник Приморского РОВД Волобуев А. М. предупрежден о **неполном служебном соответствии**» (Российская газета, 22 июня 1995). «Позитивная установка нивелируется негативом конфликтной ситуации, прагматика говорящего – прагматикой слушающего, а «паталогичность» вежливого взаимодействия объясняется несоответствием его формы и содержания» [Саакян, Северская 2019, с. 54]. Итак, в этом контексте смягчающее слово *неполное* является маркером эвфемии, митигацией остающейся в подтексте пейоративной коннотации халатности. Приведем другой пример, в котором употреблена аналогичная эвфемистическая замена (значение «отсутствие организованности должностных лиц»): «*работающий “под столом”*» (АиФ, 21 февраля 1996).

Политическими эвфемизмами могут быть и наименования низкоэффективной предпринимательской деятельности: «*Деятельность кооперативов не приносит пока ожидаемых результатов*» (Известия, 28 ноября 1989). Участвующее в образовании эвфемистического выражения наречие «пока» в отрицательном предложении занимает ключевое место. Хотя невозможно отрицать негативный оттенок целого предложения, но наречие «пока» подчеркивает временный характер, оставляет у адресата положительную ассоциацию улучшения положения. Приведем еще примеры употребления сравнительной степени: «*К сожалению, более вероятен менее оптимистичный вариант развития событий*» (АиФ, 8 ноября 1995); «*в результате конкретным производителям продукции полей и ферм лучше не становится*» (Известия, 28 декабря 1989). В исследовании О.А. Морозовой был доказан тезис, что сравнительная степень имен прилагательных является одной из форм формирования эвфемизмов [Морозова 2022, с. 72]. Дополнительные оттенки появляются в сочетаниях с наречиями меры и степени: *менее оптимистичный – ср. пассивный, лучше не становится – ср. становится хуже*.

Одним из наиболее распространенных типов политических эвфемизмов, входящих в группу «внутригосударственная сфера» (период 1983-1999 гг.), является тематическая подгруппа «привилегия». На фоне постоянного товарного дефицита возникает проблема распределения продовольственных товаров. Чтобы избежать обострения конфликтов между политическим руководством и простыми людьми, скрытая система распределения дефицитных товаров и услуг требует специальной номенклатуры. Приведем соответствующие примеры: «*В прошлом году этот спецраспределитель был закрыт*» (АиФ, 8 сентября 1990); «*Раньше была спецбаза № 208, которая обслуживала обе столовые – в Кремле и на Старой площади...*» (АиФ, 1 сентября 1993); «*Существуют ли “спецнайки” для работников аппарата?*» (АиФ, 8 сентября 1990); «*Продукты завозятся из спецхозяйств или обычных?*» (АиФ, 8 сентября 1990). Помимо особого снабжения продуктов, еще существует «*Медицинская помощь с приставкой “спец”*» (АиФ, 8 сентября 1990).

Следует подчеркнуть, что вышеперечисленные эвфемистические формы образуются при помощи префикса *спец-*, вуалирующего льготы для привилегированных лиц. В конкретном контексте легко актуализируется семантическое значение – «специальный», что упрощает процесс расшифровки и уменьшает эвфемистический потенциал. Вследствие этого данная группа относится к числу политических эвфемизмов низкого уровня.

Аналогичные по способу образования политические эвфемизмы тоже находим в тематической подгруппе «тайная репрессивная деятельность». Далее рассмотрим примеры эвфемизмов с приставкой «*спец-*»: «*Многие из подследственных не выдерживают условий содержания, начинают буйнить, к ним приходится применять спецмеры*» (АиФ, 12 сентября 1991); «*Сам Волкодав утверждает, что никаких “спецуказаний” из Москвы он не получал*» (Коммерсант, 28 сентября 1999); «*...право прикомандировывать к корпорации высоких чинов КГБ, МВД и МО для решения “специальных задач”...*» (АиФ, 28 сентября 1993), а также «*Министр внутренних дел КЧР Александр Волкодав пообещал применить в отношении митингующих “спецоперацию”, если те не*

очистят площадь до 15.00 воскресенья» (Коммерсант, 28 сентября 1999). Лексема «*спец-*» во всех приведенных примерах используется как субститут с диффузной семантикой. Очевидно, что по сравнению с прямым обозначением секретных насильственных действий, организованных правительством, вторичная номинация снижает степень конкретности действий и становится более приемлемым выражением для массовой аудитории.

По нашему наблюдению, в период 1983-1999 гг. количество политических эвфемизмов внутригосударственной сферы преобладает над прочими группами. В словарях русского языка укоренились эвфемистические единицы, главным образом затрагивающие тематические подгруппы «мятеж или переворот», «неадекватное поведение госслужащих», «неэффективность правительственной работы», «льготы привилегированных лиц» и «тайная репрессивная деятельность».

Политические эвфемизмы, употребляемые во внешнеполитической сфере 1983-1999 гг. Внешнеполитическая сфера является одним из самых ключевых секторов в политической жизни и включает в себя межнациональные отношения, дипломатическую деятельность, межкультурную связь различных государств. Использование политических эвфемизмов во внешнеполитической сфере – это средство «вербально-знакового выражения процесса коммуникации в сфере внешней политики государств, которое рассматривается в социально-историческом, национально-культурном, конкретном ситуативном контексте с учетом характеристик и намерений коммуникантов» [Ярославцева 2015, с. 185].

Остановимся в данном параграфе на разных подгруппах эвфемистических единиц, направленных на поддержку баланса международных отношений. Во внешнеполитической лексике русского языка в течение 1983-1999 гг. обнаруживаются эвфемистические единицы со словообразовательным формантом *-гейт*. Во второй половине 1990-х появился в медиа и политический эвфемизм *Ирангейт*. Например, в новостном портале «АиФ» найдено соответствующее употребление: «Ярким примером является **“Ирангейт”** времен Рональда Рейгана» (АиФ, 24 января 1996). Использование аффиксоида *-гейт* после

определяющего термина с тех пор чаще стало синонимом политического скандала. По нашему наблюдению, конструкция *-гейт* чаще соединяется с заимствованными основами, причем именами собственными: *Моникагейт* и *Левинскигейт*.

Заметим, что есть примеры сочетания форманта *-гейт* и с русскими основами. Например, «*Даже парламентское расследование не начато. Выходит, – Ельцингейт – у нас в рассрочку*» (Правда, 25 октября 1996). К тому же, в диссертации «Гейт-производные в русском дискурсе» автор также приводит примеры «*Лужков-гейт*», «*КПРФ-гейт*» и «*Мишенин-гейт*» [Гурова 2018, с. 75]. Как видим, при использовании дериватов с компонентом *-гейт* говорящий получает возможность избежать слов с безусловно отрицательной оценкой: *скандал*, *криминальный* и др. Характеризуя особенности словообразовательного освоения форманта *-гейт*, В.Г. Костомаров подчеркивает, что это «отнюдь не уникальное явление, но лишь иллюстрация активного процесса, отвечающего вкусу эпохи в его благожелательности как к иноязычному, так и к заумно-книжному» [Костомаров 1999, с. 241].

В процессе исследования мы обнаружили, что в качестве наиболее распространенного следствия образования политических эвфемизмов выступает увеличение смысловой неопределенности в языке [Шейгал 2000: 260-261], что полностью соответствует алгоритму коммуникационного поведения во внешнеполитической сфере – принципу неточности общения (говорящий не обязан соблюдать точность в высказываниях ввиду широкого контекста, раскрывающего замысел говорящего) [Волкова 2007].

Приведем далее русскоязычные варианты, в которых употреблены слова и выражения с «диффузной» семантикой в качестве эвфемистических замен:

«Менее известно то, что специальный отдел британского МИДа готовит “направленные” материалы для включения их в программы иновещания, а также распространения в буржуазной прессе» (АиФ, 4 февраля 1986);

«Израиль по-прежнему делает ставку на «особые отношения» с Вашингтоном, уповает на его поддержку» (Известия, 23 февраля 1989);

«Пока оно несколько загадочно скрыто под концепцией «комбинированных объединенных специальных сил» (Известия, 6 июня 1996).

Употребляемые в первом примере лексемы *«специальный отдел»* и *«направленные материалы»* нивелируют негативный антисоветский, антикоммунистический характер действия во избежание прямого конфликта между двумя идеологическими лагерями. Что касается описания международных отношений, то автор заметки прибегает к использованию слова *особый*. Редукция признаков при помощи прилагательного *«особый»* частично исключает негативную семантику «тайный» у слова-прототипа. Второй пример проясняет выбор истинного эвфемизма. В третьем предложении развернутый контекст поясняет выбор эвфемизма *«комбинированные объединенные специальные силы»* вместо прямого наименования вооруженных сил – «новое НАТО». Во всех вышеприведенных примерах происходит «зашифровка», способствующая сокрытию или размыванию негативной коннотации на интенциональном горизонте коммуникантов.

Проанализируем теперь политические эвфемизмы, направленные на косвенную критику в адрес действия других стран. В числе способов эвфемизации, по мнению А.М. Кацева [Кацев 1988], Е.Н. Торопцевой [Торопцева 2003] и др., выделяется прием антифразис (поляризация значения). Как отмечает Е.Н. Торопцева, «ироническое высказывание *Да, ты - герой!* неприятно для слушающего, но все-таки не в такой степени, как прямое высказывание *Ты – трус!*» [Торопцева 2003, с. 40]. В течение 1983-1999 гг. мы наблюдаем растущую тенденцию использования антифразиса в процессе образования политических эвфемизмов во внешнеполитической сфере. Ниже приведем несколько примеров:

«Следуя своему кредо якобы “нейтрального наблюдателя”, лондонское радио регулярно прибегает к разнообразным источникам, чтобы высказываться “не от своего имени”: “Как сообщает корреспондент агентства”, “Выступая на пресс-конференции, представитель Пентагона заявил”, “Парижская “Фигаро” пишет сегодня”, и т. д.» (АиФ, 11 февраля 1986).

«Что же касается антисоветских пассажей и тезисов, то все это, уверяет Би-би-си, диктуется самыми “благородными” намерениями: “Критикуя социализм, мы способствуем его улучшению”» (АиФ, 4 февраля 1986).

«Это помощь и поддержка администрации Рейгана, провозгласившей еще четыре с лишним года назад курс на “конструктивное сотрудничество” с ЮАР» (АиФ, 24 сентября 1985).

Резюмируем сказанное. При освещении новостей международных событий в период 1983-1999 гг. доминирующими темами, в которых используются средства эвфемизации, являются «политический скандал» и «критика в адрес действия других стран». К числу продуктивных приемов создания политических эвфемизмов можно отнести морфологические заимствования, выражения с «диффузной» семантикой, перифраз и антифразис.

Политические эвфемизмы, употребляемые в экономической сфере 1983-1999 гг. В данный период в стране был проведен ряд реформ с целью постепенного перехода от плановой модели экономики к рыночной. В этом процессе неизбежно происходили экономические потрясения.

В ходе анализа собранных языковых материалов мы заметили, что одной из обсуждаемых экономических тем стала нестабильная ситуация с банковскими вкладами населения. Наиболее яркими примерами эвфемистической субституции служат следующие: *«Для прочих, у кого зарплата “зависла” в банке, вызволить наличку – настоящий “подвиг разведчика”» (АиФ, 7 октября 1998); «Разница заключается только в том, что тогда государством были изъяты средства только из Сбербанка, а сегодня “национализированы” средства населения, находившиеся как в Сбербанке, так и в коммерческих банках» (АиФ, 2 сентября 1998); «Сбережения обесценились или зависли в банках, а текущие доходы съедает инфляция, стандартные монетаристские схемы не работают» (АиФ, 7 октября 1998).* В контексте инфляции массового масштаба в России вклады граждан обесцениваются. Журналисты придумывают разнообразные смягчающие выражения для улучшения способов репрезентации информации и таким образом успокаивают реакцию аудитории.

Снижение курса национальной валюты является специфическим проявлением экономического кризиса. Данная проблема также находит конкретное отражение в печатных СМИ: *«Во-вторых, сильно **“похудеют”** наши с вами рублевые **“зачки”**, не важно, где они хранятся, дома в чулке или в банке»* (АиФ, 10 июля 1998). В случае инфляции со стремительными темпами нежелательное слово «обесценивание», включающее сему негативной оценки высокой степени интенсивности, заменяется названием с менее четко выраженными отрицательными коннотациями *«похудеть»*. Кроме того, в качестве смягчающей номинации нам также встретились выражения *«Все идет как надо. Президент отдыхает. Рубль тоже... **Рубль отдыхает...**»* (АиФ, 19 августа 1998) и *«Курс доллара пока не собирается останавливаться»* (АиФ, 7 июля 1999). В процессе анализа фактических материалов мы выявили, что журналисты используют сравнение, подразумевая падение курса рубля. Особенно показателен последний пример, в котором нет ни одного слова о состоянии рубля, сообщается только о повышении курса доллара. Здесь эвфемистические субституты выполняют функцию «напускания тумана» в возможные негативные ассоциации читателей.

В процессе наблюдения над материалами из выборки бросается в глаза возрастающая тенденция употребления иноязычной лексики в роли политических эвфемизмов. Например, иноязычное словосочетание *«либерализация цен»* зафиксировано в толковом словари современного русского языка [Скляревская, 2001, с. 415-416] с пометой эвфемизма, употребляемого с последней четверти XX в. В то же время появилось эвфемистическое выражение со словом *«приватизация»*. Рассмотрим конкретный пример: *«Российская **приватизация** дала неограниченный контроль директорам в ущерб интересам государства»* (Известия, 3 августа 1995). Значение «революционная экспроприация государственной собственности» у слова «приватизация» указывает на такую противозаконную деятельность, как грабеж, убийство и т.д. Иным субституционным компонентом, играющим аналогичную роль в газетах, представляется слово «дефолт». Его эвфемистический статус был определен в

«Толковом словаре демократического новояза и эвфемизмов» [Белояр 2007]. Приведем пример, который включает эвфемизм «дефолт»: *«Касьянов сообщил также, что формулировку “задержка выплат” признают и в Парижском клубе, так что речь о дефолте России по внешнему долгу пока не идет»* (Коммерсант, 12 сентября 1998). Итак, термин «дефолт» начинает употребляться с целью прикрытия совершенно различных мероприятий властных структур, которые наносят убытки простым гражданам.

Сгладить острое состояние экономики также помогает эвфемистическое преобразование в предложении *«Замерли промышленные предприятия»* (АиФ, 9 октября 1996); *«Москву ждет финансовый голод»* (АиФ, 25 ноября 1998); *«Центробанк сегодня действует фактически как полевой госпиталь: сначала рассортировал “раненых”, потом достал инструменты»* (АиФ, 25 ноября 1998).

Примечательно, что во всех приведенных выше примерах с помощью образного экспрессивного средства – метафоры – авторы статей сообщают о целом комплексе проблем. Элементы эвфемистической номинации в первом примере посредством сравнения стагнации промышленных предприятий с природным явлением – морозом – косвенно указывают на нерадужные перспективы развития государственной промышленности. Политические эвфемизмы во втором и третьем примере создаются на фоне финансового кризиса 1998 г. в России. Метафорическая единица *«финансовый голод»* описывает дефицит капитала посредством апелляции к понятиям физиологического чувства, что частично стирает ассоциацию банкротства у адресата с долгами на огромную сумму денежных средств. Основу третьей метафорической модели составляет сравнение Центробанка с полевым госпиталем, сравнение банков на грани банкротства с ранеными. Данные эвфемизмы-метафоры в определенной степени выполняют маскирующую функцию в отношении негативного состояния экономики.

В 1990-е годы при реализации рыночной реформы обстановка предоставляет почву для функционирования теневой экономики и значительной массы скрытых заработков. Отметим, что к наименованиям отрицательной экономической

деятельности при помощи потенциальных метафор в функции эвфемизмов можно отнести и случаи использования метафорических колоративов. Например, за потенциальной метафорой *серый* в языке закрепилось значение «посредственный», «полузаконный» и «полуноормальный»:

«Импульс нашему развитию придает частный сектор вместе с “серой экономикой”» (Известия, 3 августа 1995). Здесь журналист при помощи метафоры *«серая экономика»* скрывает негативную часть информации – «нерегистрируемая экономическая деятельность вне государственного контроля». Подобные примеры: «серый доход», «серый товар», «серый рынок».

С целью эвфемизации смыслов «криминальный» и «незаконный» регулярно используется слово «черный». К примеру, *«черный доход», «черная касса», «черная бухгалтерия»*. Стоит подчеркнуть, что наиболее типичным выражением в сфере экономики постперестроечного периода является «черный нал». Приведем конкретный пример: *«В результате сделки с приватизированными квартирами неизбежно происходят с «черной» наличностью и криминальными историями»* (Известия, 4 апреля 1996). Другое выражение – *«черная зарплата»* – происходит от выражения *«черный нал»* и функционирует как эвфемизм в значении ‘нелегальная зарплата, с которой не уплачены налоги’.

Из сказанного следует, что в течение 1983-1999 гг. по мере распада Советского Союза экономическая сфера претерпевала кардинальные изменения. Разнообразные экономические проблемы породили богатые потребности в эвфемизации. Подведем итоги наблюдений. Для номинации «нестабильного гарантирования вкладов населения», «обесценивания национальной валюты», «дискуссионных экономических политик», «негативных последствий экономического кризиса» и «незаконных экономических действий» существуют эвфемистические конструкции с субституционными компонентами.

Политические эвфемизмы, употребляемые в военной сфере 1983-1999 гг.

Что касается военной сферы, следует отметить, что главной темой в газетных текстах второго периода является чеченская война. Широкие публичные дискуссии о природе этой войны и следующими за ней значительными

проблемами быстро «схватываются» газетной и журнальной публицистикой, запечатлеваясь в различных формах вербальных репрезентаций.

В новостях, из которых взяты примеры, мы обнаружили эвфемистические цепи – «столкновение», «конфликт», «кризис». Приведем примеры конкретных контекстов: *«Одной из причин **столкновения** стал страх перед территориальным развалом России»* (АиФ, 24 января 1996); *«Однако, как считают местные наблюдатели, это вовсе не предопределяет позицию конгресса по отношению к **конфликту властей в Чечне**»* (Коммерсант, 24 апреля 1993); *«**Конституционный кризис** в Чечне»* (Коммерсант, 25 мая 1993). Такие заменяемые единицы расположились в порядке убывания эвфемистической степени. Хотя слово «кризис» здесь уже показывает серьезность события, но сочетаемое с ним прилагательное «конституционный» в определенной степени отвлекает внимание читателей от сферы войны. По сравнению с прямой номинацией военной деятельности выше заменяющие языковые единицы посредством мейоза искусственно снижают концентрацию семантики войны и при этом уменьшают негативную реакцию у массовой аудитории.

При анализе отобранных примеров мы отметили, что некоторые эвфемистические единицы построены по устойчивой форме словосочетания: прилагательное с корнем «чечен» + отвлеченное имя существительное. Далее рассмотрим примеры, содержащие устойчивые компоненты: *«однако **“чеченская проблема”** все еще остается в центре внимания по крайней мере 70% российских граждан»* (АиФ, 25 февраля 1998); *«Потом сказал, что **чеченский узел** нужно развязать за месяцы»* (АиФ 21 февраля 1996); *«Между тем есть возможность повернуть **чеченский процесс** совсем в иное русло»* (АиФ, 13 октября 1999). По всей видимости, в рассматриваемых составах словосочетаний наличие слова «проблема», «узел», «процесс», полностью скрывают сему «война». Однако, в сущности, все заменяемые слова тесно связываются с коннотацией войны. Использование языковых единиц с диффузной семантикой в данных контекстах служит неким украшением высказывания, отводя внимание от негативной семантики, его подразумевающей. Здесь следует отметить, что «несмотря на

широту диапазона оценок и конфронтацию мнений, слово Чечня все отчетливее выражает себя в коллективном сознании как совокупный образ войны в России и начинает обретать символический характер» [Зверева 2005, с. 303]. Таким образом, политические эвфемизмы, созданные из прилагательного с корнем «чечен-» и некоего отвлеченного имени существительного, обладают слабым эвфемистическим потенциалом.

Помимо вышеперечисленных приемов эвфемистического преобразования, интерес для анализа представляет метафорическое выражение в роли эвфемизма. Далее прокомментируем несколько ярких примеров: *«Между тем главный арбитр чеченской драмы – и вообще любой российской политической драмы – с понедельника официально ушел в очередной отпуск»* (Коммерсант, 30 августа 1996). В данном примере журналист искусно использует модель смещения прагматического фокуса военный конфликт → драматический конфликт и таким способом «маскирует» смысл.

Примечательна и синтаксически эвфемистическая фраза *«Из тумана над Грозным посыпался “Град”»* (Коммерсант, 13 декабря 1994). В этом предложении журналист, используя природно-климатические метафоры *«туман над Грозным»* и *«град»*, косвенно показывает ухудшение ситуации в Чечне. С помощью ассоциации с окутыванием (*«туман над Грозным»*) читатели легко воспринимают неясное направление развития чеченской проблемы. При описании более серьезной ситуации в Чечне журналист выбирает метафору-эвфемизм *«град»* для сокрытия прямого наименования табуированного денотата. К тому же слово *«град»* в данном контексте характеризуется двусмысленностью. Слово *«град»* трактуется как 1) атмосферный осадок в виде небольших ледяных шариков; 2) поток чего-н., множество. (*г. пурль*) [Ожегов 2007, с. 140].

Далее остановимся на комментарии интересного примера, в котором ярко отражается эвфемистический эффект в отношении негативного последствия войны.

«Вряд ли “чеченский синдром” станет фатальным для нашего общества, но некоторые социальные трудности он создаст» (АиФ, 21 августа 1996).

В данном предложении посредством эвфемистической замены психическая травма военнослужащих прячется в «упаковке» *синдром*. Неопределенная семантика эвфемизма *«чеченский синдром»* меняет характер восприятия денотата. Исходя из вышесказанного, согласимся с мнением ученого П.А. Катышева о том, что «письменные жанры (новостные освещения в нашем исследовании) могут подразумевать взаимодействие между автором и читателем как социо-дискурсивными агентами, которым предписаны определенные статусы, роли и функции в задаваемом коммуникативном контексте» [Катышев 2019, с. 43].

Как известно, суть эвфемистического преобразования заключается в переключении отрицательного знака на положительный [Шейгал 2000, с. 196]. На тему ведения военной деятельности в период 1983-1999 гг. были найдены следующие примеры со спецификой заметного извращения оценки:

«...расплывчатое заявление пресс-секретаря президента Вячеслава Костикова о начале реализации “комплекса мер по решительному оздоровлению обстановки” в Чечне» (Коммерсант, 2 декабря 1994).

В данном контексте субституционный компонент *«оздоровление обстановки»* имеет яркую положительную смысловую наполненность и посредством подмены понятия *«война»* усыпляет бдительность реципиента. Адекватным ему по способу эвфемизации будет выступать и эвфемизм *поддержание порядка*: *«...уже начали формирование четырех батальонов для поддержания порядка в Чечне»* (Коммерсант, 23 декабря 1994).

В русскоязычных СМИ создаются также и другие сочетания. Рассмотрим следующий отрывок из новостной заметки:

«Находящийся в Тольятти Борис Ельцин, отвечая на вопросы журналистов, заявил, что “кое-какие меры” для того, чтобы “отрегулировать ситуацию” вокруг Чечни, предпринимаются» (Коммерсант, 16 августа 1994).

Местоимение *«кое-какие»* употребляется с целью затруднения идентификации скрытого отрицательного денотата: под мерами здесь имеется в виду ведение военных действий. Более того, выступая в функции некоего фильтра, субститут *«отрегулировать ситуацию»* сохраняет в общественном мнении

позитивную ассоциацию и стирает отрицательную коннотацию.

2.3. Политические эвфемизмы (период 3: 2000 – 2023 гг.)

По сравнению с двумя рассмотренными выше периодами в русском языке последнего двадцатилетия не только стремительно возрастает количество политических эвфемизмов, но и расширяется фактический диапазон их употребления. «Свободное коммуникативное пространство интернета позволяет раскрыть все креативные возможности и потенциальные ресурсы русского языка, накопленные в ходе его длительного исторического развития» [Иванова, Клушина 2021, с. 379].

Яркой особенностью эпохи стало наличие ключевых слов, слов-символов, ее характеризующих [Русский язык коронавирусной эпохи 2021, с. 9]. В период с 2000 по 2022 гг. в лексиконе русского языка появился ряд новых политических эвфемизмов и актуализировался новый эвфемистический потенциал слов старых, которые в своей совокупности играют роль маркера эпохи. В этом параграфе мы акцентируем внимание на таких словах, рассмотрим особенности их функционирования и их словообразовательную продуктивность.

Политические эвфемизмы, употребляемые во внутригосударственной сфере в период 2000-2023 гг. В параграфе 2.2 мы уже отметили, что эффективность работы госслужащих и правительства является ключевым критерием оценки гражданами внутреннего развития государства. В третий выделенный нами период (2000-2022 гг.) также существует немало иных эвфемистических форм выражения: *«Гайдаровская либерализация цен – это был эксперимент дилетантов»* (АиФ, 12 января 2017); *«Считаю, что она [работа – У.Ю.] организована **ненадлежащим образом**»* (КП, 30 апреля 2011); *«Его [Виталия Мутко – У.Ю.] работу на спортивном поприще, с учетом многочисленных скандалов, **едва ли можно назвать удачной**»* (АиФ, 8 мая 2018); *«Служба по делам детей занималась сиротами **разве что на бумаге**»* (РГ, 13 июня 2022) и *«Россия не достигла заметного прогресса ни по одному из них [из показателей, характеризующих госуправление – У. Ю.]»* (Коммерсант, 11 июля 2007). Журналисты описывают таким образом негативные процессы

внутригосударственного развития, избегая при этом негативно воспринимаемых лексем.

Как в нормальных условиях, так и особенно в условиях чрезвычайных ситуаций требуется внутренняя стабильность и сплоченность общества для поддержки работы правительства. Контроль над распространением коронавирусной инфекции – одна из наиболее сложных государственных задач. Мировая эпидемия не только приносит неожиданные последствия всему человечеству в материальной жизни, но и приводит к сильному потрясению духовного мира. Для того чтобы адаптировать граждан к сложной коронавирусной реальности, в СМИ используются новые языковые единицы с более положительной коннотацией.

«Для журналиста, выполняющего функцию лексикографа, важен коммуникативный статус толкования, которое приспособляется к условиям конкретного речевого акта, и значение слова оказывается контекстно обусловленным» [Вепрева, Куприна 2021, с. 116]. Далее рассмотрим примеры реализации функции эвфемизации языковых единиц в конкретных контекстах.

В корпусе новостных ресурсов мы обнаружили эвфемистические единицы для описания сложного положения: «ВОЗ признала вспышку **чрезвычайной ситуацией** международного масштаба» (Известия, 9 февраля 2020); «**непростое время**» (РГ, 31 марта 2020). В данных примерах непрозрачная формулировка «чрезвычайная ситуация» и «непростое время» размывает семантический контур прямой номинации «коронавирусная пандемия», что формирует более приемлемую форму принятия информации для читателей. Благодаря политическим эвфемизмам сглаживается ассоциация с серьезными последствиями коронавируса, которые могут вызвать панику у широких слоев общественности.

К семантической группе политических эвфемизмов, обозначающих принудительные административные меры карантина, относятся, например, следующие: «**инфекционный блок специального режима**» (Коммерсант, 28 февраля 2020); «**домашний режим**» (Известия, 22 января 2021); «**режим нерабочих дней**» (РГ, 27 мая 2020); «**технические каникулы**» (Коммерсант, 16

марта 2020); «длинные каникулы» (Коммерсант, 30 декабря 2020); «беспрецедентные меры» (Коммерсант, 16. апреля 2020) и «антивирусные меры» (РГ, 22 апреля 2020). Употребляя лексемы «режим», «каникулы» и «меры», а также их производные, не имеющие в своем составе негативно воспринимаемых коннотаций, журналисты пытаются отвлечь внимание читателей от существующих неудобств.

Далее остановимся на подгруппе эвфемизмов внутригосударственной сферы, связанных с коррупцией в кругу госслужащих. Для передачи значения ‘взятка’ в русскоязычных СМИ существуют разнообразные эвфемистические конструкции: «Для широкого круга руководителей предприятий существует необходимость “проплачивать” те или иные операции...» (РГ, 1 марта 2007); «вопрос упомянутой президентом “статусной ренты”» (Коммерсант, 4 апреля 2001); «он сам себе “начислял”, изымая из конверта в сейфе по 40 тыс. руб. ежемесячно» (Коммерсант, 19 декабря 2020);

Что касается номинации взяточников, то для их оценочной характеристики нередко используются прилагательные «недобросовестный» и «нечистоплотный» в составе эвфемистических субститутов: «нечистоплотные чиновники за руку» (КП, 10 июля 2007); «нечистое на руку руководство» (Коммерсант, 23 мая 2015); «недобросовестный агент» (РГ, 25 октября 2017). При этом любопытное словосочетание «оборотень в погонах» получает статус политического эвфемизма из-за громкого дела о коррупции в органах МЧС и МВД России. Начиная с судебных разбирательств 2003-2006 гг. этот термин и его сокращение «оборотни» употребляется вместо прямого обозначения любых сотрудников правоохранительных органов, вымогающих взятки.

Приведем и прокомментируем еще несколько наименований взяточников и взяток: «“хабар” за решение вопроса» (АиФ, 22 февраля 2018); «Кому бакшиш за переправу, кому – за “хорошие отношения”» (АиФ, 12 марта 2015). В данных примерах эвфемистический потенциал заменяемых слов «хабар» (от тат.) и «бакшиш» (от перс. bakhshīsh) обусловлен их иноязычным происхождением. Кроме того, положительная семантика у словосочетаний «членские взносы»

(Коммерсант, 29 декабря 2020) и «*“скромное” вознаграждение*» (Известия, 28 августа 2009) помогает скрывать факт незаконного обогащения обходным путем. Следует добавить, что согласно статистическим данным Н.А. Ванюшиной [Ванюшина 2011], в русскоязычных СМИ слово «откат» служит наиболее распространенным субститутутом обозначения взяточничества.

Анализ корпуса языковых материалов позволил нам обнаружить другую интересную тенденцию употребления политических эвфемизмов, направленных к официальным лицам государства. Рассмотрим вначале примеры из газет, выпущенных в период с 2000 по 2022 гг.: «*...1,9 млрд руб., использованные нецелевым образом*» (Коммерсант, 5 февраля 2005); «*Здесь глава палаты поблагодарил депутатов за принятие новой статьи в Уголовный кодекс об уголовной ответственности за нецелевое использование бюджетных денег, но объяснил, что нецелевое использование – это часть общей проблемы неэффективного бюджетного планирования*» (АиФ, 5 февраля 2005); «*Экс-мэр Благовещенска Александр Мигуля приговорен к девяти годам колонии: превышение полномочий, нецелевое расходование бюджета и пр. – всего в деле 30 томов*» (АиФ, 29 сентября 2016); «*В документе уточняется, что «неправомерное расходование средств ГУП “Московский метрополитен” в ходе аудита эффективности не выявлено*» (Коммерсант, 11 ноября 2014). Среди данных эвфемистических форм прилагательные «нецелевое», «неэффективное», «неправомерное» выступают в качестве неотъемлемых составных частей эвфемистических сочетаний.

Далее обратимся к объемной группе эвфемизмов, непосредственно отражающих политическую корректность. Рассмотрим вначале группу политкорректных эвфемизмов. По нашему наблюдению, эвфемистические конструкции с субституционными компонентами используются для устранения дискриминации по социальному статусу и физиологическому состоянию.

Проиллюстрируем сказанное конкретными примерами. Сначала разберем несколько разных вариантов эвфемизмов, направленных на нивелирование дискриминации по разнице в доходах между богатыми и бедными. Сегодня в

новостных Интернет-порталах вместо слов «бедные», «бедняк» предпочитают использовать словосочетания «*социально необеспеченная семья*» (Коммерсант, 22 января 2003); «*низкооплачиваемые работники*» (РГ, 2 декабря 2008); «*неимущие и наименее защищенные слои населения*» (АиФ, 3 декабря 2017) и «*социально уязвимая категория граждан*» (РГ, 18 марта 2009). В коннотацию данных политических эвфемизмов включена имплицитная информация об их слабом социальном влиянии и отсутствии помощи от общества.

Помимо этого, эвфемизации подвергаются низкооплачиваемые, малопrestижные профессии, ср.: «*домработница*» (Известия, 23 января 2018) вместо «прислуга», «*клининг*» (КП, 26 апреля 2005) вместо «уборка», «*клинер*» и «*мастер по уходу*» (КП, 26 апреля 2005) вместо «уборщик». Интересно, что лексемы с пейоративной коннотацией «*курица*», «*продажная женщина*» для обозначения лиц, занимающихся проституцией, постепенно замещаются нейтральной или даже мелиоративной лексикой «*секс-дива*» (РГ, 22 июля 2005), «*дама полусвета*» (КП, 31 августа 2009), «*женщина легкого поведения*» (Известия, 27 августа 2009) и т.д. Все эти изменения показывают повышение степени защиты прав личности.

Что касается тематики политкорректности, то, безусловно, нельзя обойти стороной группу инвалидов. Наличие в языке эвфемистических языковых единиц для указания на те или иные физические / умственные недостатки, по нашему мнению, отражает степень социального прогресса. В русском языке есть, например, следующие эвфемистические конструкции: «*Еще одним указом глава государства повысил выплаты лицам, осуществляющим уход за нетрудоспособными гражданами*» (РГ, 28 декабря 2006); «*Самое сложное – убедить работодателя, что ты справишься, говорят все “редкие” люди*» (РГ, 28 февраля 2022); «*Люди с особыми возможностями – так правильнее, – говорит Надежда Андреева*» (РГ, 26 июля 2022). Для нивелирования дискриминации по умственным способностям также существуют много субституттов, смягчающих впечатление, производимое на адресата и одновременно защищающих достоинство социально слабых слоев населения. Примеры употребления:

«...особенно дети в трудной жизненной ситуации, социально опасном положении и из неблагополучных семей, а также **подростки с девиантным поведением**» (Известия, 14 августа 2017); «**Первым из камеры вышел молодой человек малоинтеллигентной наружности, в кальсонах и футболке**» (Известия, 4 декабря 2011).

Из сказанного следует, что в период 2000-2022 гг. внутригосударственные политические эвфемизмы касаются различных тем: «работа госслужащих и правительства», «административные меры против коронавируса», «проблемы коррупции и воровства». К тому же политические эвфемизмы все чаще используются в языке СМИ именно с целью избежать дискриминации каких-либо групп населения по соображениям политкорректности.

Политические эвфемизмы, употребляемые во внешнеполитической сфере 2000-2023 гг. Что касается внешнеполитической сферы для описания международных конфликтов, в новостных материалах русскоязычных СМИ часто используются лексемы «недопонимание», «разногласие», «диссонанс» и «конфронтация». Проанализируем функционирование данных лексем на конкретных примерах: «*Показательно, что г-жа Райс фактически признала, что «недопонимание» возникло по вине США*» (РГ, 20 марта 2008). Использование глаголов с приставкой *недо-*, привносящей значение ‘слабая интенсивность или неполнота действия’, является типичным приемом.

Приведем несколько примеров: «*В любом случае российский и турецкий министры решили не выносить на публику свои **разногласия** по этому и другим вопросам*» (Коммерсант, 19 декабря 2020); «*Аналитики также объясняют осторожную позицию ФРС стремлением не входить в **диссонанс** с Евросоюзом и политической мотивацией*» (Известия, 16 марта 2016). Субституты «разногласия» и «диссонанс» имеют эвфемистический статус, поскольку в словаре русских синонимов и сходных по смыслу выражений данные единицы отнесены к синонимичному ряду «несогласие» [Абрамов 1999].

Далее хотелось бы остановиться еще на одной единице, эвфемистический статус которой является дискуссионным и спорным. В исследовании

Н.А. Ванюшиной лексема «конфронтация» ввиду своего иноязычного происхождения «нивелирует негативное воздействие высказывания» [Ванюшина 2011, с. 108] и, следовательно, считается эвфемизмом. Напротив, Е.П. Сеничкина в словаре эвфемизмов русского языка снабжает эту лексему пометой *стерт. эвф.*, т.е. «конфронтация» воспринимается как прямое обозначение [Сеничкина 2016, с. 162]. Мы считаем, что по мере все более частого употребления слово «конфронтация» постепенно утрачивает свой эвфемистический потенциал и превращается в стертый эвфемизм.

Результаты анализа корпуса печатных источников позволяют нам сделать вывод о том, что многие дипломатические выражения имеют в своем составе одну и ту же лексему – «ответ». С ее помощью СМИ «смягчают» интенсивность и остроту международных конфликтов. Употребляя лексему ответ в прямом значении (высказывание, сообщение, вызванное вопросом) [Ожегов 2007, с. 456], СМИ сообщают о реакции встречной стороны, не уточняя при этом ее характера. Примеры употребления: «*На санкции будем **отвечать**, как **отвечали** всегда*» (Коммерсант, 26 февраля 2022); «*На масштабные **ответные санкции** мы пока не пойдём, но они возможны*» (Коммерсант, 20 августа 2008); «*Как заявила представитель Белого дома Джен Псаки, несоблюдение антироссийских санкций Пекином может повлечь **ответные шаги США***» (Коммерсант, 9 марта 2022); «*Мы не оставили этот недружественный шаг без **ответа***» (РГ, 11 августа 2009). Эффект эвфемизации создается за счет обобщения значения: ответ – общее понятие, он может быть как позитивным, так и негативным.

Констатируем, однако, что в конструкции *ответ* + прилагательное / наречие эвфемистический эффект этой лексемы проявляется слабее. Рассмотрим соответствующие выражения: «*...ответ России не обязательно должен быть “зеркальным”*» (Коммерсант, 1 сентября 2017); «*Можно это называть **асимметричным ответом**...*» (Коммерсант, 24 февраля 2021); «*Россия **ответила абсолютно симметрично***» (Коммерсант, 2 июля 2001). и «*Россия **отвечает “той же монетой”***» (Известия, 26 марта 2022). Под воздействием вышеперечисленных прилагательных и наречий сужается объем понятия и

понятие становится более конкретным. Итак, уровень речевоздействующего потенциала политических эвфемизмов резко снижается.

Адекватным им по значению будет выступать и «*соответствующий ответ*», «*надлежащий ответ*» (Коммерсант, 1 августа 2021); «*решительный и твердый ответ*» (Известия, 24 февраля 2022). Эти выражения включают имя прилагательное / наречие с семантической неопределенностью. Обычным читателям невозможно через описание журналистов догадаться о том, какие конкретные меры будет принимать руководство страны. Политические эвфемизмы в таких случаях исполняют функцию сокрытия или размывания нежелательной информации на интенциональном горизонте адресантов.

Что касается дипломатических вопросов, необходимо иметь достойные средства выражения, поскольку эти тонкие изменения в международных отношениях оказывают значительное влияние на национальные интересы. Особенно если речь идет об оценке деятельности иностранных правительств или лидеров. В период 2000-2022 гг. в русскоязычных СМИ появились такие обсуждаемые эвфемистические субституты: «*Мне кажется, он был не совсем трезвым*» (КП, 17 ноября 2016); «*Глава МИД Индии назвал претензии Европы “не очень умными” и посоветовал посмотреть на себя*» (КП, 4 июня 2022). В первом примере пранкеры беседуют с бывшим президентом Украины Петром Порошенко от имени лидера Киргизии Алмазбека Атамбаева 40 минут. Петр Порошенко попал впросак и получил оценку «*не совсем трезвый*». Во втором примере под «претензиями Европы» имеются в виду попытки Европы организовать единый антироссийский фронт. Один из методов создания такого фронта состоит в том, что Европа пытается отговорить Индию от закупок российской нефти. При отрицательной оценке или отзыве о чем-либо слова с негативной коннотацией не употребляются (например, «плохо»). Вместо этого используется модель словосочетания «не очень / не совсем / не слишком / не особо / не особенно + антоним». Перечисленные сочетания в функции политических эвфемизмов способны одновременно служить способом смягчения прямой номинации и косвенно выражать оценку.

Далее рассмотрим примеры эвфемистического употребления, основанного на метафорическом переносе: *«Трамп – как слон в посудной лавке»* (КП, 2 мая 2017). Для описания образа Д. Трампа, крайне неуклюжего и нерасторопного человека, выбирается именно такая метафора-эвфемизм. Еще пример: *«Однако 2020 год показал, что панчер он пока так себе»* (Коммерсант, 30 декабря 2020). Оценка президента Украины В.А. Зеленского как «панчера» связана с невыполнением им ряда предвыборных обещаний. Спортивный термин «панчер» пришел в русский язык из английского и имеет значение «боксер, обычно заканчивающий бой нокаутированием противника» [Крысин 1996]. Здесь слабость государственной власти и ее неспособность искоренить коррупцию описывается при помощи метафоры завершения спортивной схватки молниеносным нокаутирующим ударом. Метафорический перенос есть и в другом подобном примере: *«Байдену пишут кукловоды-неоконы из “глубинного государства”»* (Известия, 18 мая 2022).

Особенно интересны модели образования политических эвфемизмов, связанных с резким ухудшением взаимоотношений между двумя странами. Обратимся к конкретным отрывкам из газетных текстов: *«такое развитие событий подвело отношения Москвы и альянса к “красной черте”»* (КП, 16 января 2022); *«шансы на улучшение американо-российских отношений в обозримой перспективе весьма невелики»* (Коммерсант, 3 ноября 2021); *«новое содержание двусторонних отношений так и не было найдено»* (Коммерсант, 26 сентября 2008); *«повышения градуса напряженности в отношениях с Западом быть не должно, но и прорывов ожидать трудно»* (Коммерсант, 28 октября 2016).

Среди приведенных иллюстраций лишь в первом примере эвфемизм-метафора является структурно простым. Его метафорическое значение, проявляющееся в данном контексте, состоит в «предельной позиции (при обеспечении безопасности страны)» [Жантурина, Знак, Новикова 2022, с. 196]. Остальные примеры, выполняющие эвфемистическую функцию по отношению к прямому наименованию («натягивание взаимоотношения до крайней

напряженности»), используют усложненные синтаксические структуры. В этих контекстах усиливаются позитивные компоненты («шансы на улучшение отношений», «новое содержание двусторонних отношений», «повышения градуса напряженности быть не должно») и ослабляется интенсивность отрицательной оценки («невелики» «не было найдено» и «прорывов ожидать трудно»).

Для тактичной передачи информации журналисты и политики иногда выбирают неопределенные местоимения *кто-то*, *кое-кто*, *что-то* в функции политического эвфемизма при обозначении конкретного лица или действия: «Складывается впечатление, что **кое-кто** в Вашингтоне не хочет соглашаться с волеизъявлением американцев, пытаясь свалить на нас собственные неудачи, беззастенчиво использует российскую карту в политической борьбе» (АиФ, 4 октября 2017). Здесь российская сторона посредством местоимения *кое-кто* косвенно выдвигает обвинения Бараку Обаме в создании препятствий для нормализации диалога между США и Россией. Аналогичный эвфемистический характер неопределенных местоимений можно увидеть еще в примерах: «В тот же день Захарова заявила, что слова Зеленского о возможности переговоров с Путиным – “**кем-то** написанный план”» (Известия, 10 июня 2022); «Я не говорю, что я **что-то** делаю. И я не говорю, что я **что-то** не делаю» (Известия, 12 октября 2017). При употреблении в текстах СМИ неопределенного местоимения собственно диффузная функция начинает преобладать и приобретает нейтральный оттенок, отодвигая сему «указание на объект» на периферию.

Проанализировав ряд газетных источников, мы выделили отдельную группу способа эвфемизации – фразеологизмы-эвфемизмы. Эвфемистическая функция фразеологизмов обусловлена их культурной семантикой, позволяющей смягчать и вуалировать явления речи, не заострять описание происходящего в мире [Мохаммед 2018, с. 45]. Приведем и прокомментируем несколько примеров: «Урсулу фон дер Ляйен и всю Еврокомиссию явно откровенно злит тот факт, что не все в Европе готовы сегодня **плясать под американскую дудку**» (Коммерсант, 3 ноября 2021); «Но за строительством наступает период

сертификации, вот тут они могут какие-то еще палки в колеса вставить» (КП, 3 июня 2021).

Приведенные далее выражения мы относим к политическим эвфемизмам, поскольку их функционирование заключается в «замене слов и выражений грубых, неприемлемых по той или иной причине, фразеологическими единицами более мягкой или завуалированной номинации» [Арсентьева 2012, с. 9]. Первый фразеологизм-эвфемизм – *«плясать под дудку США»* – косвенно подчеркивает зависимую позицию Европы, приписывает США главную роль и нивелирует серьезность ситуации. Здесь актуализируется метафора политической обстановки как театральной сцены. Сочетание *вставить палки в колеса* ‘намеренно мешать в каком-либо деле’ [Федоров 2008, с. 104] используется в качестве фразеологизма-эвфемизма для обвинения американской стороны, поскольку в своей семантике оно сохраняет образность и усиливает в контексте ассоциативные связи, т.е. является живой, а не стертой метафорой. Фразеологизм *«палки в колеса вставить»* размыто сообщает о неправильных с точки зрения российского руководства действиях США», создавая эвфемистический эффект.

Осуществленный нами анализ политических эвфемизмов, употребляемых во внешнеполитической сфере 2000-2022 гг., позволяет сделать вывод о том, что сфера их употребления весьма узкоспециальна и ограничена. При этом модели их образования достаточно разнообразны. Говоря более конкретно, политические эвфемизмы в рамках внешнеполитической сферы фокусируют внимание на номинации конфликтов в интернациональных взаимоотношениях, на корректировке степени и количества критических замечаний в адрес политиков других стран. Модели образования политических эвфемизмов этой группы включают, как правило, синонимическую трансформацию, введение имени прилагательного / наречия с семантической неопределенностью, метафоризацию, использование фразеологизмов. К тому же очень часто используется модель предложения «не очень / не совсем / не слишком / не особо / не особенно + антоним»).

Политические эвфемизмы, употребляемые в экономической сфере 2000-

2023 гг. В 2000-е гг. количество внешних факторов, влияющих на развитие экономики России, значительно возрастает. Это тесно связано с глобализацией мировой экономики. Локальные экономические проблемы в отдельных странах и регионах приводят к кризису мировой экономической системы. За двадцатилетний промежуток времени (с начала 2000 г.) происходит несколько экономических кризисов. Помимо этого, санкции накладывают глубокий отпечаток на экономику России.

Обратимся теперь к одной из устойчивых формул политических эвфемизмов, касающихся замедления темпов развития экономики. В этом отношении показательно употребление слова «ноль» и его производных дериватов для передачи заведомо искаженной информации об экономической стагнации. Например, «у них *рост* в будущем году будет *держаться примерно на нуле*» (Известия, 6 ноября 2008); «*экономический рост в России в этом году ожидается на нулевой отметке*» (Известия, 30 января 2009); «*В июле экономика России продолжала дрейфовать к нулю*» (Коммерсант, 20 августа 2014); «*российская экономика последние годы вертится “вокруг нуля”*» (22 января 2020). В обыденном понимании читателей нулевое значение находится на границе между положительными и отрицательными показателями, числами. Тем более производное прилагательное нулевой часто употребляется с существительным *рост*. Несмотря на то, что сочетание *нулевой рост* синонимично понятию *стагнация*, с точки зрения психологического восприятия оно оказывается более удачным.

При описании ухудшения экономической ситуации журналистами российских печатных СМИ используются также литоты: «*полноценного восстановления активности не стоит ждать раньше июня*» (Коммерсант, 18 апреля 2020); «*обвал на западноевропейских и заокеанских биржах не мог обойти стороной российский фондовый рынок*» (Коммерсант, 2 марта 2020); «*Были моменты, когда казалось, “снежный ком” кризиса еще не скоро сбавит обороты*» (РГ, 9 сентября 2009); «*Экономика страны стагнирует и сигналов, обещающих быстрое изменение ситуации к лучшему, не посылает*» (АиФ, 30

декабря 2019). Безусловно, подобные отрицания дают читателям ключ к расшифровке истинной информации о тревожной экономической ситуации. Однако, благодаря приведенным политическим эвфемизмам журналисты успешно избегают усугубления негативного воздействия высказываний на читателей.

Аналогичного эвфемистического эффекта, по нашему наблюдению, можно добиться с помощью терминов. Приведем примеры: *«продолжается период беспрецедентной волатильности на мировых биржах»* (Коммерсант, 30 апреля 2020); *«подобие “голландской болезни”»* (РГ, 25 февраля 2009); *«“Черные лебеди” вовсе не ушли с глобальных площадок»* (КП, 23 мая 2020). Все эти термины из сферы экономики обозначают усугубление экономического положения. Верное понимание терминов требует высокого уровня знаний от адресата. Данный механизм функционирования политических эвфемизмов согласуется с тезисом Н.Б. Черикбаевой о том, что в коммуникации цель употребления эвфемизмов заключается в попытке «сообщить нечто адресату таким образом, чтобы это было понятно только ему» [Черикбаева 2016, 588].

Неизбежным следствием усиления экономического кризиса и ухудшения экономической конъюнктуры является рост цен. Влияние растущих цен напрямую отражается на уровне жизни народа. В связи с этим проблема роста цен считается одной из основных областей использования политических эвфемизмов. В самом общем виде эвфемистическое выражение включает глагол – «расти». К примеру, *«Нынешние цены еще **подрастут**»* (Коммерсант, 16 июня 2021). Так, в данном примере эвфемистический потенциал целого предложения актуализуется с помощью приставки «под», приносящей значение ‘чуть-чуть’. Помимо глагола «расти», используются и образные выражения: *«свинина **“пожирнеет”** с 350 руб./кг до 367,5 руб./кг»* (АиФ, 24 сентября 2008).

Когда речь идет о резком росте цен, журналисты чаще используют глагол «лететь»: *«цены эти **летят** вверх стремительно»* (АиФ, 10 октября 2014). Интересными в этом плане еще представляются примеры: *«Основные причины – чрезмерное **подорожание** продуктов питания, энергии и **рост** недоверия к развитым странам»* (РГ, 22 апреля 2011); *«А вот продукты и товары первой*

необходимости, по мнению политолога, точно **подскочат** в цене» (РГ, 22 февраля 2022).

Тот же смысл актуализируется в примерах «*Говорят, это даст толчок развитию отечественного овощеводства, но, пока оно разовьется, расходы на овощи-фрукты **пустят под откос бюджеты** многих российских семей с детьми и пенсионеров*» (АиФ, 7 августа 2014) и «*В результате никто не может дать гарантий, что после выборов цены вновь не взлетят*» (РГ, 1 марта 2020). Благодаря усложненной синтаксической структуре двух предложений (сравним: «цены на овощи-фрукты сильно растут» (возможная интерпретация первого примера) и «после выборов цены возможно повысятся» (возможная интерпретация второго примера) референциальная неопределенность повышается и предложение теряет прямую конфронтацию с неприятной проблемой.

Доход является наиболее очевидным показателем экономического развития. Остановимся далее на эвфемизации другого прямого последствия экономического кризиса – снижения доходов у населения. Примеры употребления: «*“Подкачали” только реальные располагаемые доходы населения*» (Известия, 21 августа 2002). «*усушка* зарплаты» (АиФ, 10 декабря 2008); «*кризис слизнет треть наших зарплат*» (КП, 23 октября 2008); «*сбережения и вклады людей сгорят*» (Известия, 26 октября 2011); «*Зарплаты начали таять по пять тысяч в месяц*» (КП, 10 января 2018). Все эти политические эвфемизмы образуются с помощью метафорических конструкций. Эвфемизмы-метафоры заставляют адресата осознавать неприятные условия экономики сквозь искусственную призму, имплицитно передавая реальное состояние. Сопоставляя прямое значение «доход снижается» с вышеперечисленными метафорическими выражениями, можно констатировать, что усложнение процессов декодирования увеличивает эвфемистический эффект.

В процессе исследования мы обнаружили, что при описании того или иного экономического вопроса медицинская терминология составляет определенную часть политических эвфемизмов. В качестве примеров укажем следующие: «*Состояние мировой экономики таково, что серьезный экономический и*

финансовый коллапс неизбежен» (Известия, 26 ноября 2003); *«Экономический подъем в развитых странах будет анемичным»* (Известия, 27 октября 2009). Слова «коллапс» и «анемичный» со значением «физическое состояние» используются в качестве источника для описания экономических проблем. Подобный способ предлагает адресатам возможность представить реальное положение, используя смягченную форму выражения.

Политические эвфемизмы с аналогичной семантикой можно найти в следующих предложениях. Например, *«Первый блок мер, который сейчас разрабатывает и уже реализует министерство в рамках концепции промполитики, направлен на “расшивку финансовых тромбов”»* (РГ, 27 января 2009); *«мораторий как “жгут, нанесенный выше сильной раны: сначала спасает организм от гибели, но если его долго не снимать, то ткань обескровленная просто отомрет”»* (Коммерсант, 30 декабря 2020); *«После снятия жгута либо кровь вытечет, либо гангрена начнется»* (Коммерсант, 30 декабря 2020).

Проанализируем теперь тему падения курса национальной валюты. Безусловно, стабильность курса валюты рассматривается как перспективное условие для улучшения экономической среды и стимулирования инвестиций. В случае колебаний курса обмена валюты журналисты часто используют выражения: *«И стоимость валюты с учетом нового положения, и в торговом балансе, и с учетом оттока капитала, ищет свои равновесные положения»* (РГ, 10 октября 2014); *«прогноз главы Минфина по поводу скорой стабилизации российской валюты пока не спешит сбываться»* (АиФ, 10 октября 2014); *«давление на рубль будет расти»* (КП, 23 мая 2020). Проанализировав ряд электронных русскоязычных источников, мы заметили, что для умышленного скрывания факта девальвации рубля, авторы текстов СМИ часто выбирают стратегии синонимичной трансформации. В результате замены конкретной номинации номинацией с общим смыслом внимание читателя не фиксируется на ней.

Анализируя собранные новостные материалы, мы заметили, что одной из обсуждаемых экономических проблем в 2000-е гг. стал рост безработицы. Это можно объяснить тем, что в сложный период возрождения экономики

предприниматели для сокращения производственных затрат предпочитают увольнять сотрудников. Однако негативная перспектива на рынке занятости приводит к массовым волнениям и другим угрозам для социальной стабильности. В этот момент появляется потребность маскировать реальию.

При сообщении о сокращении рабочих мест мы выявили следующие примеры эвфемистического переименования: *«формальной занятости **роста вакансий не предвидится**»* (РГ, 16 апреля 2013); *«недостаточно сформированы условия для занятости»* (Коммерсант, 15 апреля 2022); *«Ситуация с трудоустройством в Кировской области стабильная, но с фактором напряженности»* (КП, 24 декабря 2015). Отличительным способом эвфемизации в представленных примерах служит частичное отрицание. То есть сдвиг прагматического фокуса адресата зависит от «дозировки» информации, соотношения негативных и позитивных деталей (ср.: *роста вакансий не предвидится – отсутствие вакансий; недостаточно сформированы условия для занятости – не сформированы условия для занятости*).

Более того, широкое отражение находит существительное «мероприятие» и герундий «оптимизация» в следующих фрагментах: *«мероприятия по оптимизации производственных процессов и численности сотрудников»* (КП, 23 ноября 2021); *«проведение оргштатных мероприятий»* (КП, 23 ноября 2021); *«оптимизация численного состава органов с сохранением фонда заработной платы и права распоряжаться им»* (РГ, 28 декабря 2006). Слово «мероприятие» содержит в семантической структуре нейтральную окраску, а отглагольное существительное «оптимизация» имеет положительную смысловую наполненность. Здесь путем перифразы авторы текстов газет корректируют отрицательную социальную оценку. В то же время политические эвфемизмы подобного рода оправдывают перед читателями необходимость увольнения.

Подводя итоги, сформулируем выводы. В 2000-е гг. экономическая ситуация в России усложняется. Внешние факторы в связи с углублением глобализации играют важнейшую роль и влияют на процесс развития российской экономики. В рассмотренных случаях эвфемистическое преобразование часто обнаруживается в

тематиках «застой в экономике», «спад доходов у населения», «повышение цены на товары», «обесценивание рубля», «усиление безработицы». Наиболее частотными способами эвфемизации экономических проблем являются литота, метафора, использование терминов и синонимическая трансформация.

Политические эвфемизмы, употребляемые в военной сфере 2000-2023 гг.

Тема войны является проблемой с наиболее острой напряженностью в политической жизни. Вспышка войны рассматривается не только как провал дипломатических средств разрешения конфликтов между обеими странами, но и как источник последующего негативного влияния. Поэтому в первую очередь косвенно-номинативной замене подвергается номинация «война». Например, *«Это – очень печально и очень настораживает и, конечно, это будет вызывать ответные действия, – заключил Путин»* (КП, 8 августа 2008).

Отрицательное прямое наименование *война* в данном случае заменяется словосочетанием с диффузной семантикой *«ответные действия»*. Это сообщение появляется в новостях как реакция на обстреливание грузинскими солдатами осетинских позиций. Российские войска для защиты невинных граждан Южной Осетии и граждан России начали «ответные действия». Описываемое выражение дает представление о том, что военные действия, по сути, представляют собой гуманитарную попытку спасти жизни. Такое эвфемистическое наименование становится более приемлемым для адресатов сообщения.

Аналогичный политический эвфемизм находим в примере: *«Президент еще раз подробно объяснил, почему и зачем была проведена операция по принуждению к миру»* (АиФ, 16 сентября 2008). Создание подобных эвфемистических субститутов мотивировано отраженной в них ценностной доминантой, что страна-агрессор должна быть осуждена.

С той же мотивировкой создавались эвфемизмы *«решимость прибегнуть к силовому сценарию в условиях полного дипломатического тупика»* и *«контрнаступательная операция»* (Коммерсант, 27 сентября 2020). В приведенных примерах эвфемистические словосочетания эксплицитно объясняют мотивы военных действий. Вынужденный характер и оборонительный статус в

определенной степени отвлекает прагматический фокус от недовольства. И так, за счет описательной перифразы политические эвфемизмы не только способны снизить уровень напряженности в случае участия общества в войне, но и могут производить нужное впечатление на широкие слои общественности.

В ходе анализа газетных ресурсов были обнаружены и другие эвфемистические единицы, употребляемые журналистами при описании потерь в военных действиях. Показательным примером является следующее предложение: *«Выходили мы малыми группами, выносили “двухсотых”, “трехсотых”»* (АиФ, 6 мая 2022). В приведенном контексте журналист избегает исходной номинации погибших и раненых военнослужащих и выбирает политические эвфемизмы *«двухсотый»* и *«трехсотый»*, чтобы вуалировать жестокую суть вооруженной конфронтации и снижает психологический шок у тех, кто переживает негативные последствия. Тесно связанными с этими эвфемизмами оказываются и заменяемые единицы *«груз 200»* и *«груз 300»*. Названные обозначения представляют собой систему кодов, которые обозначают транспортировку погибших или раненых солдат. Благодаря введению терминов при передаче информации семы с отрицательными коннотациями ‘гибель’ или ‘ранение’ смещаются ближе к периферии в семантической структуре понятия и таким образом максимально снижают острую реакцию у адресата.

В процессе исследования мы обнаружили, что существует ряд эвфемистических единиц при описании факта убийства в военных действиях. Далее приведем соответствующие примеры: *«Удалось **обезвредить** опаснейшую, как оказалось, террористическую группу»* (РГ, 7 сентября 2007); *«Мы прицельным огнем **скосили** тех, которые вышли первыми»* (КП, 11 мая 2009); *«Ранее в воскресенье информационный центр НАК сообщил, что в ходе режима контртеррористической операции удалось **нейтрализовать** двух бандитов»* (Известия, 11 октября 2020); *«Чтобы **“гасить”** снайперов, - пояснили военные»* (Известия, 24 августа 2008). Очевидно, что причина избегания прямых наименований (слов со значением ‘убийство’ – значением, которое более явно выражено, например, в сочетании «причинение смерти») состоит в том, что они

актуализирует ассоциацию читателей с фактом причинения смерти человеку. Лексемы «обезвредить», «скосить», «нейтрализовать» и «гасить» употребляются в значении «убийство» только в определенном контексте. С помощью генерализации смыслового содержания уходят на периферию отрицательные семы «смерть», «насилие», «жестокость», в результате чего снижается негативное восприятие.

Основываясь на перечисленных выше политических эвфемизмах, употребляемых в военной сфере 2000-2022 гг., можно наглядно убедиться в их прагматических особенностях. Потребность словесного камуфляжа особенно отражается в тематических подгруппах «наименование вооруженных конфликтов», «наименование потерь в военных действиях» и «наименование убийства». В большинстве случаев для построения подобных политических эвфемизмов используется способ описательной перифразы и метод генерализации. Основными мотивами эвфемизации в военной сфере являются стремление скрыть жестокость войны и оправдать вступление в бой, тем самым избегая общественного осуждения и поддерживая престиж власти.

Выводы по второй главе

Анализ совокупности отобранных материалов, выделенных в нашем исследовании трех периодов (1964-1982 гг., 1983-1999 гг. и 2000-2023 гг.) позволил разделить политические эвфемизмы на четыре базовых сферы употребления: 1) внутригосударственная сфера; 2) внешнеполитическая сфера; 3) экономическая сфера и 4) военная сфера. Политическая обстановка, являясь ключевым экстралингвистическим фактором, влияет на употребление эвфемизмов в разных тематических группах в разное время. При последовательном изучении ситуаций употребления политических эвфемизмов в данных основных сферах мы сделали следующие выводы:

1. В состав внутригосударственной сферы входят политические эвфемизмы, ориентированные на формирование позитивного имиджа правительства и обеспечение стабильности общества в рамках деятельности по государственному

управлению.

В промежуток времени 1964-1982 гг. употребление политических эвфемизмов главным образом затрагивает следующие темы: партийную борьбу, репрессивные меры и негуманное отношение к гражданам. В период 1983-1999 гг. самыми распространенным тематическими подгруппами являются «мятеж или переворот», «неадекватное поведение госслужащих», «неэффективность правительственной работы», «льготы привилегированных лиц» и «репрессивная деятельность». После 2000 г. внутригосударственные эвфемизмы используются в сообщениях СМИ по темам: «деятельность госслужащих и правительства», «проблемы коррупции и воровства» и «административные меры против коронавируса». К тому же политические эвфемизмы все чаще используются в языке СМИ именно с целью избежать дискриминации каких-либо групп населения по соображениям политкорректности.

2. К внешнеполитической сфере относятся политические эвфемизмы, функционирующие с целью предотвращения эскалации конфликтов между разными странами. Сопоставляя внешнеполитические эвфемизмы с эвфемизмами во внутригосударственной сфере, можно отметить, что внешнеполитические эвфемизмы трех периодов имеют смежные доминирующие тематики: «критика территориальной экспансии и вмешательства в дела чужих стран», «секретная шпионская работа», «ложная пропаганда», «политические скандалы».

3. Политические эвфемизмы в экономической сфере ориентируются на описание неблагоприятного состояния экономики и вытекающего из него нежелательного влияния на жизнь граждан России и иностранных граждан.

В течение 1964-1982 гг. эвфемистические единицы, возникающие для освещения проблемы нехватки сырья для производства и низкой эффективности производства составляют подавляющее большинство экономических эвфемизмов эпохи.

В течение 1983-1999 гг. правительством СССР были проведены экономические реформы. Вследствие кардинальных изменений в экономической

жизни возникла потребность в эвфемизации. Анализ собранных материалов позволяет нам утверждать, что для номинации предметов и явлений, относящихся к тематическим группам «обесценивание вкладов населения», «обесценивание национальной валюты», «курс экономического развития и экономической политики», «негативные последствия экономического кризиса» и «незаконные экономические действия» существует много эвфемистических конструкций-субститутов.

В 2000-е гг. внешние факторы в связи с углублением глобализации имеют более глубокое влияние на процесс развития российской экономики. В рассмотренный период эвфемистическое преобразование часто обнаруживается в тематических группах «застой в экономике», «сокращение доходов у населения», «повышение цен на товары», «обесценивание рубля» и «рост безработицы».

4. Проведенный анализ показал, что военная сфера является актуальной сферой для создания политических эвфемизмов. Правительства нуждаются в эвфемизмах для описания военных действий, чтобы народы легче мирились с ее жестокостью. Политические эвфемизмы в военной сфере можно разделить на две группы (в зависимости от цели): 1) употребление политических эвфемизмов со стремлением предотвратить волнения в обществе (эвфемизмы, обозначающие убийства и смерть; эвфемизмы, обозначающие ранения и болезни, полученные в результате войны; эвфемизмы, обозначающие результаты военных действий); 2) употребление политических эвфемизмов для общественного одобрения действий государства и повышения имиджа власти (эвфемизмы, обозначающие военную деятельность).

Глава 3. Специфика функционирования и способы образования политических эвфемизмов в русскоязычных СМИ

В данной главе сначала рассматривается научное описание способов образования политических эвфемизмов и предлагается авторская классификация политических эвфемизмов по способу образования. После этого проводится эксперимент и описываются количественные изменения и динамика изменений в группах, выделенных нами в рамках нашей классификации, а также в тематических группах.

3.1. Авторская классификация политических эвфемизмов по способу образования

Прежде чем перейти непосредственно к экспериментальной части исследования и оценить динамику изменения соотношения способов образования эвфемизмов, считаем уместным охарактеризовать эти способы. Изучение способов формирования политических эвфемизмов имеет давнюю историю в лингвистике. Это необходимый шаг для решения ряда исследовательских вопросов, связанных с политическими эвфемизмами.

Взгляды исследователей различны относительно языковых средств и способов формирования эвфемистических единиц в связи с неоднородностью исследуемого материала. Нами были изучены общепринятые классификации по способам образования политических эвфемизмов у Л.П. Крысина [Крысин 2004], Ю.С. Басковой [Баскова 2006], Е.П. Иваняна [Иванян 2022] и О.А. Морозовой [Морозова 2021]. Рассмотрим подробнее эти классификации.

Л.П. Крысин выделяет 6 групп, разграничивая, (1) слова-определители с диффузной семантикой типа *некоторый*, *неопределенный* и (2) номинации с общим смыслом (*акция*, *изделие*). С нашей точки зрения уместно объединить эти две группы в одну – генерализация значения (такое решение находим, в частности, в диссертации Г.Н. Мухамедьяновой [Мухамедьянова 2005, с. 30], где в группу генерализация включены существительные, прилагательные и местоимения); (3) иноязычные слова и термины. Доля терминов в авторской классификации

незначительна (36 единиц), для нашего эксперимента эта группа статистически незначима и ее мы далее не рассматриваем, сосредоточим наше внимание только на иноязычных эвфемизмах. Аббревиатуры также исключаются из авторской классификации ввиду того, что их мало (40 единиц) и они незначимы для проверки выдвинутых гипотез. Группы (5) слова, обозначающие неполноту действия (*прихрамывает*) и (6) глагольные формы с приставкой под- (*подъехать*) мы объединяем в одну группу – эвфемизмы, образованные при помощи префиксов; более дробная детализация в нашем случае будет излишней [Крысин 1994, с. 280-282].

Ю.С. Баскова классифицирует эвфемизмы по основным уровням языковой системы, выделяя среди прочих графический, фонетический, морфологический, лексико-семантический и синтаксический уровни создания манипулятивных эвфемизмов. Наша классификация существенно уже и исключает графические и фонетические способы эвфемизации⁴, ограничиваясь семантическим, морфологическим и синтаксическим уровнями. К последнему мы отнесли случаи перифразы (замена слова словосочетанием).

Е.П. Иванян выделяет 13 лексико-семантических групп эвфемизмов, связанных с различными понятиями: сверхъестественные силы, смерть и болезни, человеческие недостатки, пороки, физиология и половое поведение и др. Подобное дробление для статистического анализа не совсем уместно, поскольку статистика лучше работает с малым числом групп (до 5-6). Помимо прочего, Е.П. Иванян говорит о мотивационной классификации и выделяет группы по характеру семантического сдвига (метафора, метонимия, синекдоха и др.). По нашим наблюдениям, метафорический способ образования эвфемизмов наиболее продуктивен (доля эвфемизмов-метафор в авторской классификации постепенно возрастает: если в период 1 эта доля составляет 14,7%, то в период 3 эта доля составляет уже 27,9%, что говорит об актуализации метафорических смыслов в

---

⁴ Использование графических средств языка – многоточий и других специальных знаков для цензурирования прямого смысла: *ж...*, *г...*; использование фонетических средств (звуковой аналогии [Кацев 1988, с. 88], состоящей в замене прямого наименования близким по звучанию: *шут с ним!* Фонетический и графический способы эвфемизации, по замечанию Ю.С. Басковой, малочисленны и используются в специальных целях (табуирование ненормативной лексики). Следовательно, есть основания предположить, что их доля в общем объеме эвфемизмов будет незначительна. Такие способы образования исключены из авторской классификации

группе новейших эвфемизмов). К мотивационной классификации исследователь относит и прономинализацию (использование местоимений для маскировки смысла)⁵, и использование иноязычной лексики, и перифразирование. Морфологическая классификация предполагает разделение эвфемизмов по формальным основаниям: частям речи. В таком случае рассматриваются единицы уровня слов и исключаются более сложные единицы (эвфемизмом теоретически может быть словосочетание и даже целое предложение: «Важная общая картина: в России уже много недель продолжается очень сильная волна [*пандемии COVID-19 – У. Ю.*], и пока нет признаков того, что близко существенное ее улучшение.

О.А. Морозова рассматривает одну группу эвфемизмов – эвфемизмы с градуальной семантикой – и предлагает свой вариант их классификации, выделяя эвфемизмы-неологизмы, эвфемизмы-заимствования и эвфемизмы-фразеологизмы. Выделение первой группы допустимо только с относительной оговоркой: неологизмами считаются такие эвфемизмы, которые появились в языке с данного момента времени. Выделение этой группы при диахроническом анализе системы эвфемизмов связано с трудностью объективной оценки «новизны» и «устаревания»: какие эвфемизмы считать новыми, а какие – устаревшими? Эвфемизмы-фразеологизмы мы относили в группу «метафоризация», поскольку образование фразеологизма как правило предполагает метафорический перенос. Количество эвфемизмов с градуальной семантикой в авторской классификации составляет 2 единицы (*страшиновато, дороговато* вм. *страшно* и *дорого*).

Таким образом, на основании рассмотренных классификаций были выделены следующие способы политической эвфемизации: заимствование, терминологизация, генерализация, метафоризация, перифраза, контекстуальная антонимия, префиксация и аббревиация, использование местоимений. Для проверки выдвинутых гипотез группы терминологизация, аббревиация и контекстуальная антонимия оказались нерелевантными и малочисленными и были исключены из экспериментальной части исследования. Мы обобщили

⁵ В нашем случае местоимения-эвфемизмы исключены из общего списка ввиду малочисленности (18 ед.). Заметим, что не все местоимения могут использоваться в качестве эвфемизмов, а только лишь местоимения определенных разрядов: неопределенные (*кое-кто, кое-какие, нечто*) и указательные (*тот*)

данные исследований и объединили способы эвфемизации, представленные в политическом дискурсе, в следующую классификацию.

Политические эвфемизмы, образованные при помощи генерализации значения. Генерализация значения – известный прием семантического сдвига, при котором слово с более конкретным значением заменяется словом с более абстрактной семантикой. Это обобщение является одним из механизмов языковой эволюции: слова с более диффузной семантикой переходят в класс грамматических показателей (например, глаголы бытия, движения, существования служат для выражения грамматических значений времени и других).

К группе «Генерализация значения» мы относили эвфемизмы-слова и словосочетания, в которых главным словом являются: *меры* (беспрецедентные, соответствующие), *ситуация* (чрезвычайная, беспрецедентная), *действия* (оборонительные, силовые), *акция* (силовая), *события* (апрельские, августовские, январские), *решение* (силовое), *интересы*, *планы* (особые), *ответ* (твердый, решительный, ощутимый), *операция* (силовая, военная, специальная).

За соответствующими формулировками стоит прямой смысл: военное или дипломатическое столкновение интересов двух и более политических субъектов. Эффект эвфемизации связан с возможностью двоякого понимания, иной интерпретации. Эти единицы употребляются в большом количестве разнообразных сочетаний, ср.: операция (военная, хирургическая...); мера (веса, длины...); акция (протестная, ликвидная...); действия (боевые, следственные, совместные...); событие (военное, историческое, радостное, грустное...); план (местности, работы, мероприятия...); решение (вопроса, проблемы, задачи...).

Политические эвфемизмы-заимствования. В современном обществе трудно представить существование живых языков, полностью сохранившиеся в первоизданном виде. «Нет ни одного языка, в котором его словарный состав ограничивался бы только своими исконными словами» [Гируцкий 2003, с. 152]. Лексический состав современного русского языка не является исключением. Заимствованные слова имеют особую значимость в обогащении лексикона и в

исследованиях русского языка. Некоторые ученые – И.А. Стернин [Стернин 2001], О.В. Загоровская [Загоровская 2002], Н.С. Валгина [Валгина 2003] – сходятся во взглядах на то, что иноязычные неологизмы являются одним из основных направлений в расширении лексического состава русского языка на рубеже XX-XXI веков.

Когда речь идет о важности заимствований в качестве политических эвфемизмов, то представляется аргументированной позиция С. Видлака, который считает, что «иноязычные слова меньше шокируют и кажутся более благородными» [Видлак 1967, с. 275]. Свое объяснение функционирования заимствований в эвфемизации предлагают Е.А. Земская и Л.П. Крысин. «Присутствие «чужого слова» придает резкую экспрессивность современному дискурсу. «Текст в тексте» создает двуплановость и многоплановость восприятия» [Земская 1996, с. 30]. В общем, слова иноязычного происхождения в эвфемизации «более пригодны для вуалирования сути явления» [Крысин 1994].

Основываясь на отобранных нами примерах, к группе заимствований мы отнесли политические эвфемизмы, которые заимствованы из других языков (чаще всего – из германских и романских), а также внутриязыковые заимствования (чаще всего – из уголовного и воровского жаргона). Примерами межъязыковых заимствований могут служить, например *локдаун* (англ. lockdown – строгая политика изоляции в чрезвычайной медицинской ситуации), *бедлам* (англ. bedlam – состояние крайнего беспорядка), *аутсайдер* (англ. outsider – тот, кто находится вне определенной системы), *эскалация* (англ. escalation – расширить), *офшор* (англ. offshore – финансовые, банковские и прочие операции, не подпадающие под национальное регулирование) и т.д.

Кроме эвфемизмов из английского языка в новостных текстах нередко можно обнаружить политические эвфемизмы из латинского языка: *ультиматум* (лат. ultimatium – серьезное требование, сопровождаемое решительными мерами воздействия), *коллаборационизм* (лат. con laborare – предательская деятельность с враждебной стороны), *экспроприация* (новолат. expropriatio – лишение собственности; от лат. ex – от + proprius – собственный) – принудительное

отчуждение имущества), *конфронтация* (лат. *confrontatio* – противостояние, возникающее из-за столкновения интересов, принципов в разных сферах жизни общества), *флуктуация* (лат. *fluctuation* – колебание, нестойкость).

Еще существует несколько примеров заимствований из других языков. Примечательны и следующие иллюстрации: *путч* (нем. *putsch* – переворот), *сибаритство* (греч. *Συβαρίτης* – безделье), *куртизанка* (франц. *courtisane* – женщина легкого поведения), *фиаско* (итал. *fiasco* – поражение, неудача, провал), *диссонанс* (франц. *dissonance* – нестройность, несозвучность) и др.

К внутриязыковым мы относили заимствования типа *уйти налево* (на языке заключенных означает ‘отойти от воровской группировки и начать честную жизнь’), *заначка* (см. глагол *заначивать* в значении ‘прятать что-либо на себе: в волосах, во рту, в одежде и т.п.’). Полукальки (слова, в которых заимствуется морфологический элемент из другого языка) мы также относили в эту группу (*ельцингейт* ‘скандал, связанный с Б.Н. Ельциным’, *Ирангейт* ‘поставки оружия Ирану должностными лицами США’, *Брежневизация* ‘деградация системы управления из-за длинного срока правления’).

Политические эвфемизмы, образованные при помощи метафоризации. Мысль о способности метафор в речевой практике выступать в эвфемистической функции прослеживается в работах Дж. Нимена и К. Сильвера [Neaman, Silver 1990], А.П. Чудинова [Чудинов 2001], А.Н. Баранова [Баранов и др. 2004], Н.А. Ванюшиной [Ванюшина 2011], И.Р. Ханнановой [Ханнанова 2018] и т.д.

Что касается общности метафоры и эвфемизмов, то метафорическое мышление основано на сходных ассоциациях, тот же механизм лежит в основе функционирования эвфемизмов. Несомненно, метафора обладает спецификой расплывчатости семантического содержания и выраженной ассоциативностью, что предоставляет оптимальное условие для политической эвфемизации. Впоследствии В.Ю. Апресян и Ю.Д. Апресян в своей работе доказывают предпочтительное обращение к метафоре как к одному из средств непрямого обозначения реалий действительности. По мнению этих ученых, «в случаях, когда прямое обозначение объекта номинации представляется по той или иной

причине невозможным, адресант речи обращается к тем знаниям, которые, по его предположению, уже имеются в опыте адресата, актуализируя необходимые признаки на основе метафоры» [Апресян, Апресян 1993, с. 27].

К группе «Метафоризация» мы отнесли политические эвфемизмы, в которых есть элементы скрытого сравнения и образный элемент. Описывая способы эвфемистической субституции, можно привести следующие примеры:

– метеорологическая метафора [ПОЛИТИКА = ПОГОДА] (*заморозки и оттепель* показывают отчужденные дипотношения, *штормовая погода* символизирует вспышку ожесточенных конфликтов, *тучи сгущаются* обозначает переход от благоприятного состояния к негативной ситуации развития, *Экономика на пороге зимы* для выявления серьезных проблем в экономике);

– ассоциативно-коннотативная (цветовая) метафора (*черная деятельность* – в.м. преступление, *черный нал* – в.м. денежная наличность вне контроля налогообложения, *серый доход / серые схемы / серый рынок труда* – в.м. деятельность с неуплаченными налогами, *серый импорт / серый товар* – в.м. неучтенная продукция и услуги);

– театральная метафора [ПОЛИТИКА = ТЕАТР] (*плясать под американскую дудку* – в.м. действовать под указанием США, *кукловоды-неоконсерваторы* – в.м. группа неоконсерваторов, применяющая техники манипулирования массами людей, *хор* – в.м. совместное решение некоего политического альянса с негативной спецификой, *цирк* – в.м. фарс, полный шутки и бессмысленного поведения);

– зоонимическая метафора [ПОЛИТИКА = ЗООПАРК] (*назвать в честь Зеленского новый вид беспозвоночного* – ср. покорность Зеленского).

Ряд лингвистов (см. исследования [Арсентьева 2012]; [Старук 2015]; [Иванян 2022]) к группе эвфемизмов-метафор относят фразеологизмы.

Сопоставление однословного эвфемизма «откат» с ФЭ «барашка в бумажке» в конкретном контексте позволяет нам отчетливее увидеть эвфемистический потенциал единиц, расположенных на различных уровнях языковой системы.

«*Экс-директора «Титановой долины», требовавшего «откат» в 13 млн, отправили в колонию*» (КП, 9 июля 2021).

«У китайцев, как и у русских, спокон веку повелось – «дать барашка в бумажке», «сунуть нужному человеку», «отблагодарить за помощь» (АиФ, 2 марта 2011).

Оба эвфемизма обозначают взятку, подкуп в имплицитном смысле. Прямое значение слова *откат* – «перемещение в сторону». По ассоциации такое слово употребляется в переносном смысле «взятка». Выяснить значение синтаксически более сложного ФЭ «барашка в бумажке» заметно труднее, чем смысл однословного эвфемизма «откат». Сложная конструкция утяжеляет текст, затрудняет его восприятие с первого прочтения, формирует неопределенность и денотативную размытость передаваемой информации.

Политические эвфемизмы, образованные при помощи перифраз. В основе распространенных эвфемистических замен для смягчения напряженности в характеристике предмета речи, явлений лежат перифразы. Заметим, что в современной лингвистике такие исследователи, как Г. фон Вильперт, Г. Буссманн, Н.М. Бердова [Бердова 1981], В.П. Москвин [Москвин 2017] акцентируют внимание на вопросе о соотношении эвфемизмов и перифраз. В словарях первых двух ученых эвфемизм трактуется как разновидность перифразы (цит. по [Яфарова 2016]).

Причина возможности перифраз выступать в качестве одного из известных методов образования эвфемистических единиц состоит, по мнению Т.В. Бойко, в том, что «эвфемизм и перифраза относятся к фигурам отношений тождества», возникающим при субституции одного наименования другим, которое сохраняет при этом первоначальное лексическое содержание [Бойко 2005, с. 24].

Интересным в этом плане представляется отрывок из исследования В.П. Москвина. Ученый указывает на существование двух разновидностей логических перифраз-эвфемизмов в русском языке: а) с определением, называющим какую-нибудь отличительную особенность объекта (напр., *модная болезнь*); б) с определением, выражающим нежелание говорящего называть такую особенность и, соответственно, производить уточнение: *шлепнуть ребенка по одному месту* – в последнем случае получается двойная зашифровка

(осложненная прономинализацией) [Москвин 2001: 61].

Далее мы придерживаемся точки зрения В.П. Москвина и предлагаем соответствующие примеры:

1) Перифразы-эвфемизмы на основе отличительной особенности объекта

К группе «Перифразы-эвфемизмы на основе отличительной особенности объекта» мы отнесли политические эвфемизмы: *дядюшка Сэм* вм. ‘США’, *зеленые береты* вм. ‘войска специального назначения Армии США’, *“Беловоротничковые” преступники* вм. ‘преступники, выступающие в роли представителей государства, бизнеса, должностных лиц и чиновников’, *президент Левински* вм. ‘президент Украины В.А. Зеленский’, *шакаля тактика* вм. ‘присоединение к групповой атаке при удобном случае’, *страна-дауншифтер* вм. ‘страна неудачников, страна, которая ослабла’, *голливудский сценарий* вм. ‘сценарий с провокациями’, *ковбойский наскок* вм. ‘изоляция России на международной арене’ и т.д.

2) Перифразы-эвфемизмы на основе нежелательной особенности объекта

В группу «Перифразы-эвфемизмы на основе нежелательной особенности объекта» входят, например, следующие политические эвфемизмы: *товары повышенного спроса* вм. ‘дефицит товаров’, *незабываемые дни августа* вм. ‘августовский путч’, *работающий “под столом”* вм. ‘тот, кто занимается незаконной деятельностью’, *падшая женщина, представительница древнейшей профессии* вм. ‘проститутка’, *редкие люди* вм. ‘инвалиды’, *переселенцы* вм. ‘беженцы’, *заслуженный отдых* вм. ‘пенсия’ и т.д.

Политические эвфемизмы, образованные при помощи префикса. По нашему наблюдению, эвфемизация в современном русском языке часто реализуется за счет использования таких словообразовательных средств, как негативная префиксация (термин А.М. Кацева, см. [Кацев 1988, с. 26]) и префиксы с уменьшительным значением.

Морфологическая схема, по которой образуются такие эвфемизмы, имеет следующий вид: негативный префикс не- + существительное / прилагательное / наречие. В результате получаем антонимичное по смыслу слово. Такие

эвфемизмы лингвист Ю.Д. Апресян назвал «полуэвфемизмами», поскольку в них «сдержанное порицание... для отрицательно оцениваемых свойств» [Апресян, 1995: 312]. В этой связи Н.В. Прядильникова добавила, что «с психологической точки зрения, отрицание положительного денотата является более предпочтительным, чем утверждение отрицательного» [Прядильникова 2007, с. 141]. Напр.:

*«До сих пор, например, в колхозах и совхозах Молдавии свыше половины маслосемян **некондиционны**»* (Правда, 22 февраля 1979);

*«Можно предположить следующее: по мере приближения 16 июня Ельцин осознал, что внешнеполитические проблемы не играют в предвыборной кампании практически никакой роли, и решил начать неспешный выход из того тупика, в котором оказались отношения России и Запада в результате **негибкой политики** Москвы в вопросе о расширении НАТО»* (Известия, 6 июня 1996);

*«Три ключевых поста заняли люди с **непростой репутацией**»* (Коммерсант, 17 сентября 2009).

По сравнению со заменяемым словом-антецедентом «бракованный», «жесткая политика» и «сомнительная репутация» в словах-субститутах, образованных при помощи негативной префиксации («некондиционны», «негибкая политика», «непростая репутация») не только стираются отрицательные коннотации, но и сохраняется истинность высказывания (предложения). Итак, мы имеем обоснование подтвердить, что в эвфемистических конструкциях чаще используется полный антоним с отрицанием, чем полный антоним.

Еще одним из морфологических приемов реализации эвфемистического потенциала в политике является приём префиксации (префикс с уменьшительным значением).

Перечислим следующие приставки, способные выступать в качестве составной части политических эвфемизмов.

- приставка *при-*: *прихрамывать, приостановить*;
- приставка *полу-*: *полуложь, полутон*;

- приставка *небез-* / *небес-*: *небезынтересно, небезызвестный*;
- приставка *недо-*: *недоедавшие, недосчет, недоразумение, недовес, недовложение*;
- приставка *под-*: *подлететь, подрасти (цены), подпортить, подкупить*.

Данные примеры мы рассматриваем как политические эвфемизмы, поскольку эти приставки смягчают степень отрицательной оценки, создают приемлемый и утешительный эффект у читателя. Эвфемистические формулировки корректируют способ восприятия и объем информации адресантом, изменяют соотношение отрицательной и положительной оценки. В конечном счете употребление подобных эвфемистических замен становится мощным способом контроля массового мнения.

Необходимо подчеркнуть, что политические эвфемизмы, образованные при помощи префиксов с уменьшительным значением, обладают низкой степенью эвфемизации. Тем не менее, подобного рода эвфемистические единицы имеют превосходство над другими при использовании для целей манипулирования человеком, поскольку отрицание положительно оцениваемого явления психологически воспринимается проще: создается иллюзия достоверности подачи материала.

Итак, можно сказать, что генерализация, заимствование, метафора, перифраза и префиксация служат наиболее продуктивными способами эвфемизации, посредством которых имеет возможность осуществиться коммуникативное воздействие на ценностные установки адресата.

Для достоверности исследований нами было предпринята попытка выполнить экспериментальный поиск различных групп политических эвфемизмов на разных этапах их появления и сопоставление таких данных. Экспериментальная работа была проведена для выявления динамики употребления политических эвфемизмов на различных этапах.

3.2. Динамика употребления способов образования политических эвфемизмов в русском языке

Авторский корпус включает 1093 примеров. Данные по эвфемизмам и

способам их образования обрабатывались при помощи ПО MS Excel. Для этого была создана таблица со следующими полями:

- 1) Порядковый номер;
- 2) Политический эвфемизм в начальной форме (указывалась форма И.п. ед.ч.)⁶;
- 3) Прямое название (для эвфемизмов-заимствований в этом столбце указывался источник заимствования – иностранный язык или соответствующая подсистема русского языка: жаргон, просторечие и др.);
- 4) Способ образования (см. выше);
- 5) Сфера употребления (внутренняя политика, внешняя политика, экономика, военная сфера);
- 6) Период употребления (период 1, период 2 и период 3 соответственно; политические эвфемизмы могут дублироваться в случае повтора в разных периодах);
- 7) Контекст (в некоторых примерах есть ссылка на интернет-источник).

Вид части авторского корпуса представлен на рис. 1

№	Политический эвфемизм	Прямое наименование	Способ образования	Сфера функционирования	Период упо.	Контекст
1	Экспроприация	Отрабление	Заимствование	Внутренняя политика	Л.И. Брежнев	Минувшие семь лет аграрных преобразований, отмечае
2	Колония	Тюрьма	Заимствование	Внутренняя политика	Л.И. Брежнев	Народный суд Свердловского района Москвы, рассмат
3	Люмпен-пролетариат	Нищий	Заимствование	Внутренняя политика	Л.И. Брежнев	«Париж скоро разделится на две примерно равные полс
4	Санкции	Запреты	Заимствование	Внешняя политика	Л.И. Брежнев	Попытки администрации Р. Рейгана путем «санкций» п
5	Дестабилизация	Госпереворот	Заимствование	Внешняя политика	Л.И. Брежнев	Если за высказываниями Р. Рейгана последуют соответс
6	Агент	Шпион, предатель	Заимствование	Внешняя политика	Л.И. Брежнев	Из 4.800 агентов, используемых управлением внешних
7	В час икс	В любое время	Заимствование	Внешняя политика	Л.И. Брежнев	Как сообщала западная, а также польская печать, в кооп
8	Нейтрализация	Ликвидация	Заимствование	Военная сфера	Л.И. Брежнев	Многочисленные акции, как видно на примере Лесото,
9	Либерализация	Внутренние беспорядки	Заимствование	Военная сфера	Л.И. Брежнев	Этот доклад показывает, насколько лицемерны все разг.
10	Коллаборационист	Предатель	Заимствование	Военная сфера	Л.И. Брежнев	И когда этот день настал, Мадсен выступил представит
11	Контингент	Вооруженные силы	Заимствование	Военная сфера	Л.И. Брежнев	Сообщается, что в качестве первых контингентов «меж
12	Конфронтация	Столкновение	Заимствование	Военная сфера	Л.И. Брежнев	Вашингтон потребовал от своих союзников по НАТО п
13	Модернизация	Наращивание военных м	Заимствование	Военная сфера	Л.И. Брежнев	Вопреки широким протестам в западноевропейских ст
14	Эскалация	Интенсификация	Заимствование	Военная сфера	Л.И. Брежнев	В переданной им ноте подчеркивается, что Англия при
15	Инфляция	Обесценивание	Заимствование	Экономика	Л.И. Брежнев	Правда, № 5, 05 января 1981 Одной из главных причин
16	Операция	Новая волна полицейски	Генерализация	Внутренняя политика	Л.И. Брежнев	Грубо нарушая конституцию, власти приказали закрыт
17	Административные реформы	Сокращение бюджетных	Генерализация	Внутренняя политика	Л.И. Брежнев	Курс японского правительства на реализацию так назы
18	Сигнализировать	Предупреждать, сообщал	Генерализация	Внутренняя политика	Л.И. Брежнев	№ 187 (21156) ОПТИМАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ • 5 июля
19	Разрабатываются мероприятия	Проявляется бездействие	Генерализация	Внутренняя политика	Л.И. Брежнев	№ 298-2 (18711) Для оршаемых Нив 25 октября 1969

Рис. 1 – Часть авторского корпуса с политическими эвфемизмами, употребляемыми в текстах СМИ в период 1.

⁶ Интересно, что в контексте слова довольно часто стоят в грамматической форме множественного числа

Переходим теперь к характеристике продуктивности способов образования политических эвфемизмов в выделенных периодах и к верификации гипотез. Графики соотношения способов образования политических эвфемизмов в выделенные периоды представлены на рис. 2, рис. 3, рис. 4.

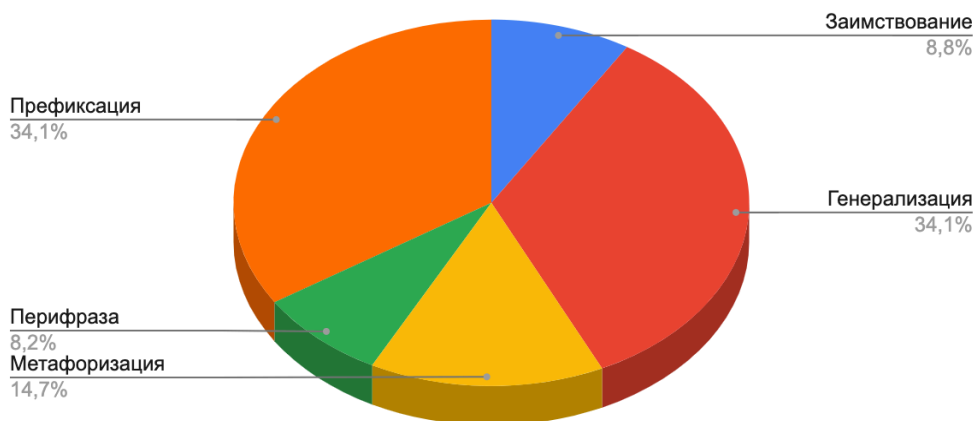

Рис. 2 – Продуктивность способов образования политических эвфемизмов (период 1: 1964-1982 гг.)

На основании авторского подкорпуса можно проследить продуктивность способов образования политических эвфемизмов в период 1. В течение 1964-1982 гг. самые распространенные способы – генерализация (34.1%) и равный ему по частотности способ префиксации. Наименее продуктивным способом эвфемизации в политической сфере оказалась перифраза. Удельный вес эвфемизмов-перифраз в нашем корпусе составляет 8.2%.

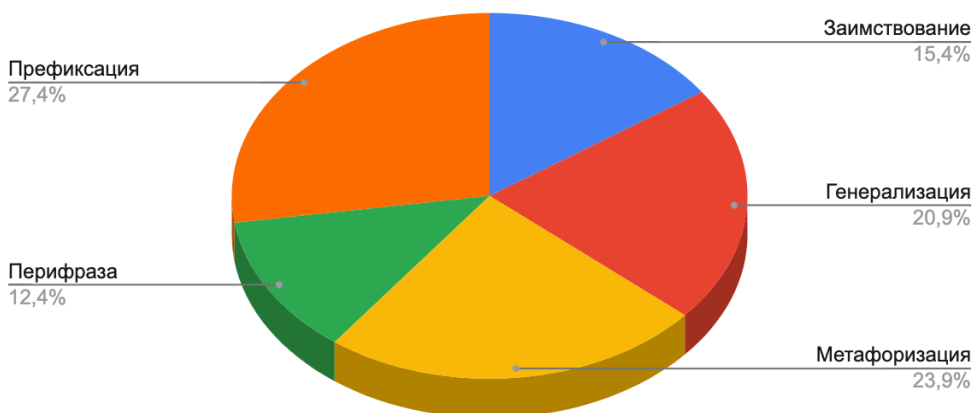

Рис. 3 – Продуктивность способов образования политических эвфемизмов (период 2: 1983-1999 гг.)

Соотношение собранного материала по способам в процентах представлено на диаграмме 3. По всей видимости, количество эвфемизмов, входящих в группы «генерализация» и «префиксации» (группы, которые являются самыми продуктивными в первом рассматриваемом периоде нашего исследования), резко сужается. При этом, хотя перифраза все-таки занимает последнее место среди всех способов образования политических эвфемизмов, но доля эвфемизмов-перифраз возрастает с 8.2% до 12.4%. Возникает ещё одна интересная тенденция: по сравнению с периодом руководства страной Л.И. Брежневым, удельный вес заимствований увеличивается вдвое.

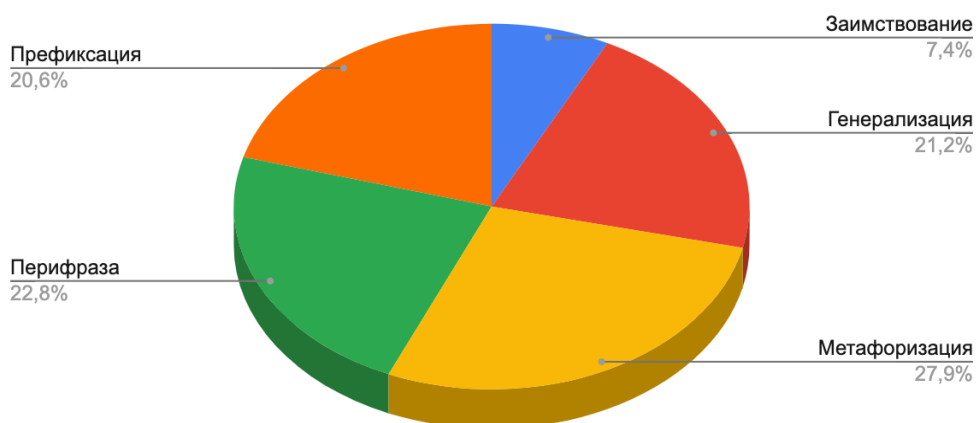

Рис. 4 – Продуктивность способов образования политических эвфемизмов (период 3: 2000-2023 гг.)

Далее мы рассмотрим продуктивность способов образования политических эвфемизмов после 2000 г. Как показано на диаграмме, в текущий период ведущим способом пополнения системы эвфемизмов можно считать метафоризацию. Доля эвфемизмов-метафор составляет 27.9%. Кроме того, наблюдается очевидное изменение частотности употребления эвфемизмов-перифраз. Далее остановимся на верификации гипотез нашего исследования.

Гипотеза 1: Словообразовательный способ является самым распространенным способом политической эвфемизации в период 1. В политических эвфемизмах, образованных путем словообразования, наиболее продуктивным приемом является образование их с помощью первой части *спец-* и *недо-*.

При помощи ПО MS Excel было подсчитано количество слов с компонентами *спец-* и *недо-* и определена их доля в общем количестве всех собранных эвфемизмов.

Таблица 1. Соотношение слов с компонентами *спец-*, *недо-*

Период употребления политических эвфемизмов	Компонент (<i>спец-</i>)	Компонент (<i>недо-</i>)	Общее число словообразовательного способа
Период 1	4 ед.	21 ед.	33 ед.
Период 2	29 ед.	4 ед.	40 ед.
Период 3	16 ед.	16 ед.	49 ед.

Как видно из табл.1, компоненты *спец-* и *недо-* занимают доминирующее положение в образовании политических эвфемизмов.

Кроме того, на основании сопоставления данных можно заключить, что существует очевидное различие по частотности использования компонентов *спец-* и *недо-* в первых двух периодах. Согласно табл. 1, в период 1 компонент *недо-* наиболее продуктивно и чаще других используется для образования эвфемизмов. В период 2, напротив, количество эвфемизмов с компонентом *спец-* превышает количество эвфемизмов с компонентом *недо-*. После 2000 г. частота использования эвфемизмов с компонентами *спец-* и *недо-* примерно одинакова.

Если провести более детальный анализ, то нетрудно выяснить, что частотность использования эвфемизмов с первой частью *спец-* во внутриполитической сфере выше, чем в остальных сферах:

Таблица 2. Распределение слов с компонентом *спец-* по сферам функционирования в трех периодах

Распределение слов с компонентом <i>спец-</i> по сферам функционирования в трех периодах	Количество
во внутриполитической сфере	43
во внешнеполитической сфере	4
в экономической сфере	0

в военной сфере	2
-----------------	---

Итак, можно считать элемент *спец-* типичным словообразовательным ресурсом для формирования политических эвфемизмов в русском языке. В связи с диффузной семантикой компонента *спец-* политические эвфемизмы, образованные с его помощью, пользуются значительной популярностью для описания следующих внутривполитических категорий:

- 1) привилегии политической элиты (*спецгостиница, спецльготы, спецбаза, спецкормушка и т.д.*);
- 2) репрессивные действия (*спецконтингент, спецуказание, спецмеры и т.д.*);
- 3) наименование органов государственной власти с особыми назначениями и их деятельности: (*спецслужба, спецотдел, спецоперация, спецмероприятие, спецзадание и т.д.*);

Анализ показывает, что частотность использования приставки *недо-* в экономической сфере выше, чем в других сферах:

Таблица 3. Распределение эвфемизмов с приставкой *недо-* по сферам функционирования в трех периодах

Сфера функционирования	количество
внутривполитическая	10
внешнеполитическая	6
Экономическая	25
Военная	0

Префикс *недо-* в большом толковом словаре русского языка (гл. ред. С.А. Кузнецов) трактуется так: «Недо... приставка. Указывает на неполноту, недостаточность действия или качества» [Кузнецов 1998, с. 968]. Предполагается, что префикс *недо-* способен смягчить сему негативной оценки при выражении неполноты действия, т.е. он наиболее способен скрыть, замаскировать различные вопросы, возникающие в процессе экономико-производительной деятельности:

- 1) вопрос о количественной нехватке чего-либо

«Бригада рабочих, занятая на погрузке, в нашем разговоре единодушно высказалась: на всех этапах производства кирпича – недоделки, непорядки,

недогляд» (Правда, 4 марта 1980).

2) проблема недостаточной степени интенсивности действий

«Советов, *недоиспользование* местных ресурсов — недостатки, которые были подвергнуты справедливой критике на XXVI съезде КПСС» (Правда, 10 апреля 1981).

Согласимся с мнением Т.И. Вендиной о том, что «...словообразование позволяет выявить способы оценки внеязыковой действительности...» [Вендина, с. 10]. Компонент *спец-* в политической эвфемизации пригоден к камуфлированию секретной деятельности, намеренно скрываемой правительством. Префикс *недо-* представляет собой особый вид префикса, который может «снять напряжение» вокруг дефицита, низкой эффективности организации производительной деятельности власти. В этом и заключается основной аспект широкого применения компонентов *спец-* и *недо-*.

Гипотеза 2: Заимствования в качестве способа образования политических эвфемизмов продуктивны в период 2.

В результате подсчетов мы получили следующее распределение заимствований по сферам функционирования в период 2:

Таблица 4. Распределение заимствований по сферам функционирования в период 2: 1983-1999 гг.

Сфера	количество
Внутриполитическая	15
Внешнеполитическая	10
Экономическая	9
Военная	2

Во-первых, сопоставление удельного веса заимствований трех выделяемых периодов (первый период – 8.8%; второй период – 15.4%; третий период – 7.4%) дает нам основание считать, что заимствования в период 2 показывают наиболее активный эвфемистический потенциал. Небывалая экспансия иноязычной лексики, функционирующей в роли политических эвфемизмов, происходит в течение последних 15 лет XX в. и на рубеже XX–XXI вв. Период 2 – время, когда властью

была провозглашена политика гласности – это стало мощным стимулом для появления заимствований; при Б.Н. Ельцине началось время стремительного налаживания отношений со странами Запада, поэтому это приводит к активизации заимствованных элементов в языке. Таким образом, следует сказать, что увеличение притока иностранных слов в русский язык связано с изменениями в сфере политической жизни, экономики и нравственной ориентации общества.

Во-вторых, заимствований во внутривополитической сфере насчитывается больше, чем в других сферах. Это можно объяснить функцией размывания негативной оценки иноязычных слов. В данный период произошел ряд значительных внутривополитических событий (августовский путч, распад СССР, подавление оппозиции в Москве и т.д.), что создает реальное условие для актуализации прагматического потенциала заимствованных слов. Конкретно говоря, «смысл иноязычного слова для многих говорящих нередко оказывается как бы зашифрованным, непонятым» (такими эвфемизмами-англицизмами в нашем случае являются *тайм-аут, мониторинг, офшор, истеблишмент, флуктуация и т.д.*).

Гипотеза 3: Наиболее продуктивными семантическими способами образования политических эвфемизмов в период 3 можно считать метафоризацию.

Как можно видеть на диаграммах, метафоризация является весьма продуктивным способом создания политических эвфемизмов: в период 1 (14.7%), в период 2 (23.9%) и в период 3 (27.9%). То, что представлено перед нами – это устойчивая тенденция количественного увеличения (роста) использования метафор в качестве политических эвфемизмов. Вероятно, это можно было бы объяснить следующими факторами:

1) Одной из особенностей современного функционирования лексики в языке массовой печати является повышенная метафоричность [Валгина 2003, с. 94]. Метафоризация политических эвфемизмов происходит на основе «удвоения денотата и перераспределения сем между денотативной и коннотативной частями лексического значения» [Скляревская 1993, с. 15]. Итак, в русскоязычных печатных СМИ посредством эвфемизмов-метафор осуществляется не прием

изображения и восприятия мира, а скорее средства реализации манипулятивной функции. Конкретно говоря, посредством метафоры реализуются две основные речевые стратегии: (1) стратегия дискредитации и (2) стратегия превознесения (или оправдания) [Михалева 2005].

2) Исходя из наших собранных материалов, мы можем отметить, что в рамках каждой эпохи выделяются свои доминантные эвфемистические метафорические модели.

В течение 60-80 гг. главенствующие эвфемизмы-метафоры рождаются на основе антагонистических отношений между социалистическим и капиталистическим лагерями (например, использование словосочетаний «пожарная сирена», «пожарная бригада», «крокодиловы слезы» для описания политической деятельности США). В подобных примерах прослеживалась отчетливая градация образов по признаку «свой – чужой».

Во второй период нашего исследования широко представлены метафоры со сферами-источниками «Театр», «Секс» и «Криминальный мир» [Чудинов 2001]. Более того, наблюдается очень «широкое распространение метафорической модели «Современная Россия – это больной организм» [Чудинов 2010, с. 76] в эвфемистической роли («чеченский гнойник», «политический склероз», «тяжело больная Республика»).

После 2000 г. появилась тенденция к увеличению доли природоморфных эвфемизмов-метафор (См.: *нависла черная грозовая туча* в.м. неблагоприятное российско-американские соотношение, *гроза* в.м. резкое ухудшение международных отношений, *дождь* в.м. спад экономики) и тропоморфных эвфемизмов-метафор (См.: «*спящая*» *норма* в.м. безрезультатные административные меры, *экономика заражена* в.м. *экономика в кризисе*, *захромать* в.м. *ухудшить дипломатические отношения*). Еще одна усиливающаяся тенденция, связанная с обращением к традиционному для национального сознания образу медведя как символа России и правящей в ней партии (медведь = государство). (См.: «*Медведь тайги своей не отдаст*», «*Но хочу вам сказать, что медведь ни у кого разрешения спрашивать не будет*» АиФ,

29 октября 2014). Это отражает активное стремление языка политики к национальной и культурной преемственности и самобытности.

Продолжая детализировать продуктивность эвфемизмов-метафор по сферам их употребления, мы можем отметить, что эвфемизмы-метафоры во внешнеполитической сфере оказывается самой большой группой (41%). Объясняя причину этой тенденции, процитируем мнение А.П. Чудинова: «стабилизация внутривнутриполитической ситуации в стране все чаще вытесняет негативную метафорику в область внешней политики» [Чудинов 2008, с. 90].

Гипотеза 4: Среди всех способов политической эвфемизации перифраз испытывает наиболее стремительный рост в период 3.

В параграфе 3.1 уже предложены анализ внутренней связи между перифразой и эвфемизмом и описание случаев активизации включения перифрастических единиц в образование политических эвфемизмов. Здесь мы остановимся на изменениях количественного соотношения и причинах, которые приводят к возрастанию количества эвфемизмов-перифраз.

В основании данных корпусного исследования можно наблюдать тенденцию развития эвфемизмов-перифраз в трех периодах: их количество составляет 14 ед. (в период 1); 29 ед. (в период 2); 157 ед.(в период 3). Кроме того, во всех периодах наиболее продуктивной сферой употребления перифрастических единиц в роли политических эвфемизмов всегда выступает внутригосударственная деятельность.

Перифраза общепринято считается тропом на основании отношений тождества. «С конца 90-х годов XX века перифразы...прочно «обосновались» в сфере современной публицистики и стали своего рода маркером языка постперестроечной эпохи» [Норлусенян 2017, с. 138]. Вслед за В.С. Норлусеняном мы предполагаем, что продуктивность перифраз в сфере современной публицистики, и даже точнее, в аспекте образования политических эвфемизмов, тесно связана с интенсификацией индивидуального авторского стиля.

С начала 2000-х годов постепенно обозначается все возрастающая роль СМИ. В то же время язык СМИ стал персонифицированным [Васильев 2012, с. 180]. При этом коммуникативные роли адресанта и адресата традиционного

публицистического текста под влиянием Интернета кардинально изменяются. «Интернет-коммуникация становится принципиально диалогичной, а медиатекст – это не авторский монолог с учетом «гипотезы об адресате», а реплика в диалоге с читателем/читателями [Иванова, Клушина 2018, с. 57]. По мере углубления интерактивности интернет-коммуникации, адресанту необходимо расширить дополнительные приемы и новейшие выражения для реализации эвфемистического коммуникативного эффекта на массовую аудиторию. В этом и заключается основная причина того, что количество индивидуально-авторских эвфемизмов-перифраз в нашем исследовании намного превышает количество общеязыковых эвфемизмов-перифраз.

Кроме фактора индивидуального стиля языка СМИ, феномен политкорректности в значительной степени обогатил запас эвфемизмов-перифраз после 2000 г. Так как необходимость соблюдения правил политической корректности и большая эффективность воздействия на аудиторию служат решительными мотивами использования перифразы в роли эвфемизмов [Синина 2010, с. 155].

В анализируемом материале представлены примеры, которыми можно иллюстрировать использование эвфемистической перифразы для создания политкорректных выражений и оказания определенного воздействия на массовое сознание.

*«В этом году мы решили помочь **«солнечным» детям** – с особенностями психофизического развития»* (КП, 8 июня 2018);

*«Можно ли реформировать интернаты для **детей с умственной отсталостью**»* (Коммерсант, 8 апреля 2020);

*«В Челябинске появится первый сквер для **маломобильных горожан**»* (РГ, 22 сентября 2022);

*«Правительство России вводит наказание за дискриминацию **людей с ограниченными возможностями здоровья** при оказании им различных услуг»* (Известия, 21 марта 2019);

«Хотя, наверное, стоит называть их возможности не ограниченными, а

особыми. Люди с особыми возможностями - так правильнее, - говорит Надежда Андреева» (РГ, 26 июля 2022).

За значительно более мягкими выражениями «солнечные дети» и «дети с умственной отсталостью» скрывается грубое указание на физиологический дефект и, как следствие, это не вызывает в сознании читателя неприятного чувства. Для выражения смысла «инвалид» используются следующие выражения, найденные нами в СМИ: «маломобильные граждане», «люди с ограниченными возможностями здоровья» и «люди с особыми возможностями». В данных контекстах журналисты избегают прямых наименований состояния здоровья, вводя в речь перифразы.

3.3. Динамика употребления тематических групп политических эвфемизмов в русском языке

Во второй главе с целью логического анализа прагматических характеристик политических эвфемизмов было проведено разделение примеров на четыре группы в соответствии со сферой их использования. В данном параграфе фокус исследования сместится на более детальное различие и сходство тематической классификации политических эвфемизмов в различных периодах.

Первую тематическую классификацию в научных работах по исследованию политических эвфемизмов русского языка предложил А.М. Кацев. В результате были выделены группы: «преступления и их последствия», «бедность», «профессии», «умственные и физические недостатки» [Кацев 1988, с. 32-33].

Более подробное описание тематических групп политических эвфемизмов представлено в научной статье «Эвфемизмы в современной русской речи» [Крысин 1994, с. 277-280]. Анализируются эвфемизмы личной и социальной сфер деятельности человека. С учетом факторов внутренней и внешней политики указаны следующие группы политических эвфемизмов.

- 1) Дипломатия, большая политика: *пойти на крайние меры* (применительно к ситуациям, когда идет локальная война);
- 2) Репрессивные действия власти: *задержать* (арестовать);
- 3) Государственные и военные тайны и секреты: *изделие* (бомба, ракета);

4) Деятельность армии, разведки, милиции, уголовного розыска и т.п. Компетентные органы (ЧК-ОПГУ-НКВД-КГБ-ФСБ);

5) Сфера распределения и обслуживания: спецраспределение, спецполиклиника, дефицит;

6) Отношения между различными национальными и социальными группами: этническая чистка (уничтожение лиц, не принадлежащих к национальному большинству);

7) Некоторые виды профессий: оператор очистных работ (ассенизатор).

Продолжая традиции Л.П. Крысина, М.Л. Ковшова в монографии «Семантика и прагматика эвфемизмов» делит социально-политические эвфемизмы на эвфемизмы власти и эвфемизмы народа. Эвфемизмы власти создаются в речи представителей власти. Эвфемистический характер можно увидеть в примерах: *вырос уровень запросов (не хватает товаров), банки злоупотребляют отчетностью (недостаточное оплачивание налогов)* [Ковшова 2007:74]. Эвфемизмы народа функционируют для борьбы народа против антигуманных действий власти или скрывтия собственных противоправных действий. См., например: *благодарность, премия (взятка)*.

В начале XXI века особо пристальное внимание многих русистов и зарубежных лингвистов переключается на типологию политических эвфемизмов в связи с повышенным интересом к политкорректности. Г.Н. Мухамедьянова добавила тематические группы «обозначение расовых, национальных, этнических, религиозных групп» и «статусная принадлежность» [Мухамедьянова 2005, с. 133-146]. А.Ю. Миронина отдельно составила группу «политкорректные эвфемизмы» в процессе изучения политических эвфемизмов. [Миронина 2012, с. 116-132]. В последние годы взгляды исследователей (см., например, работы О.Д. Пастуховой [Пастухова 2019], А.А. Карамовой и Г.Ф. Хакимовой [Карамова Хакимова 2019]) на тематическую классификацию политических эвфемизмов подвергались неоднократному переосмыслению.

К настоящему времени в лингвистике существует целый ряд работ, посвященных вопросу тематической классификации политических эвфемизмов.

На основании полученных результатов нашего анализа предложим далее свой вариант классификации:

1. Политические эвфемизмы, употребляющие во внутригосударственной сфере.

1.1 наименования нестабильного положения в обществе (*январские события* – в.м. протесты в Казахстане; *движение желтых жилетов* – в.м. протестное движение во Франции)

1.2 наименования, относящиеся к административным решениям и мерам (*предельно нестандартные условия работы* – в.м. удаленная работа на дому; *специальный режим* – в.м. изоляция во время эпидемии);

1.3 наименования репрессивных органов власти и их деятельности (*спецмеры* – в.м. пытки арестованных, *в местах не столь отдаленных* – в.м. в тюрьме);

1.4 наименования состояния деятельности должностных лиц (*недоработанные меры* – в.м. неэффективные меры; *доходное место* – в.м. место незаконного обогащения. О занятиях, службе, приносящих прибыль путем взяток, поборов);

1.5 наименования группы политической корректности, относящиеся к дискриминации по расе, возрасту, социальному статусу, состоянию здоровья и т.д. (*небогатые люди, малоимущий, малообеспеченный, социально незащищенные слои населения* – в.м. бедные люди);

2. Политические эвфемизмы, употребляющие во внешнеполитической сфере.

2.1 наименования разногласий, конфликтов, напряженных международных отношений (*нервные отношения, “холодный мир”, “охлаждение”* – в.м. ухудшение отношений между двумя странами);

2.2 наименования критики в адрес руководителей других стран, их заявлений (*люди с непростой репутацией* – в.м. бесчестные люди; *бушефрения* – в.м. хитрость Джорджа Буша);

2.3 наименования чужих стран в знак дружелюбия (*банановая республика* – в.м. бедная страна; *страна третьего мира* – в.м. относящаяся к группе наименее

развитых стран;

3. Политические эвфемизмы, связанные с экономическими проблемами

3.1 наименования падения курса валюты (*искать равновесные положения – в.м. находиться в колебании*);

3.2 наименования ухудшения ситуации с занятостью (*высвободиться, оптимизировать производственный процесс – в.м. увольнять рабочих*);

3.3 наименования сокращения доходов граждан (*сильные коррективы в структуре доходов населения – в.м. доходы снижаются*);

3.4 наименования негативного экономического состояния (*переломный период, в условиях «просадки» экономики – в.м. кризис*);

3.5 наименования роста цен (*регулирование цен, упорядочивание цен – в.м. повышение цен*);

4. Политические эвфемизмы, направленные на описание военной деятельности

4.1 наименования военных операций (*открытое столкновение – в.м. воевать; наведение конституционного порядка – в.м. локальная война*);

4.2 наименования военного оружия (*изделие, аппарат – в.м. бомба, ракета и другое воинское снаряжение*);

4.3 Наименования потерь в военных действиях (*двухсотый – в.м. солдат, погибший на поле боя; груз 200 – в.м. гроб с телом погибшего в ходе сражения солдата; трехсотый – в.м. раненый, пятисотый – в.м. отказавшийся от дальнейшего участия в войне*).

Как представляется, большинство этих групп политических эвфемизмов достаточно изучены в вышеназванных работах. Поэтому в данном параграфе охарактеризуем только динамику употребления политических эвфемизмов.

Опираясь на собранные материалы, динамика частотности употребления политических эвфемизмов в трех периодах представлена на диаграмме (рис. 5, рис. 6 и рис. 7).

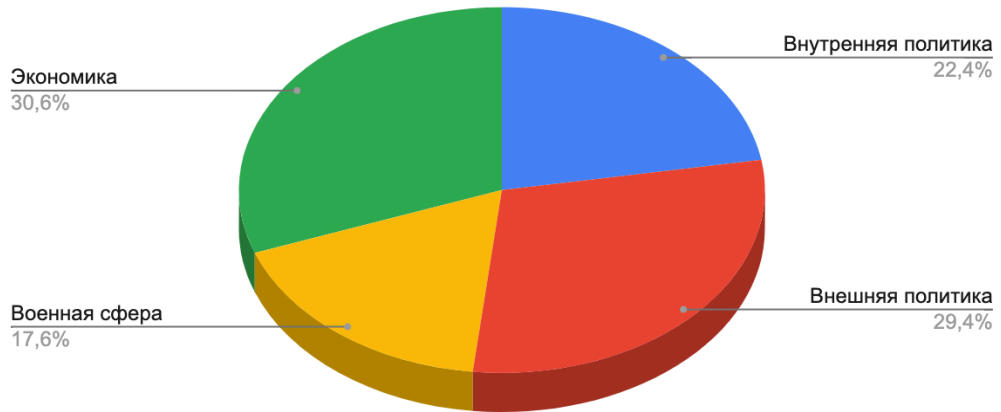

Рис. 5 – Распределение политических эвфемизмов по сферам функционирования (период 1: 1964-1982 гг.)

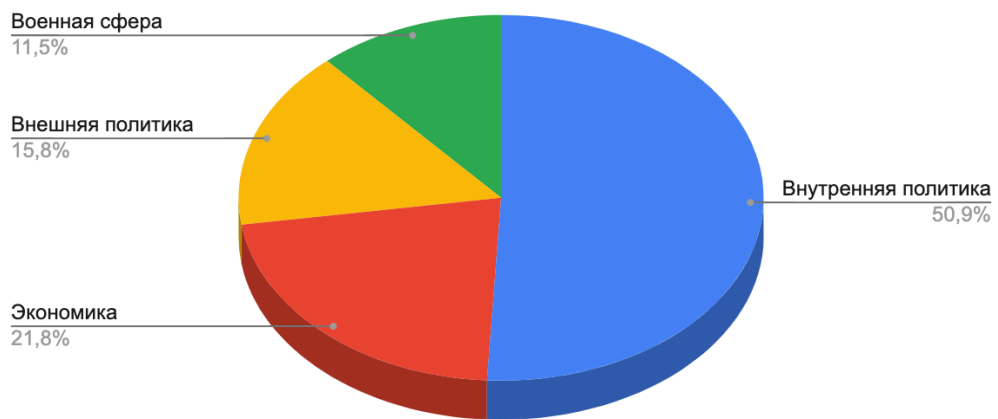

Рис. 6 – Распределение политических эвфемизмов по сферам функционирования (период 2: 1983-1999 гг.)

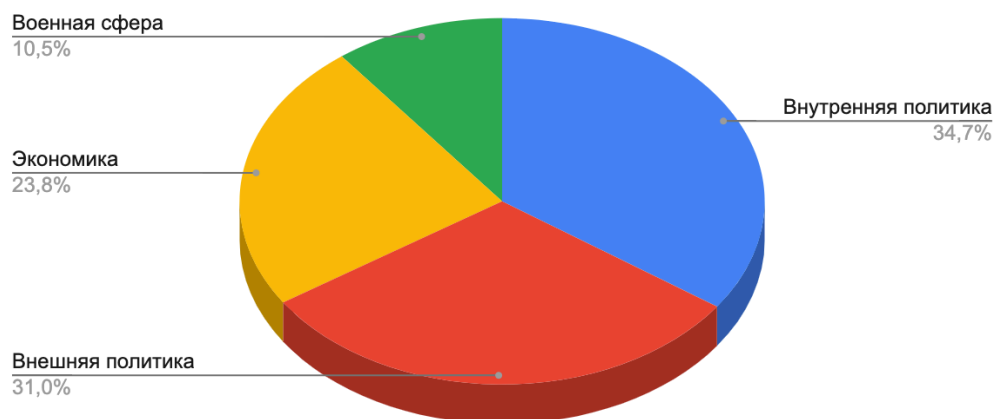

Рис. 7 – Распределение политических эвфемизмов по сферам функционирования (период 3: 2000-2023 гг.)

При сопоставительном анализе данных можно увидеть основную динамику изменения частотности. В период 1 наиболее актуальны эвфемизмы внешнеполитической (29.4%) и экономической сферы (30.6%), тогда как в период 2 стремительно растет количество эвфемизмов внутригосударственной сферы. Их удельный вес в нашей базе данных составляет 50.9%. В начале XXI века эвфемизация наиболее востребована во внутренней политике (34.7%) и внешней политике (31%).

В качестве дополнительного доказательства мы ссылаемся на мнение В.Н. Яшина. В своей диссертации В.Н. Яшин останавливается на вопросе о статусе архетипических ключевых слов (далее АКС) в русской политической речи советского и постсоветского периода. Под АКС мы, вслед за В.Н. Яшиным, понимаем скрытые слова-идеологемы, воздействующие на представление о мире [Яшин 2010, 40]. В исследовании В.Н. Яшина по мере убывания частотности перечислены АКС-фавориты в разные периоды.

Брежнев – основа, успех, достижение, масса, правильный;

Горбачев – достижение, успех, правильный, линия, опасность [Там же, с. 90].

Ельцин – ответственный(-ость), реальный;

Путин – закон, задача, эффективный, сфера;

Медведев – система(-ный), действие, реализация [Там же, 103].

Как видим, частотность употребления АКС-фаворитов согласуется с частотным распределением политических эвфемизмов, представленным на нашей диаграмме (рис. 5, рис. 6, рис. 7). В речи Л.И. Брежнева актуализуются слова *успех, достижение*, то есть на первый план выходит *производство и соревнование двух политических идеологий*. В речи М.С. Горбачева и в речи Б.Н. Ельцина частотны лексемы *линия, опасность* и *ответственность*, а также отсюда появляются насущные тематические группы политических эвфемизмов: *оголтелое преступление, привилегии должностных лиц, «приватизация и дефолт»*. Политическая эвфемизация третьего периода характеризуется следующими субсферами: *мультиполяризация мировой политики, прозрачность экономики и политкорректность*.

Согласимся с мнением ученых Н.И. Клушиной, А.В. Люликовой и др. о том, что «изучение особенностей в социально значимых сферах коммуникации показывает не отсутствие нормы, а формирование новых норм». В качестве языковой единицы в одной из значимых сфер коммуникации политические эвфемизмы и их функционально-доминантные темы демонстрируют высокую степень гибкости и несут в себе четкую информацию в разные эпохи.

Далее перейдем к анализу изменения частотности употребления некоторых политических эвфемизмов в рамках каждой группы. В связи с тем, что в НКРЯ архив газет не включает период 1, за основу мы взяли онлайн-базу данных «East view».

База данных «East View» содержит центральную и региональную российскую периодику по общественным и гуманитарным наукам, военной тематике. В корпусе имеется 10 газетных архивов таких изданий, как «Известия», «Правда», «Российская газета» и т.д. Электронные ресурсы выпусков были сохранены с первого года издания самой газеты до последнего номера 2022 г.

Для обеспечения непрерывности данных в нашем исследовании мы выбрали газеты «Правда», «Известия» в качестве пользовательского подкорпуса, так как по подсчетам объема базы данных «East View» в общей сложности вышло более 25 тысяч выпусков «Известия», 16 тысяч выпусков «Правды». Для этих газет доступен более богатый архив, включающий все интересующие нас выпуски.

Вначале рассмотрим динамику употребления внутривнутриполитических эвфемизмов в выделяемых нами отрезках времени. Полученные результаты обобщены в диаграммах (рис. 8):

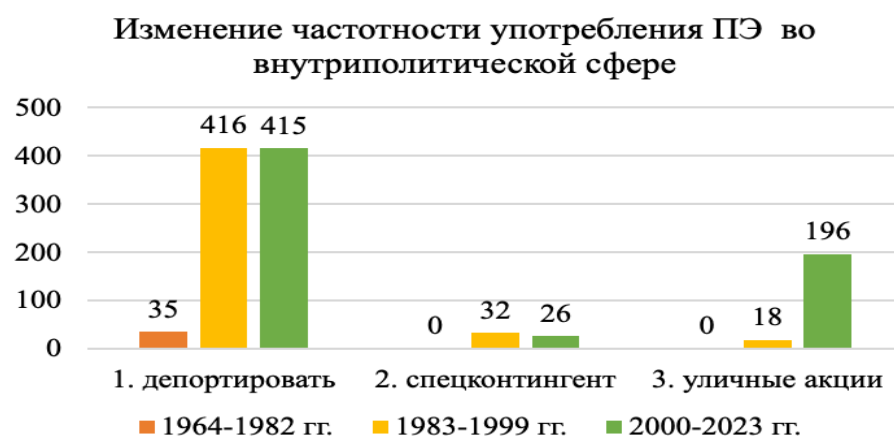

Рис. 8 – Изменение частотности употребления политических эвфемизмов во внутригосударственной сфере

Анализ частотности показывает, что слово «*депортировать*» появляется уже в период 1 и резко повышается частотность употребления данного однословного эвфемизма в период 2 (416 раз). Это слово зафиксировано в «Словаре эвфемизмов русского языка» в качестве субститута, заменяющего прямое обозначение *изгонять (изгнать), выселять (выселить)* из государства [Сеничкина 2016, с. 266]. Эвфемизмы «*спецконтингент*» и «*уличные акции*» не найдены в первый период отобранных нами газет. Данные эвфемизмы журналисты начинают применять в постсоветский период вместо слова «заключенные» и для выражения смысла ‘открытые массовые волнения на улице’. По нашему наблюдению, частотность употребления эвфемизма «*уличные акции*» стремительно растет, что тесно связано с демократической трансформацией общества.

Во внутригосударственной сфере существует одна из наиболее обсуждаемых тем – политкорректность. Далее хотелось бы остановиться на особой составной части политических эвфемизмов, воплощающих стремление к ликвидации дискриминации уязвимых в различной степени групп людей.

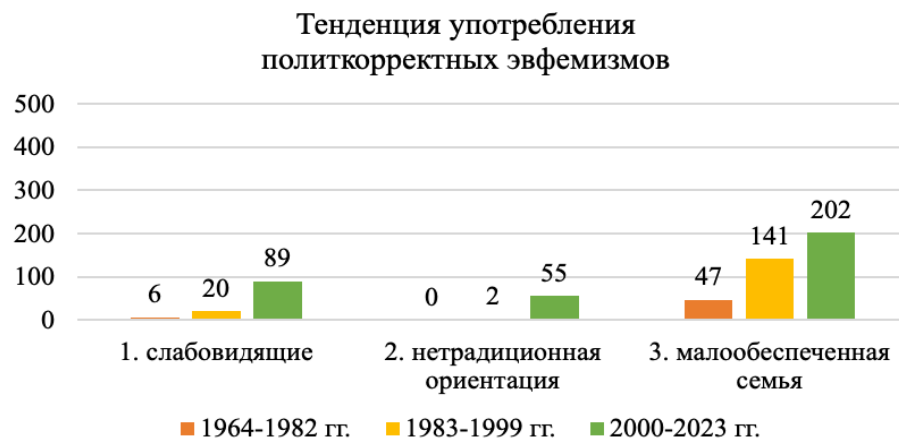

Рис. 9 – Тенденция употребления политкорректных эвфемизмов

На основании данных в приведенной выше диаграмме, можно увидеть, что пиковая частотность применения политкорректных эвфемизмов в русскоязычных СМИ происходит после 2000 г. При этом политический эвфемизм «*малообеспеченная семья*» широко используется уже в 1964-1982 гг, с самого

начала исследованного нами периода; частотность его употребления растет и в настоящее время. Существует и другая тенденция, под влиянием которой употребление редко использованного в первых двух отрезках времени эвфемизма «слабовидящие» и неологизма-эвфемизма «нетрадиционная ориентация» с начала XXI века стремительно повышается с появлением потребности к смягчению наименования группы людей с неспособностью видеть или людей с гомосексуальностью.

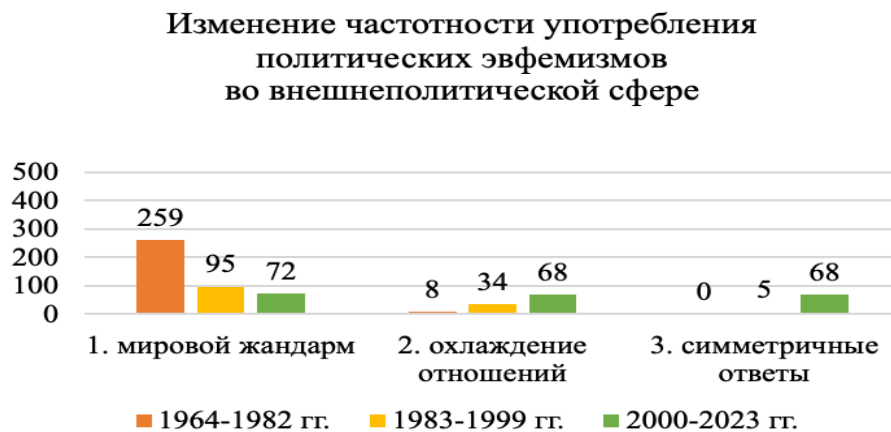

Рис. 10 – Изменение частотности употребления политических эвфемизмов во внешнеполитической сфере

По нашему наблюдению, политические эвфемизмы трех периодов, относящиеся к внешнеполитической сфере, затрагивают тему регулирования напряженных международных отношений. Такое регулирование предполагает деликатное выражение критики в адрес лидеров других стран и демонстрацию уважения и дружелюбия к другим странам.

В период 1 значительная доля употреблений приходилась на эвфемистический субститут «мировой жандарм» (259 раз). Этот политический эвфемизм демонстрирует напряженность в советско-американских отношениях. Конфронтация между СССР и США занимает главенствующее положение, отсюда – использование соответствующих политических эвфемизмов.

В сравнении с первыми двумя выделенными периодами внешнеполитические эвфемизмы XXI века используются не только для сосредоточения фокуса внимания на различиях во взглядах между СССР и США: мир становится многополярным. Сфера воздействия эвфемизмов расширяется. Как видно из

рисунка 10, эвфемизмы «охлаждение отношений» и «симметричные ответы» в настоящее время весьма частотны и используются в мировой дипломатии.

Появление эвфемизмов в экономической сфере тоже не является редким случаем, поскольку рост безработицы, повышение цен, обесценивание валюты, сокращение доходов и т.п. способны спровоцировать панику у граждан. Поэтому предпринимаются попытки успокоить население и утвердить авторитет правительства на вербальном уровне. Прокомментируем изменение частотности употребления политических эвфемизмов в экономической сфере (см. рис. 11)

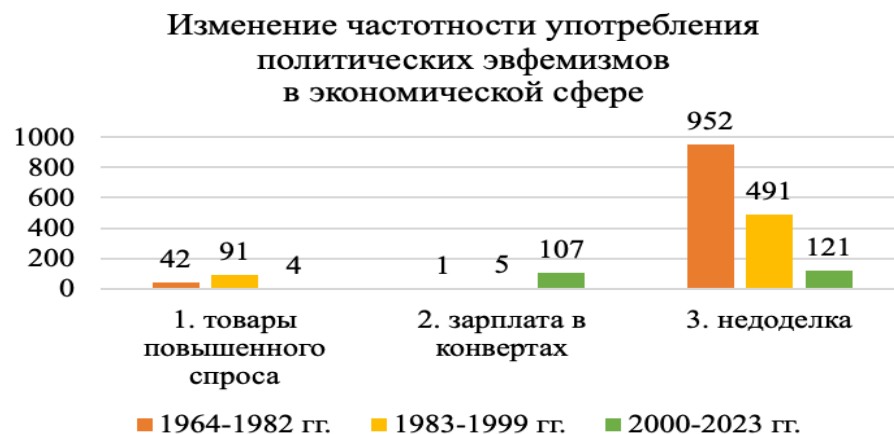

Рис. 11 – Изменение частотности употребления политических эвфемизмов в экономической сфере

По результатам исследования можно заметить, что политические эвфемизмы первого периода тесно связаны с производственными проблемами. В данной диаграмме примером использования политического эвфемизма, обозначающего недостаток производственной деятельности, может служить слово «недоделка». В период 1 этот эвфемизм в общей сложности употребляется 952 раз. Его эвфемистический характер можно увидеть в предложении: «*Бригада рабочих, занятая на погрузке, в нашем разговоре единодушно высказалась: на всех этапах производства кирпича – недоделки, непорядки, недогляд*» (Известия, 21 июля 1966).

Обратимся теперь к эвфемизируемой теме «дефицит товаров». Проблема экономической доступности продуктов в тех или иных масштабах была характерна практически для всей истории существования СССР. Для того, чтобы дать читателю возможность представить реальное положение, не изменяя смысл

высказывания, журналистам удастся заменить прямое выражение «дефицит товаров» на более мягкое устойчивое словосочетание «товары повышенного спроса». Кроме того, частотность данного эвфемизма в 2000-2023 гг. находится на самой низкой отметке. Это говорит о том, что проблема нехватки товаров уходит на второй план.

В пользовательском корпусе обнаруживается эвфемизм-хронофакт «зарплата в конвертах», обозначающий неофициальную схему выплат зарплаты – уход от налогов. Резкое изменение частотности употребления данного словосочетания косвенно свидетельствует о возможных экономических трудностях в третий период. Возможная трансформация и переоценка ценностей обязательно сопровождается колебаниями в употреблении конкретных языковых единиц-эвфемизмов [У Юйцунцзы 2020, с. 96].

Далее хотелось бы остановиться на тематической группе «война» и рассмотреть статистическую тенденцию развития политических эвфемизмов в военной сфере за полвека. Как представляется, война и связанные с ней негативные ассоциации определяют непопулярность темы. В современном русском языке наблюдается устойчивая тенденция замены слова «война» политическими эвфемизмами. Употребление таких эвфемизмов зависит от внеязыковых причин. Частотность их употребления в данном промежутке сильно отлична, т.е. одни употребляются чаще других. Интересны в этом ключе данные столбчатой диаграммы (см. рис. 12).

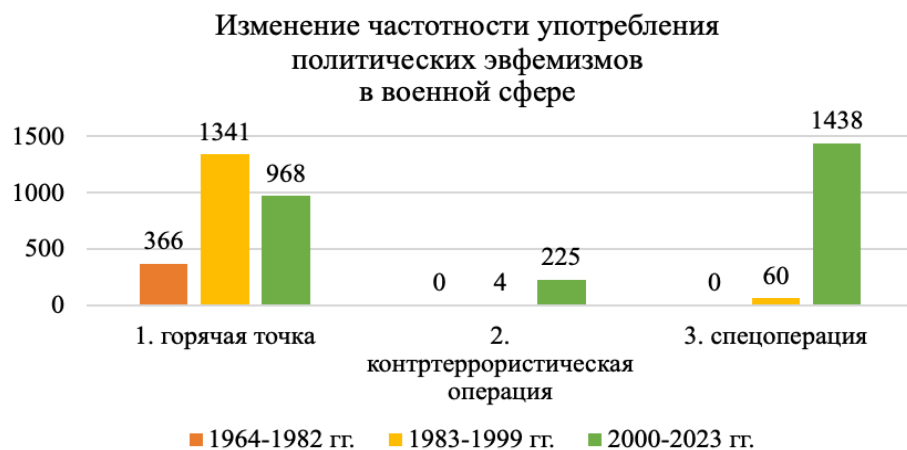

Рис. 12 – Изменение частотности употребления политических эвфемизмов в военной сфере

По всей видимости, эвфемистическое словосочетание «горячая точка» имеет универсальный характер. В течение трех периодов оно широко используется для передачи значения 'война'. Частота его использования достигла своего наивысшего значения в период 1983-1999 гг.

Номинативные единицы с начала XXI века в значительной мере нейтральны. Для передачи смысла используется более нейтральное понятие «операция». Пример употребления: «С начала года это уже шестая **спецоперация** в республике против членов вооруженного подполья» (Коммерсант, 23 августа 2020). «В апреле обещание было выполнено: здесь отменен режим **контртеррористической операции**» (Известия, 3 июня 2009). Такой видоизмененный способ репрезентации информации эффективно стирает сему с негативной оценкой «высокая степень интенсивности».

Выводы по третьей главе

Система политических эвфемизмов подвижна. Её динамический характер проявляется не только в доминирующих тематиках, но и в соотношении способов образования.

На основании анализа отобранных нами языковых материалов трех периодов, а также привлечения различных классификаций по способам образования политических эвфемизмов (Л.П. Крысин 1994, Ю.С. Баскова 2006, Е.П. Иванян 2022 и О.А. Морозова 2022) устанавливаются следующие способы формирования эвфемистических единиц: заимствование, терминологизация, генерализация, метафоризация, перифраза, контекстуальная антонимия, префиксация и аббревиация, использование местоимений. Исключая из экспериментальной части исследования некоторые низкочастотные способы (терминологизацию, контекстуальную антонимию и использование местоимений), в рамках настоящей диссертационной работы были рассмотрены статистически устойчивые и значимые способы эвфемизации: генерализация значения, заимствование, метафоризация, перифраза, префиксация.

К группе «Генерализация значения» мы относили эвфемизмы-слова и

словосочетания, заменяющие конкретные неприятные лексемы на слова с более широким и обобщающим значением. Прагматическое назначение способа генерализации – придать расплывчатость эвфемистическим субститутам и тем самым замаскировать истинное отношение, реальную оценку некоего конкретного события, действия. Данный способ, на наш взгляд, представляется самым основным способом создания политических эвфемизмов, так как в трех периодах нашего исследования способ генерализации значения наиболее устойчивый и стабильный.

Межъязыковые заимствованные слова (чаще всего – из германских и романских языков) и внутриязыковые заимствованные слова (чаще всего – из уголовного и воровского жаргона) составляют основной источник обогащения словарного состава политических эвфемизмов. В отличие от исконных слов, иноязычная и жаргонная лексика благодаря своей чуждости отделяет адресатов от прямой негативной коннотации и посредством этого осуществляется нейтрализация прямого нежелательного наименования в сознании массовой аудитории.

В связи с разворачиванием кардинальных реформ во всех сферах общества (политика гласности, формирование многопартийности; переход к рыночной экономике; нормализация двусторонних отношений за короткий промежуток времени) экспансия иноязычной лексики в рамках эвфемизации достигает своего пика в период 2. При статистическом анализе фиксируется максимальное количество случаев эвфемизмов-заимствований во внутригосударственной сфере.

Популярность метафоризации как средства формирования политических эвфемизмов объясняется тем, что она позволяет адресанту заменить слово или словосочетание с негативной оценкой, привлекая ассоциативные связи и образы: образованные таким способом субституты более расплывчато выражают отрицательные коннотации или нивелируют их совсем. По нашему наблюдению, продуктивность метафоризации в образовании политических эвфемизмов постоянно повышается и достигает наивысшей точки в период 3. Более детальное исследование позволяет нам отметить растущую тенденцию увеличения

количества природоморфных эвфемизмов-метафор, тропоморфных эвфемизмов-метафор и к возрождению самобытности национальной культуры.

Как упомянуто в первой главе, один из обязательных признаков эвфемизма – смысловая идентичность или близость высказываний между *заменяющими* и *заменяемыми* дает основание утверждать, что перифраза способна выступать в качестве метода образования эвфемистических единиц. В современных русскоязычных газетах перифразы-эвфемизмы главным образом построены на основе отличительной особенности объекта и на основе нежелательной особенности объекта. С начала 2000-х по мере усиления индивидуального стиля языка СМИ и потребности придерживаться принципа политкорректности в современной коммуникации эвфемизмы-перифразы создаются все чаще.

Префиксация рассматривается как один из основных лингвистических приемов реализации эвфемистического потенциала в политике. Прагматический фокус использования способа префиксации в эвфемизации не попадает в подмену понятий, эвфемистическая роль префиксации активизируется на основании приуменьшения масштаба и степени негативно оцениваемых признаков.

Можно выделить следующие основные модели префиксации: 1) негативный префикс *не-* + существительное / прилагательное / наречие; 2) префиксы с уменьшительным значением (приставки *при-*; *полу-*; *небез-* / *небес-*; *недо-*; *под-*; *спец-*). По нашим наблюдениям, компонент *спец-* чаще всего используется в период 2 для скрытия тайных внутриполитических проблем; слова-эвфемизмы с приставкой *недо-* оказываются более востребованными в период 1 с целью отвлечения внимания от продовольственного (товарного) дефицита.

К вопросу тематической классификации политических эвфемизмов мы на основании ранее выделяемых основных сфер (внутриполитической / внешнеполитической / экономической и военной) детализировали свой вариант классификации.

Ключевыми темами эвфемизации являются следующие темы: социальное нестабильное положение; вынужденные административные решения и меры; репрессивные органы власти и их деятельность; деятельность должностных лиц и

политическая корректность.

Что касается внешнеполитической сферы, то здесь эвфемизации подвергаются наименования разногласий между странами, критика в адрес руководителей других стран и непосредственно сами наименования других стран.

Акцентируя внимание на экономическую сферу, еще раз отметим, что эвфемистический потенциал наиболее активизируется в вопросах, связанных с падением курса валюты, ухудшением ситуации с занятостью, сокращением доходов граждан, негативным экономическим состоянием и ростом цен.

Обратимся теперь к эвфемизмам в военной сфере. В русскоязычных СМИ прямые наименования межгосударственных и внутригосударственных конфликтов (военные операции; военное вооружение; потери в военных действиях) не обошлись без политических эвфемизмов. В данных случаях эвфемистическая субституция заставляет адресата отвлечься от излишнего размышления об ужасах войны, т.е. «десенсибилизировать» восприятие.

При сопоставительном анализе данных нашего исследования можно проследить основную динамику употребления сферы политических эвфемизмов. В период 1 наиболее актуальны эвфемизмы внешнеполитической (29.4%) и экономической сферы (30.6%), тогда как в период 2 стремительно растет количество эвфемизмов внутригосударственной сферы. Их удельный вес в нашей базе данных составляет 50.9%. В начале XXI века эвфемизация наиболее востребована во внутренней (34.7%) и внешней политике (31%).

Заключение

В настоящем диссертационном исследовании был рассмотрен коммуникативно-прагматический подход к изучению эволюции политических эвфемизмов современного русского языка. С целью более детального хронологического описания динамических особенностей политических эвфемизмов, было выделено три периода: период 1 (1964-1982 гг.), период 2 (1983-1999 гг.) и период 3 (2000-2023 гг.). С учетом доступности источников мы выбрали новостные интернет-порталы «Правда», «Известия», «Аргументы и факты», «Коммерсант», «Комсомольская правда» и «Российская газета».

Для исследования политических эвфемизмов в научной литературе существуют разные подходы: собственно лингвистический, социолингвистический, психологический и др. Однако работ, рассматривающих динамические особенности политических эвфемизмов в рамках лингвопрагматики коммуникации на сегодняшний день крайне мало. Значимость данного исследования состоит в том, что, во-первых, оно дает возможность понять образ мышления политических субъектов и их коммуникативные интенции воздействия на массовую аудиторию, во-вторых, отражает актуальные языковые процессы в современном русском языке, в-третьих, позволяет определить место эвфемистической лексики в системе развития русского языка различных этапов.

Многообразие направлений исследований политических эвфемизмов выявило неоднородность предмета исследования. В нашей работе в основу определения легла коммуникативно-прагматическая направленность использования политических эвфемизмов: стремление избежать возможной потери лица говорящего (власть и правительства), либо аудитории (отдельные группы населения), либо какой-нибудь третьей стороны (другое государство). Политические эвфемизмы допускают не только смягчение, но и мелиоризацию денотата. В связи с этим в тексте диссертации отмечаются приемы манипулятивного воздействия политических эвфемизмов: пристрастная селекция аргументов, искажение истинных масштабов событий или явлений, размывание и подмена понятий.

На наш взгляд, политические эвфемизмы составляют коммуникативно-прагматическое средство корректировки массового мнения, форма которого трансформируется и видоизменяется в разные периоды существования языка. Играя роль «промежуточного звена», политические эвфемизмы оказываются связанными историческим процессом с современным социумом, эволюционируют от «стертых» к «истинным».

Опираясь на уже имеющиеся традиционные критерии отнесения языковой единицы к эвфемизму (нежелательный денотат, семантическая неопределенность и формальная мелиоративность), в работе были определены критерии идентификации политических эвфемизмов.

В ходе исследования установлено, что динамика в системе политических эвфемизмов обусловлена экстралингвистическим и лингвистическим факторами. В случае возникновения нового общественно-политического явления или события с негативной окраской «истинные эвфемизмы» приходят на смену «стертым эвфемизмам». Говоря о лингвистическом факторе и его роли в процессе эволюции политических эвфемизмов, можно сказать о том, что многократное использование одного и того же политического эвфемизма ослабляет эвфемистический потенциал и стимулирует образование новейших эвфемизмов. В связи с этим было заявлено два основных вопроса изучения политических эвфемизмов: внеязыковой – определение тех сфер политики, которые диктуют потребность в эвфемизации, и внутриязыковой – установление набора способов, с помощью которых образуются политические эвфемизмы.

В данном исследовании с учетом сфер употребления политических эвфемизмов трех периодов выделены четыре базовые тематические группы политических эвфемизмов: 1) внутригосударственные эвфемизмы; 2) внешнеполитические эвфемизмы; 3) экономические эвфемизмы и 4) военные эвфемизмы.

В связи с различиями в политической реальности и в условиях развития общества доминирующие группы рассмотренных трех периодов также оказываются различными. Сопоставительный анализ отобранных материалов

позволяет нам утверждать, что в период 1 экономическая сфера (30.6%) и внешнеполитическая сфера (29.4%) испытывают наибольшую потребность в эвфемизации. Для периода 2 удельный вес внутривнутриполитических эвфемизмов стремительно растет и достигает отметки 50.9%. После 2000 г. политические эвфемизмы во внутренней (34.7%) и внешней политике (31%) оказываются наиболее востребованными и занимают доминирующее положение.

Наши наблюдения и статистические данные позволяют утверждать, что распределение эвфемизмов по тематическим подгруппам в трех периодах различается: тематические подгруппы внутри одной группы четко разграничены. Различие по тематическим подгруппам во внешнеполитической и военной сферах прослеживается однозначно: круг тем оказывается весьма ограниченным.

Различие политических эвфемизмов в трех исследуемых периодах затрагивает внутривнутригосударственную сферу: в период 1 самыми актуальными темами являются «партийная борьба», «репрессивные меры» и «негуманитарное отношение к гражданам». В период 2 политические эвфемизмы в основном затрагивают тематические подгруппы «мятеж или переворот», «неадекватное поведение госслужащих», «неэффективность правительственной работы», «льготы привилегированных лиц» и «репрессивная деятельность». В период 3 внутривнутригосударственные эвфемизмы используются для освещения следующих тем: «деятельность госслужащих и правительства», «проблемы коррупции и воровства» и «административные меры против коронавируса».

Различие политических эвфемизмов в трех исследуемых периодах относится и к экономической сфере: в первый период возникает необходимость в политических эвфемизмах для освещения тем, касающихся нехватки сырья для производства и низкой эффективности производства. С 1983 г. по 1999 г. эвфемизмы используются для указания на отсутствие возможности обесценивания вкладов населения; обесценивания национальной валюты; в дискуссиях по поводу курса экономической политики; для описания негативных последствий экономического кризиса и незаконных экономических действий. Существует довольно много эвфемистических конструкций с субституционными

компонентами. С начала нулевых годов эвфемистические преобразования часто обнаруживаются в тематических группах: «застой в экономике», «спад доходов у населения», «повышение цены на товары», «обесценивание рубля» и «усиление безработицы», поскольку после 2000-х гг. внешние факторы – усиление глобализации – имеют более глубокое влияние на процесс развития российской экономики.

Исходя из анализа употребления политических эвфемизмов во внешнеполитической и военной сферах в трех периодах, можно отметить, что они употребляются для описания одних и тех же событий (тем). Доминирующими внешнеполитическими темами в истории более полувекового развития эвфемизации являются «критика территориальной экспансии и вмешательства в дела чужих стран», «секретная шпионская работа», «ложная пропаганда», «политические скандалы». Политические эвфемизмы в военной сфере в основном можно разделить на две подгруппы в зависимости от цели: 1) употребление политических эвфемизмов со стремлением предотвратить волнения в обществе; 2) употребление политических эвфемизмов для завоевания одобрения у народа действий государства и повышения имиджа власти.

Изучение вопроса о способах образования политических эвфемизмов в современном русском языке показало, что эвфемизация может реализоваться с помощью лексическо-семантических, морфологических и синтаксических средств языка. В ходе проведения экспериментальной части исследования нами были выделены следующие способы образования эвфемизмов: генерализация значения, заимствование, метафоризация, перифраза и префиксация.

В динамике изменения способов образования политических эвфемизмов в выделенных периодах прослеживаются следующие тенденции: 1) в период 1 для образования эвфемизмов чаще всего употребляются способы генерализации (34.1%) и префиксации (34.1%). Использование словообразовательных средств, в особенности, типичных префиксов «*спец-*» и «*недо-*» для внесения новых смыслов в известные слова. 2) в период 2 отличительной особенностью является значительное расширение влияния способа заимствований для создания

политических эвфемизмов. Это явление можно объяснить тем, что открытость во всех отраслях общества в данный период (политика гласности, реформа рыночной экономики и налаживание дипломатических отношений) побуждает экспансию иноязычной лексики в словарном составе политических эвфемизмов. 3) В нулевые и десятые годы XXI в. метафоризация занимает главенствующее место в эвфемизации. На втором месте по продуктивности – способ перифразы. Частотность эвфемизмов, образованных этими двумя способами, стремительно возрастает, что тесно связано с развитием СМИ и интенсификацией индивидуального авторского стиля.

Представленная диссертация является первой попыткой диахронического исследования, посвященного политическим эвфемизмам русского языка в рамках прагматики, методика требует дальнейшего совершенствования. Для проведения обширного исследования необходимо составить корпус с большим количеством примеров.

Перспективы исследования мы видим, во-первых, в изучении политических эвфемизмов других исторических эпох как на уровне собственно макродиахронии, так и на уровне микродиахронии, что может выявить закономерности употребления политических эвфемизмов и осмысление проблем в ценностно-событийном аспекте. Во-вторых, требуют дальнейшего рассмотрения вопросы, касающиеся сравнительно-сопоставительных исследований динамики развития политических эвфемизмов в русском и других языках. Это является хорошей отправной точкой для обсуждения языкового менталитета.

Список литературы

1. Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. М., 2002.
2. Анохина С.П. Убеждение и манипуляция. Сходства и различия / С.П. Анохина // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2013. – № 3(13). – С. 5–9.
3. Антонова А.В. Система средств речевой манипуляции в британском политическом дискурсе: реципиентоцентрический подход : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / Антонова Анна Владимировна. – Самара, 2011. – 387 с.
4. Апресян Ю.Д. Избранные труды / Ю.Д. Апресян. Том 1. – 2-е издание, исправленное и дополненное. – М. : Языки русской культуры, 1995. – 472 с.
5. Апресян В.Ю. Метафора в семантическом представлении эмоций / В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1993. – № 3. – С. 27-35.
6. Арсентьева Ю.С. Фразеологизмы-эвфемизмы в английском и русском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Арсентьева Юлия Святославовна. – Казань, 2012. – 23 с.
7. Арутюнова Н.Д. Фактор адресата / Н. Д. Арутюнова // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – 1981. – Т. 40. – № 4. – С. 356–367.
8. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 341с.
9. Ахматова Г.Х. Структурный, семантический и прагматический аспекты эвфемизмов в политическом дискурсе современного немецкого языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Ахматова Гюзель Хамзиевна. – Москва, 2019. – 216 с.
10. Баранов А.Н. Что нас убеждает? (Речевое воздействие и общественное сознание) / А.Н. Баранов. – Москва: Знание, 1990. – 63с.
11. Баркова Л.А. Эвфемизмы как единицы языковой системы и социальные сферы их употребления / Л.А. Баркова // Системная организация английской фразеологии: Сб. науч. тр. – М. : 1986. – 356 с.
12. Бартов А.А. “Новояз” в литературе и в жизни : к 60-летию выхода романа Джорджа Оруэлла “1984” / А.А. Бартов // Нева. – 2009. – № 3. – С. 11–17.

13. Баскова Ю.С. Эвфемизмы как средство манипулирования в языке СМИ: на материале русского и английского языков : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Баскова Юлия Сергеевна. – Краснодар, 2006. – 162 с.
14. Баскова Ю.С. Манипуляция в языке СМИ: эвфемизмы как “слова - прикрытия” : монография / Ю.С. Баскова. – Краснодар: КСЭИ, 2009. – 182 с.
15. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист – М. : УРСС, 2002. – 448 с.
16. Бердова Н.М. Эвфемизмы в современном немецком языке : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Бердова Неля Михайловна. – Киев, 1981. – 230 с.
17. Богатыревич К.М. Использование эвфемизмов в политическом дискурсе (на материале речи Д. Трампа) / К.М. Богатыревич // Языковая личность и перевод : Материалы IV Международного научно-образовательного форума молодых переводчиков, Минск, 21–22 ноября 2019 года. – Минск: Белорусский государственный университет, 2019. – С. 183-186.
18. Бойко Т.В. Эвфемия и дисфемия в газетном тексте : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Бойко Татьяна Владимировна. – Санкт-Петербург, 2005. – 206 с.
19. Бондаренко Г.А. Политические эвфемизмы как средство манипулирования сознанием общества в СМИ / Г.А. Бондаренко, Н.Н. Ермоленко // Язык профессиональной коммуникации: функции, среды, технологии : сборник докладов Международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 01 апреля 2021 года. – Ростов-на-Дону: Индивидуальный предприниматель Беспамятнов Сергей Владимирович, 2021. – С. 48-53.
20. Босчаева Н.Ц. Контекстуальная эвфемия в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Босчаева Наталья Цереновна. – Ленинград, 1989. – 190 с.
21. Ботороева Ю.С. Лингвосомиотические аспекты эволюции эвфемизма в контексте времени культуры : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Ботороева Юлия Сергеевна. – Иркутск, 2011. – 172 с.
22. Бурдужа А.В. Политический эвфемизм как средство экспрессии в языке СМИ / А.В. Бурдужа, В.В. Леденева // Поволжский педагогический вестник. – 2020. – Т. 8, № 1(26). – С. 35-40.

23. Вавилова Л.Н. К вопросу эвфемизации современной русской речи / Л.Н. Вавилова // Русская и сопоставительная филология: системно-функциональный аспект (5-10 февраля, 2003). – 2003. – №1. С. 40-44.
24. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие для студентов вузов / Н.С. Валгина. – М. : Логос, 2003. – 304 с.
25. Вандриес Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю / Ж. Вандриес – М., 1937. – 410 с.
26. Ванюшина Н.А. Семантическая и прагматическая характеристики эвфемизмов в современных немецких и российских печатных СМИ : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Ванюшина Наталья Анатольевна. – Волгоград, 2011, – 231 с.
27. Васильев С.С. Влияние современных электронных СМИ на подсознание / С.С. Васильев // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2012. – № 3. – С. 176-183.
28. Василькова Л.И. Манипулятивный потенциал политических эвфемизмов как вербального средства реализации политики “двойных стандартов” (на материале украиноязычных СМИ) / Л.И. Василькова // Казанская наука. – 2020. – № 2. – С. 86-88.
29. Вильданова Г.А. Гендерный аспект эвфемизации: на материале английского языка : дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Вильданова Гузель Агзамовна. – Бирск, 2008. – 194 с.
30. Волошина С.В. Активные процессы в современном русском языке: учеб. Пособие / С.В. Волошина – Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2016. – 184 с.
31. Вострикова О.В. О комической функции эвфемизмов / О.В. Вострикова // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2012. № 1 (9). С. 17-23.
32. Вендина Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм) / Т.И. Вендина. – М.: Издательство «Индрик», 1998. – 240 с.

33. Вепрева И.Т. Локдаун, карантин, самоизоляция: новое английское заимствование в синонимичном ряду коронавирусной лексики русского языка. - Текст : непосредственный // Русский язык коронавирусной эпохи : коллективная монография // И.Т. Вепрева, Т.В Куприна. – СПб., 2021. – С. 113–124.
34. Видлак, С. Проблема эвфемизма на фоне теории языкового поля / С. Видлак – М.: Наука СССР, 1967. – С. 267-285.
35. Волкова Т.А. Дипломатический дискурс в аспекте стратегичности перевода и коммуникации : на материале английского и русского языков : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Волкова Татьяна Александровна. – Челябинск, 2007. – 231 с.
36. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.
37. Гальперин И.Р. Стилистика английского языка / И.Р. Гальперин – М. : Высш. школа, 1981. – 334 с.
38. Гируцкий А.А. Введение в языкознание: учеб. Пособие / А.А. Гируцкий. – Минск: Тетра Системс, 2003. – 152 с.
39. Гуманова Ю.Л. «Политическая корректность» как социокультурный процесс (на примере США) : автореф. дис. ... канд. филол. наук: : 22.00.04. – Москва, МГУ, 1999. С. 24.
40. Гурова И.В. Гейт-производные в русском дискурсе: дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Гурова Ирина Владимировна. – Самара, 2018. – 213 с.
41. Дейк ван Т.А. Принципы критического анализа дискурса / Т.А. ван Дейк // Перевод и лингвистика текста. – М. : ВЦП, 1994. – С. 169-217.
42. Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. ван Дейк – М. : Прогресс, 1989.
43. Деметрий Фалерский. Античные риторика / Фалерский Деметрий – Издательство Московского университета. 1978. – URL: <http://www.symposium.ru/ru/node/649> (дата обращения: 16.06.2023). – Текст : электронный.
44. Ермишин О. Афоризмы. Золотой фонд мудрости / О. Ермишин. – М. :

Просвещение, 2006. – 169 с.

45. Жантурина Б.Н. Синкретизм смыслов в цветовой политической метафоре красные линии – red lines / Б.Н. Жантурина, Ю.Э. Знак, З.А. Новикова // Политическая лингвистика. – 2022. – № 5 (95). – С. 192–198.
46. Желтухина М.Р. Тропологическая суггестивность масс-медиального дискурса: О проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ: Монография / М.Р. Желтухина. – М.: ИЯ РАН; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2003. – 654 с.
47. Жуков В.П. Русская фразеология / В.П. Жуков, А.В. Жуков. - Изд. 2-е, испр. и доп. – Москва : Высш. шк., 2006. – 408 с.
48. Жученко М.В. Разница между убеждением и манипуляцией / М.В. Жученко, Ж.Б. Атамурзаева, А.В. Колomoец // информационные и коммуникативные технологии в психологии и педагогике. – Челябинск: 2017. – С. 42-45.
49. Зверева Г.И. Чеченская война в дискурсах массовой культуры России : формы репрезентации врага / Г.И. Зверева // Образ врага / сост. Л. Гудков. – Москва : ОГИ, 2005. – С. 302–335.
50. Земская Е.А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества / Е.А. Земская // Вопросы языкознания № 3, 1996. С. 23–31.
51. Иванова М.В. Публицистика в истории русского литературного языка: от древнерусской словесности к интернет-коммуникации / М.В. Иванова, Н.И. Клушина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2018. – Т. 16, № 1. – С. 50-62.
52. Иванова М.В. Русский язык в современном интернет-пространстве: динамические процессы и тенденции развития / М.В. Иванова, Н.И. Клушина // Русистика. – 2021. – Т. 19, № 4. – С. 367-382.
53. Иванян Е.П. Эвфемизмы русского языка: спецкурс : учеб. пособие / Е.П. Иванян; отв. ред. Н.С. Толстов. – 4-е изд., стер. – Москва : ФЛИНТА, 2022.
54. Ильичева И.Л. Особенности эвфемизмов в английском политическом дискурсе СМИ / И.Л. Ильичева, Н.А. Курсанова // Профессиональное иноязычное

образование: проблемы и перспективы : материалы Респ. науч.-практич. конф. (Брест, 10 февраля 2017 г.) – Брест : Альтернатива, 2017. – С. 49-52.

55. Ионин Л.Г. Общество меньшинств: политкорректность в современном мире / Л.Г. Ионин. – М.: Издательский дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2010. – 44 с.

56. Ионин Л. Политкорректность: дивный новый мир / Л. Ионин. – М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2012. – 112 с.

57. Ирисханова О.К. О типах знания и семантической неопределенности (дело о деле) / О.К. Ирисханова // Когнитивные исследования языка. – 2008. – № 3. – С. 148–158.

58. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. – 3-е изд., стер. – Москва : УРСС, 2003. – 284 с.

59. Иссерс О.С. Речевое воздействие: учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью» / О.С. Иссерс. – М. : Флинта: Наука, 2009. – 224 с.

60. Калинина Е.Э. Особенности функционирования социально-политических эвфемизмов в немецкоязычном газетном тексте / Е.Э. Калинина // Языки и этнокультуры Европы. – 2013. – с. 103–111.

61. Каменева В.А. Гендерный аспект эвфемизации дискурса политиков. В.В. Путин vs А. Меркель (лингвоперсонологический подход) / В.А. Каменева, Л.И. Федянина // Политическая лингвистика. – 2019. – № 6(78). – С. 64-72.

62. Карамова А.А. Эвфемизмы в современном политическом дискурсе: тематические группы, средства выражения, функции / А.А. Карамова, Г.Ф. Хакимова // Евразийский гуманитарный журнал. – 2019. – № 4. – С. 27-32.

63. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием / С.Г. Кара-Мурза. – М. : Алгоритм, 2000. – 864с.

64. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием в России сегодня. (Серия: История России. Современный взгляд) / С.Г. Кара-Мурза. – Алгоритм, 2001 – 544 с.

65. Карасик В.И. Язык социального статуса / В.И. Карасик – М.: Институт языкознания АН СССР, Волгоградский педагогический институт, 1991. – 495 с.
66. Карнеги Д. Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей. Как вырабатывать уверенность в себе и влиять на людей, выступая публично. Как перестать беспокоиться и начать жить / Д. Карнеги–Москва : Издательство АСТ. 2022. – 448 с.
67. Карпухина Т.П. Политкорректности в современном западном политическом дискурсе: начало конца новой либеральной идеологии? [монография] / Т.П. Карпухина, Н.В. Кузнецова. – Хабаровск: Изд-вл Тихоокеан. гос. ун-та, 2018. – 226 с.
68. Катышев П.А. Речевое вовлечение в опосредованной коммуникации / П.А. Катышев // Филология в XXI веке. – 2019. – № 1(3). – С. 40-45.
69. Катышев П.А. Позиция вовлечения в нелегитимной дискурсивной практике / П.А. Катышев, Н.А. Боженкова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 5. – С. 173-182.
70. Кацев А.М. Языковое табу и эвфемия / А.М. Кацев. – Ленинград : ЛГПИ, 1988. – 80 с.
71. Кипрская Е.В. Политические эвфемизмы как средство камуфлирования действительности в СМИ : На примере конфликта в Ираке 2003-2004 гг.: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Кипрская Екатерина Викторовна. – Киров, 2005. – 159 с.
72. Киселева С.А. Функционирование эвфемизмов в современном английском военно-политическом дискурсе : структурно-семантический и прагматический аспекты : канд. филол. наук : 10.02.04 / Киселева Софья Александровна. – Москва, 2015. – 240 с.
73. Киселева С.А. Образование и развитие понятия doublespeak / С.А. Киселева // Наука и школа. 2013. № 6. – С. 94–97.
74. Киселева Т.В. Коммуникативная корректность в языковой картине мира / Т.В. Киселева // Языковая семантика и образ мира. Кн.1. – Казань, – 1997. – С. 115–117.

75. Китанина Э.А. Прагматика иноязычного слова в русском языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Китанина Элла Анатольевна. – Краснодар, 2005. – 40 с.
76. Китанина Э.А. Концепты “своё/чужое” в оппозиционных СМИ: социальный аспект / Э.А. Китанина, Г.С. Краснов // Поколение будущего: взгляд молодых ученых : сборник научных статей 4-й международной молодежной научной конференции: в 3 томах, Курск, 10–11 ноября 2016 года. Том 2. – Курск: Закрытое акционерное общество “Университетская книга”, 2016.
77. Китанина Э.А. К вопросу о реализации манипулятивной возможности политических эвфемизмов в современном медиадискурсе / Э.А. Китанина, У Юйцунцзы // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. – 2021. – Т. 10, № 1. – С. 30-35.
78. Клушина Н.И. Интенциональный метод в современной лингвистической парадигме / Н.И. Клушина // Медиаскоп. – 2012. – № 4. – С. 4.
79. Клушина Н.И. Динамика коммуникативных норм в современной русской речи / Н.И. Клушина, А.В. Люликова, А.В. Николаева, Л.В. Селезнева // Филология и человек. – 2018. – № 3. – С. 58-77.
80. Ковшова М.Л. Семантика и прагматика эвфемизмов. Краткий словарь. Монография. – М.: Гнозис, 2007. – 320 с.
81. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры / М.Л. Ковшова. – М., 2012. – 456 с.
82. Корнюшенкова И.В. Соотношение понятий «политическая корректность» и «эвфемия» / И.В. Корнюшенкова // Дискуссионные вопросы современной лингвистики: сб. науч. тр. – Калуга, 2005. – С. 62-64.
83. Корчевская М.А. Эвфемия как инструмент воздействия на аудиторию в журналистике и рекламе : на материале англоязычных текстов: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.10 / Корчевская Мария Александровна. – Москва, 2012. – 153 с.
84. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В.Г. Костомаров. – СПб. : Златоуст, 1999. – 320 с.
85. Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи [Текст] / Л.П. Крысин

// Русистика. – Берлин, 1994 (№ 1, 2). – С. 28-49.

86. Крысин Л.П. Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX-XXI вв. / Отв. ред. Л.П. Крысин. – М.: Языки слав. культуры, 2008. – 709 с.

87. Кузьмина Н.А. Активные процессы в русском языке и коммуникации новейшего времени : учеб. пособие / Н.А. Кузьмина, Е.А. Абросимова. - 4-е изд., стер. – Москва : ФЛИНТА, 2020. – 256 с.

88. Курилова Я.А. Использование эвфемизмов в политическом дискурсе (на материале выступлений В.В. Путина) / Я.А. Курилова // Гуманитарные технологии в современном мире : Материалы VI Международной научно-практической конференции, Калининград, 17–19 мая 2018 года. – Калининград: Западный филиал РАНХиГС, 2018. – С. 283-285.

89. Латыпова Ю.А. Эвфемизмы как инструмент воздействия в политике (на материале речи Д. Трампа) / Ю.А. Латыпова, Д.Р. Валиева // Фундаментальные основы инновационного развития науки и образования : сборник статей VI Международной научно-практической конференции : в 3 ч., Пенза, 30 декабря 2019 года. Том Часть 3. – Пенза: “Наука и Просвещение” (ИП Гуляев Г.Ю.), 2019. – С. 44-46.

90. Ларин Б.А. Об эвфемизмах / Б.А. Ларин // Проблемы языкознания: Сб. статей, посвященный 75-летию акад. И.И. Мещанинова; Отв. ред. Ю.С. Маслов. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1961– С. 110-124.

91. Лашин М.Н. Употребление эвфемизмов в текстах политической тематики (на материале французской прессы) / М.Н. Лашин, И.И. Синельникова // Научный альманах. – 2019. – № 10-3(60). – С. 83-86.

92. Левина П.С. Явление эвфемии в современном русском и английском языках. Политическая эвфемия / П.С. Левина // Вестник научного общества студентов, аспирантов и молодых ученых. – 2014. – № 4. – С. 77-86.

93. Ловяникова В.В. Политические эвфемизмы в немецком языке / В.В. Ловяникова // Язык. Текст. Дискурс. – 2013. – № 11. – С. 388-392.

94. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю.М. Лотман. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 464 с.

95. Макарова Г.А. Способы и средства мелиоративной субституции в современном французском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05. – Калинин, 1986. – 24 с.
96. Мансур М.Х.С. Эвфемизация взятки: лингвокультурологический аспект (на материале русской и арабской фразеологии) / М.Х.С. Мансур // Мир русского слова. – 2018. – № 3. – С. 45-51.
97. Маслов Ю.С. Введение в языкознание: учеб, для филол. спец, вузов. –2-е изд./ Ю.С. Маслов. –М.: Высш, шк., 1987. – 272 с.
98. Мейриева А.С. Эвфемистическая лексика в современном русском языке (Комплексная характеристика) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А.С. Мейриева. – Магас, 2004. –186 с.
99. Мегентесов С.А. Лингвистические аспекты психического воздействия и приемов манипуляции / С.А. Мегентесов, И. Мохамад. – Краснодар, 1997, – 111 с.
100. Мечковская Н.Б. Язык и религия: пособие для студентов гуманитарных вузов / Н.Б. Мечковская. – М. : Агентство «ФАИР», 1998. 350 с.
101. Моль А. Социодинамика культуры: Пер. с фр. Изд. 3-е. / А. Моль.– М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 416 с.
102. Морозов М.А. Политические эвфемизмы как средство манипулирования в современной публицистике / М.А. Морозов // мир русского слова. – 2015. – №1. – С. 24–29.
103. Морозова Н.Н. The last word on words / Н.Н. Морозова. – М.: Университетская книга, 2010. – 100 с.
104. Морозова О.А. Эвфемизмы с градуальной семантикой в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Морозова Ольга Александровна. – Москва, 2022. – 330 с.
105. Миронина А.Ю. Политические эвфемизмы как средство реализации стратегии уклонения от истины в современном политическом дискурсе (на материале публичных выступлений Б. Обамы) : дис. канд. филол. наук : 10.02.04 / Миронина Анна Юрьевна. – Киров, 2012. – 176 с.
106. Мирошниченко А.А. Выборы: от замысла до победы / А.А. Мирошниченко.

–М. : Центр, 2003. – 300 с.

107. Михалева О.Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия: монография / О.Л. Михалева. – Иркутск, 2005. – 320 с.

108. Москвин В.Н. Эвфемизмы: Системные связи, функции и способы образования / В.Н. Москвин // Вопросы языкознания 2001, № 3. – С. 58–69.

109. Москвин В.П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка / В.П. Москвин. – М.: Ленанд, 2017. – 262 с.

110. Мухамедьянова Г.Н. Эвфемия в современной общественно- политической лексике (на материале немецкого, русского, башкирского языков) : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Мухамедьянова Гульшат Насибулловна. – Уфа, 2005. – 194 с.

111. Мухамедьянова Г.Н. Эвфемия в современной лексике (на материале немецкого, русского и башкирского языков) / Г.Н. Мухамедьянова. – Уфа: Педкнига, 2009. – 43 с.

112. Николаева Н.Н. Эвфемизмы в современном англоязычном политическом дискурсе: функциональный аспект [Текст] / Н.Н. Николаева // Гуманитарные технологии в современном мире. – 2018. – С. 81-84.

113. Норлусенян В.С. Перифраза в современном публицистическом тексте: прагмалингвистический аспект / В.С. Норлусенян // Балтийский гуманитарный журнал, – 2017. – Т. 6. – № 4(21). – С. 137–139.

114. Обвинцева О.В. Эвфемизм в политической коммуникации: На материале английского языка в сопоставлении с русским: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Обвинцева Ольга Владимировна. – Екатеринбург, 2004. – 192 с.

115. Олешкова А.М. Феномен “новояза” XXI века как индикатор социокультурных процессов современносфразти / А.М. Олешкова // Дискуссия. 2016. № 11(74). – С. 76–80.

116. Орлова О.С. Принцип непрямой номинации в загадках и эвфемизмах на тему рождения и смерти: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Орлова Ольга Сергеевна. – Москва, 2020. – 305 с.

117. Орлова О.С. Темы рождения и смерти в русских и английских фразеологизмах: метафора пути / О.С. Орлова // Вопросы психолингвистики. – 2020. – № 1(43). – С. 64-75.
118. Оруэлл Дж. 1984. Скотный двор. Эссе. (документальное произведение, перевод В.П. Голышев, С.Э. Таск, А.М. Зверев) / Дж. Оруэлл. – М. : АСТ, 2017. – С. 448.
119. Оруэлл Дж. Политика и английский язык / Политическая лингвистика. - Вып. 20. - Екатеринбург, 2006. – С. 280–294.
120. Останина А.В. Использование эвфемизмов в СМИ как прием формирования имиджа политического лидера (высказывания Д. Трампа о COVID-19) / А.В. Останина // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2021. – № 1(41). – С. 130-136.
121. Палажченко М.Ю. К вопросу о политической корректности, настоящей и мнимой, и политике двойных стандартов / М.Ю. Палажченко // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2004а. – No1.–С. 81-89.
122. Павлов Г.В. О термине сокращение / Г.В. Павлов // Вопросы романо-германской филологии и методики преподавания иностранных языков. – Р-на-Д., –1974. – С. 98-102.
123. Павлова Е.К. Лексические проблемы глобального политического дискурса / Е.К. Павлова // Вестник МГУ. Сер 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2005. – № 2. – С. 98–110.
124. Павлова И.П. Политические эвфемизмы (на материале газет «якутия» и «аргументы и факты») / И.П. Павлова, М.В. Иванова – Текст : электронный // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2018. – URL: https://philology.s-vfu.ru/?page_id=2141 (дата обращения: 14.06.2023).
125. Павлова И.С. Политические эвфемизмы как средство реализации стратегии уклонения от истины в современном англоязычном политическом дискурсе / И.С. Павлова, Н.Ю. Шугаева // Вопросы зарубежной филологии в контексте современных исследований: Сборник научных статей XXX Международной научно-практической конференции, Чебоксары, 26–27 апреля 2021 года. –

Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, 2021. – С. 302–307.

126. Павлова И.С. Роль политических эвфемизмов в современном английском языке / И.С. Павлова, Н.Ю. Шугаева // Вопросы филологии и переводоведения: направления и перспективы современных исследований, Чебоксары, 22–23 октября 2020 года. – Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, 2020. – С. 135–140.

127. Панин В.В. Политическая корректность как культурно-поведенческая и языковая категория: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Панин Виталий Витальевич. – Тюмень, 2004. 217 с.

128. Пастухова О.Д. Коммуникативно-прагматические особенности эвфемизмов в политическом медиадискурсе : на материале английского и русского языков : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Пастухова Оксана Дмитриевна. – Челябинск, 2019. – 191 с.

129. Пиперски А.Ч. Конструирование языков: От эсперанто до дотракийского / А.Ч. Пиперски. – М.: Альпина нон-фикшн, 2017. – 224 с.

130. Политический дискурс: методы анализа тематической структуры и метафорики / Баранов А.Н. и др. – Москва : [Фонд ИНДЕМ], 2004. – 94 с.

131. Порохницкая Л.В. Концептуальные основания эвфемии в языке (на материале английского, французского, испанского и итальянского языков): дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / Порохницкая Лидия Васильевна. – Москва, 2014. – 420 с.

132. Порохницкая Л.В. Актуальные направления развития теории эвфемии на современном этапе / Л.В. Порохницкая, С.М. Теплякова // Проблемы современной науки и образования. – 2017. – № 36(118). – С. 49–56.

133. Прядильникова Н.В. Эвфемизмы в российских СМИ начала XXI века: комплексная характеристика : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Прядильникова Наталья Викторовна. – Самара, 2007. – 179 с.

134. Реброва Н.Е. Лексикографический статус эвфемизмов как языковых средств репрезентации лингвокультурной информации : на материале английского и

- немецкого языков : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Реброва Наталия Евгеньевна. – Ярославль, 2020. – 209 с.
135. Реформатский А.А. Введение в языковедение / А.А. Реформатский. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 536 с.
136. Русский язык конца XX столетия (1985-1995) / ответственный редактор Е.А. Земская. – 2-е издание. – Москва, 2000. – 478 с.
137. Русский язык коронавирусной эпохи: монография / Т.Н. Буцева, Х. Вальтер, И.Т. Вепрева [и др.]. – Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. – 610 с.
138. Саакян Л.Н. Эвфемия как прагмалингвистическая категория в дискурсивной практике непрямого речевого убеждения : автореферат дис. ... канд. филол. наук :10.02.01 / Л.Н. Саакян. – Москва, 2010. – 24 с.
139. Саакян Л.Н. Эвфемия как прагмалингвистическая категория в дискурсивной практике непрямого речевого убеждения : дис. ... канд. филол. наук :10.02.01 / Саакян Левон Николаевич. – Москва, 2010. – 195 с.
140. Саакян Л.Н. Места не столь отдаленные (из опыта интерпретации эвфемизмов) / Л.Н. Саакян // Русский язык за рубежом. – 2010. – № 1(218). – С. 65-72.
141. Саакян Л.Н. Вежливость изысканная, деланая и патологическая в свете стратегий эвфемии и дисфемии / Л.Н. Саакян, О.И. Северская // Человек в информационном пространстве : Сборник научных статей XVI Всероссийской с международным участием междисциплинарной научно-практической конференции, Ярославль, 15–17 ноября 2018 года / Под общей редакцией Т.П. Курановой. – Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2019. – С. 49-55.
142. Сафина Р.А. Политическая эвфемия в функционально-прагматическом и дискурсивном аспектах / Р.А. Сафина // Филология и культура. – 2014 – №2 (36). – С. 51-57.
143. Сафина Р.А., Хадеева Д.Р. Семантические механизмы эвфемизации политического дискурса в русском и немецком языках / Р.А. Сафина, Д.Р. Хадеева

// Ученые записки казанского университета. серия: гуманитарные науки. – 2015. – С. 112-120.

144. Седов К.Ф. Типы языковых личностей и стратегии речевого поведения (о риторике бытового конфликта) / К.Ф. Седов // Вопр. стилистики: Язык и человек. – Саратов, 1996. – Вып. 26. – С. 148.

145. Сеничкина Е.П. Иронические эвфемизмы как примета времени / Е.П. Сеничкина, И.Н. Никитина // Грамота. 2007. – № 3 (3): в 3-х ч. – Ч. III. – С. 199-201.

146. Сеничкина Е.П. Эвфемизмы русского языка: Учебное пособие / Е.П. Сеничкина. – 2-е изд., стер. – М.: Флинта, 2012. – 120 с.

147. Сергеева Л.А. Оценочное значение и категоризация оценочной семантики: опыт интерпретационного анализа: автореферат дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Л.А. Сергеева. – Уфа, 2004. – 45 с.

148. Сеничкина А.И. Эвфемистическая перифраза в современной англоязычной публицистике / А.И. Сеничкина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2010. № 1 (11). С. 151-155.

149. Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка / Г.Н. Скляревская. – Санкт-Петербург: Наука, 1993. – 152 с.

150. Скороходова Л.В. Эвфемизмы и псевдоэвфемизмы в английском языке. Сферы и цели использования / Л.В. Скороходова – Текст : электронный // Language & Science. 2013. № 2. – URL: <https://lands.utmn.ru/vse-vypuski/2-2013/214697/?ysclid=liyq4lywaf325968288> (дата обращения: 16.06.2023).

151. Солодилова И.А. Критерии идентификации эвфемизмов / И.А. Солодилова, Т.Ю. Соколова // Вестник оренбургского государственного университета. – 2017. № 11(211). – С 73-78.

152. Сопер П.Л. Основы искусства речи / П.Л. Сопер. – Ростов-на-Дону: издательство “Феникс”, 1995. – 448 с.

153. Старук М.М. Фразеологические эвфемизмы в современном русском языке / М.М. Старук // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия: Материалы V-ой Международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 01

- ноября 2015 года. – Ростов-на-Дону: Общество с ограниченной ответственностью “Донское книжное издательство”, 2015. – С. 203–211.
154. Стернин И.А. Введение в речевое воздействие / И.А. Стернин. – Воронеж, 2001. – 266 с.
155. Сюй Минюань. Эвфемизация в современном русском юмористическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Сюй Минюань. – Москва, 2019. – 189 с.
156. Тарасов Е.Ф. Речевое воздействие: методология и теория / Е.Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия. М. : Наука, 1990. – 240 с.
157. Темирбаева Е.К. Политические эвфемизмы в речевой коммуникации США: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10 / Темирбаева Елена Касимовна. – Москва, 1991. – 160 с.
158. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова – М.: Слово, 2000. – 624 с.
159. Торопцева Е.Н. Политическая корректность и эвфемия / Е.Н. Торопцева // Проблемы теории языка и переводоведения. – М., 2000. – № 4. – С. 78–87.
160. Торопцева Е.Н. Эвфемистические наименования в аспекте языка, истории и культуры: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Торопцева Екатерина Николаевна. – М., 2003. – 193 с.
161. Тюрина Е.Е. Семантический статус эвфемизмов и их место в системе номинативных средств языка (на материале современного английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Тюрина Екатерина Евгеньевна. – Нижний Новгород, 1998. – 18 с.
162. У Юйцунцзы. Аксиологический потенциал политических эвфемизмов в СМИ / Юйцунцзы У // Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности : Сборник статей, Москва, 30–31 октября 2020 года / Государственный институт русского языка им. А.С.Пушкина. – Москва: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2020. – С. 94-97.
163. Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку / Б.Л. Уорф // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 1. М., 1960.

164. Файзуллова М.Р. Эвфемизмы и дисфемизмы в политико-публицистическом дискурсе (на материале англоязычных и русскоязычных статей, посвященных коронавирусу): дис. ... магистра филол. наук: 45.04.02 / Файзуллова Марина Рашитовна. Екатеринбург, – 2020. 109 с.
165. Федорова Л.Л. Типология речевого воздействия и его место в структуре общения / Л.Л. Федорова // Вопросы языкознания. – 1991. – № 6. – С. 46-50.
166. Федосова О.В. Лексико–прагматические особенности испанского обиходного дискурса в национально-культурном аспекте / О.В. Федосова – Волгоград: Перемена, 2011. – 335 с.
167. Ханнанова И.Р. Метафора как способ образования политических эвфемизмов / И.Р. Ханнанова // Теоретическое и методическое обеспечение современного филологического образования в свете требований профессиональных стандартов: Материалы XXXVII Международного научного семинара преподавателей математики и информатики университетов и педагогических вузов, Набережные Челны, 23 ноября 2018 года. – Набережные Челны: Набережночелнинский государственный педагогический университет, 2018. – С. 46–48.
168. Цатурян М.А. Лингвопрагматика эвфемизации и дисфемизации англоязычного и русскоязычного политического дискурса : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Мариам Ашотовна Цатурян. – Майкоп, 2020. – 175 с.
169. Черикбаева Н.Б. Собственно лингвистические, социолингвистические и психологические особенности эвфемизмов в кыргызских и английских языках / Н.Б. Черикбаева // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – № 2-4. – С. 587-590.
170. Чудинов А.П. Динамика российской системы моделей политической метафоры / А.П. Чудинов // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2010. – № 12. – С. 74–78.
171. Чудинов А.П. Российская политическая метафорика в начале XXI века / А.П. Чудинов. Политическая лингвистика. 2008. – №1 (24). – С. 86-93.
172. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование

- политической метафоры: монография / А.П. Чудинов. – 2-е изд. – Екатеринбург: УрГПУ, 2001. – 238 с.
173. Чугров С.В. Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии / С.В. Чугров // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 2. С. 42–59.
174. Шапошников В.Н. Русская речь 1990-х. современная Россия в языковом отображении / В.Н. Шапошников. – Изд. 3-е. – Москва : URSS, 2010. – 274 с.
175. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. – Волгоград: Перемена, 2000. – 368 с.
176. Шейгал Е.И. Эвфемизация в политическом дискурсе / Е.И. Шейгал // Языковая личность: проблемы креативной семантики. К 70-летию профессора И.В. Сентенберг: Сб. науч. тр. 2000. – С. 158–171.
177. Шелестюк Е.В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования: монография / Е.В. Шелестюк. – 2-е изд., стер. – М. : ФЛИНТА, 2014. – 344 с.
178. Шляхтина Е.В. Анализ словарных определений политкорректности, данных русскими и англоязычными авторами / Е.В. Шляхтина // Вестник Костромского ГУ им. Н.А. Некрасова. – 2008. – Т. 14. – № 4. – С. 226–230.
179. Шмелев Д.Н. О семантических изменениях в современном русском языке / Д.Н. Шмелев // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М.: Наука, 1964. С. 4–17.
180. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка) / Д.Н. Шмелев. – М.: Просвещение, –1984.
181. Юдина Н.В. Русский язык в XXI веке: кризис? эволюция? прогресс? / Н.В. Юдина. – М. : Гнозис, 2010. – 293 с.
182. Юзефович Н.Г. Концептуальная деривация как способ манипулирования в политическом дискурсе (политические эвфемизмы и doublespeak) / Н.Г. Юзефович // Когнитивные исследования языка. – 2013. – №13. – С. 822–831.
183. Якушкина К.В. Лексико-грамматические средства эвфемии в языке газет Испании: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Якушкина Ксения

Валерьевна. – Санкт-Петербург. 2009, 25 с.

184. Ярославцева Я.А. Специфика внешнеполитического дискурса / Я.А. Ярославцева // Филология и культура. – 2015. – №4 (42). – С. 185-191.
185. Яфарова Г.Х. Эволюция подходов к явлению эвфемии / Г.Х. Яфарова // Актуальные проблемы и достижения в гуманитарных науках: сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Самара, 11 апреля 2016 года. Том Выпуск III. – Самара: Инновационный центр развития образования и науки, – 2016. – С. 75-78.
186. Яшин В.Н. Архетипические ключевые слова отечественной политической речи : советский и постсоветский периоды : дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Яшин Владимир Николаевич. – Саратов, 2010. – 256 с.
187. 苗幽燕.苏联解体前后的俄语委婉语[J].外语研究,1999(3): 34-37.
188. 王辛夷.汉、俄语中的委婉语[J].俄罗斯文艺, 2003: 18-23.
189. Allan K. Burridge K. Euphemism and Dysphemism: Language Used As Shield and Weapon. Oxford: Oxford University Press, 1991. 228 p.
190. Apfel S. Hadrian's Echo: The Whys and Wherefores of Israel's Critics. Houston: Strategic Book Publishing, 2012. 186 p.
191. Avrianti N.E. An Analysis of Euphemisms Found in the Political Issues News of The Jakarta Post Online Newspaper // Study Program of English, Universitas Brawijaya, 2014. pp. 45–49.
192. Ayto J. Dictionary of Euphemisms. London: Bloomsbury Publishing, 2000. 432 p.
193. Bachem R. Einführung in die Analyse politischer Texte. München: Oldenbourg, 1979. 186 p.
194. Bastrakova K.D. Political Euphemism as a Linguistic 'Nuclear Weapon'. Moscow: Moscow University Press, 2021. 182 p.
195. Beard H., Cerf C. Official Politically Correct Dictionary and Handbook. New York: Villard, 1993. 194 p.
196. Chomsky N. Language and Politics. Montreal, N. Y.: Black Rose Books, 1988. 779 p.
197. Crystal D. The story of English in 100 words. London, UK: Profile Books, 2012.

198. Enright D.J. Fair of Speech. The Uses of Euphemism. Oxford: Oxford University Press. 1985. 232 p.
199. Gerovitch S. From Newspeak to Cyberspeak: A History of Soviet Cybernetics. Cambridge (Mass.). London: The MIT Press, 2002. XIV, 369 p.
200. Hadland E. The Battle for Vocabulary in Political Speech Historical Perspective on Misnomers, Euphemisms, Aspersions and Shibboleths // 東京情報大学研究論集, 2002. Vol. 6, № 2. pp 39–60.
201. Jeff G. What's Right (And Wrong) about Left Media Criticism? Herman and Chomsky's Propaganda Model Sociological Forum. 1994. Vol. 9, № 1. pp. 101–111.
202. Lass R. On explaining language change. Cambridge, 1987. 186 p.
203. Lawrence J. Unmentionable and other euphemisms. London: Gentry Books, 1973. 84 p.
204. Lutz D.W. Doublespeak: From Revenue Enhancement to Terminal Living: How Government, Business, Advertisers, and Others Use Language to Deceive You. New York, 1989. 290 p.
205. McCormally T.J. Less Taxing Matters... Euphemism, Dysphemism, and the Shaping of Tax Policy. Tax Executive. 1993.
206. Mugair S.K. A Comparative Study of Euphemism and Dysphemism in English and Arabic with Special Reference to Political Discourse // Journal of Advances in Linguistics. 2004. Vol 4. № 1. pp. 259–268.
207. Neaman S. Judith, Silver G. Carole. Kind words: A thesaurus of euphemisms. New York : Facts on file publ., Cop. 1990. - XIV, 409 p.
208. Newspeak Dictionary: Newspeak and other terminology found in Orwell's novel "1984", with some additional words which only appear in the movie // URL: <https://freerepublic.com/focus/f-news/517869/posts> (accessed 16.06.2022)
209. Paul W, Don H. Weasel Words: The Dictionary of American Doublespeak. America: Capital Ideas Book, 2005. 220 p.
210. Peter B., Anne M.S.V. Equivocation and doublespeak in far right-wing discourse: an analysis of Nick Griffin's performance on BBC's Question Time // Text&Talk. 2014. Vol 34 (1). pp. 1–22.

211. Poole S. *Unspeak: Words are Weapons*. UK: Abacus, 2007. 306 p.
212. Savo K. *Truths and Euphemisms: How Euphemisms Are Used in the Political Arena* // *The Southeast Asian Journal of English Language Studies*. 2001. Vol 17(1). pp. 5–17.
213. Timothy L. *Doublespeak and the War on Terrorism* // *Cato Institute*. 2006. № 98. pp. 1-16.
214. Vande K. William J. *Still Vigilant about Doublespeak?* // *Language Arts Journal of Michigan*. 2007. Vol.23. №16. pp. 87–92.

Список словарей и справочной литературы

215. *Большая актуальная политическая энциклопедия*/ Под общ. ред. А. Белякова и О. Матвейчева. – М. : Эксмо, 2009. – 412 с.
216. *Большой толковый словарь русского языка* / [сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов]. – СПб. : Норинт, 1998. – 1536 с.
217. Егорова Т.В. *Словарь иностранных слов современного русского языка* / Т.В. Егорова. – М. : Аделант, 2014. – 800 с.
218. Комлев Н.Г. *Словарь иностранных слов* / Н. Г. Комлев. – М. : Эксмо-пресс, 1999. – 672 с.
219. Крысин Л.П. *Толковый словарь иностранных слов* / Л.П. Крысин. – М. : Русский язык, 1998. – 846 с.
220. Лоусон Г. *Социология А-Я: Словарь-справочник* / Г. Лоусон, Д. Гэррод – М.: ФАИР-Пресс, 2000. – 608 с.
221. Ожегов С.И. *Словарь русского языка: Ок. 60000 слов и фразеологических выражений* / С.И. Ожегов; Под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. – 25-е изд., испр. и доп. – М. : ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2007. – 976 с.
222. Сеничкина Е.П. *Словарь эвфемизмов русского языка* / Е.П. Сеничкина. – М.: Флинта: Наука, 2016. – 461 с.
223. Серов В.В. *Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений* / В.В. Серов. – М. : «Локид-Пресс». 2003. – 852 с.
224. *Словарь по политологии* / Под ред. проф. В.Н. Коновалова. Ростов-на-Дону:

Изд-во РГУ, 2001. – 447 с.

225. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / Под. ред. Н. Абрамова, – М.: Русские словари, 1999. – 530 с.

226. Толковый словарь демократического новояза и эвфемизмов. Белояр А., Даркус, Джу, НЕС. Редакция 2, 2007. – 321 с.

227. Толковый словарь русского языка. Том IV. Под ред. Д.Н. Ушакова. – Москва: Астрель: АСТ, 2000. – 1499 с.

228. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / Под ред. Г. Н. Складчиковой. – Москва: Астрель: АСТ, 2001. – 894 с.

229. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13000 фразеологических единиц / А.И. Федоров. -3-е изд., испр. – Москва: Астрель: АСТ, 2008. – 878 с.

230. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык [Электронный ресурс]: в 2 т. / А.Н. Тихонов, Р.И. Хашимов, Г.С. Журавлева и др. – Т. 1. – 2-е изд., стер. – М.: флинта, 2014. – 840 с.

231. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. – Москва: Большая Российская энциклопедия, 2002. – 709 с.

232. Holder R. A Dictionary of Euphemisms. Oxford: Oxford University Press, 1996. –321 p.

233. Rawson H. Rawson's dictionary of euphemisms and other doubletalk: Being a compilation of linguistic fig leaves and verbal flourishes for artful users of the English language. Crown Publishers, 1995. – 473 p.

**Приложение А. Краткий тематический словарь-справочник
политических эвфемизмов современного русского языка**

Внутригосударственная сфера

АВГУСТОВСКИЕ СОБЫТИЯ – в.м. прям. наименования августовского путча. Внут. полит. сфера. - *Оставляя в стороне вопрос о роли отдельных деятелей КПСС в августовских событиях, здесь стараются дойти до главного: что определяет судьбу этой партии трудящихся сейчас и что ждет ее в будущем?* (Правда, 6 сентября 1991)

АНТИВИРУСНЫЕ МЕРЫ – в.м. вынужденная самоизоляция. Внут. полит. сфера. - *Дело в том, что после введения в середине марта антивирусных мер ресторанный сектор не попал в число «жизненно необходимых»* (РГ, 22 апреля 2020).

БАКШИШ – в.м. взятка. от перс. Bahsis – подарок. Внут. полит. сфера. - *Кому бакшиш за переправу, кому - за «хорошие отношения». Вот бананы и стали золотыми!* (АиФ, 12 марта 2015).

БЕСПРЕЦЕДЕНТНЫЕ МЕРЫ – в.м. временное ограничение на передвижение граждан и транспортных средств с целью предупреждения распространения коронавируса. Внут. полит. сфера. - *Решение пойти на беспрецедентные меры принято после того, как число заразившихся коронавирусом в стране приблизилось к 350* (Коммерсант, 16. апреля 2020).

ДАМА ПОЛУСВЕТА – в.м. проститутка. Внут. полит. сфера. - *“Дама полусвета” Патриция Д`Аддарио: Берлускони хвастал дружбой с Путиным и Бушем* (КП, 31 августа 2009).

ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ – в.м. поведение, отклоняющееся от устоявшихся общественных норм и законов. Внут. полит. сфера. Инояз. от. лат. deviation – отклонение. - *В перспективе примирителей планируется привлекать для разрешения всех видов конфликтов, где затрагиваются интересы или участвуют несовершеннолетние, особенно дети в трудной жизненной ситуации, социально опасном положении и из неблагополучных семей, а также подростки с*

девиантным поведением (Известия, 14 августа 2017);

ДЕСЯТЬ ЛЕТ БЕЗ ПРАВА ПЕРЕПИСКИ – в.м. расстрел. Во многих случаях было призвано скрыть тот факт, что осужденного уже нет в живых. Внут. полит. сфера., Эвф. совет. употр. в 30–50 гг. XX в. - *Никто не судил Сергея Тимофеевича Кучиева. Только при посмертной его реабилитации семья узнала о «десятилетнем заключении без права переписки»* (Известия, 7 декабря 1964).

ДЛИННЫЕ КАНИКУЛЫ – в.м. вынужденное приостановление занятий в образовательных учреждениях. Внут. полит. сфера. - *Длинные каникулы тоже не пойдут на пользу образовательному процессу, говорит учитель высшей категории, почетный работник общего образования Леонид Перлов: «Чем длиннее период перерыва в занятиях, тем больше времени и усилий требуется на то, чтобы дети вернулись обратно в рабочий ритм* (Коммерсант, 30 декабря 2020).

ДОМАШНИЙ РЕЖИМ – в.м. самоизоляция. Внут. полит. сфера. - *Пока сохраняется домашний режим для пенсионеров, продлены ограничения на работу ресторанов, баров и ночных клубов после 23.00* (Известия, 22 января 2021).

ДОМРАБОТНИЦА – в.м. прислуга. Внут. полит. сфера. - *Освободили от уплаты НДФЛ на 2017 и 2018 годы с доходов от оказания услуг физическим лицам тех репетиторов, нянь, домработниц, сиделок, уборщиц, водителей, дизайнеров, переводчиков, фотографов, мастеров, занимающихся ремонтом и строительством, и т. п., которые при этом не регистрируются индивидуальными предпринимателями* (Известия, 23 января 2018).

ЕДВА ЛИ – в.м. маловероятно. Внут. полит. сфера. - *Его работу на спортивном поприще, с учетом многочисленных скандалов, едва ли можно назвать удачной* (АиФ, 8 мая 2018).

ЖЕНЩИНА ЛЕГКОГО ПОВЕДЕНИЯ – в.м. проститутка. Внут. полит. сфера. - *Следующим испытанием стал скандал, в котором оказалась замешана женщина легкого поведения Патриция Д Аддарิโอ* (Известия, 27 августа 2009).

ЗАДЕРЖИВАТЬ (ЗАДЕРЖАТЬ) – в.м. арестовывать (арестовать). Внут. полит. сфера. - *Ну, а фамилии всех местных жителей, которые помогли найти и*

задержать преступников, к сожалению, перечислить невозможно (Известия, 28 января 1966).

КАДРОВАЯ РЕФОРМА – в.м. увольнение должностных лиц, которые не соответствуют требованиям. Внут. полит. сфера. - *Под знаком «коренной кадровой реформы» разворачивается очередной этап фракционной борьбы внутри китайской верхушки (Правда, 16 февраля 1980).*

КЛИНЕР – в.м. уборщик. Внут. полит. сфера. Инояз. от англ. cleaner. - *Кстати, слово «уборщик» для представителей этой профессии – обидное, а «клинер» - непонятное. Поэтому они предпочитают называть себя «мастерами по уходу за недвижимостью (КП, 26 апреля 2005).*

КЛИНИНГ – в.м. уборка. Внут. полит. сфера. - *Сегодня уборку все чаще доверяют профессионалам, а занятие это обозначается заморским словом «клининг» (КП, 26 апреля 2005).*

ЛЕЧЕБНО-ТРУДОВЫЕ ПРОФИЛАКТОРИИ – в.м. принудительное учреждение для лечения наркоманов и пьяных. Внут. полит. сфера. Эвф.-совет. - *Дополнительно открываются наркологические кабинеты, лечебно-трудовые профилактории (Правда, 17 марта 1973).*

ЛЮДИ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ – в.м. инвалиды. Внут. полит. сфера. - *Правительство России вводит наказание за дискриминацию людей с ограниченными возможностями здоровья при оказании им различных услуг» (Известия, 21 марта 2019).*

ЛЮДИ С ОСОБЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ – в.м. инвалиды. Внут. полит. сфера. - *Хотя, наверное, стоит называть их возможности не ограниченными, а особыми. Люди с особыми возможностями - так правильнее, - говорит Надежда Андреева» (РГ, 26 июля 2022).*

ЛЮМПЕН-ПРОЛЕТАРИАТ – в.м. нищий, бродяга. Инояз. нем. Lumpenproletariat от Lumpen – лохмотья и Proletariat – народ. Внут. полит. сфера. Эвф. совет., мин. ст. эвф. - *Париж скоро разделится на две примерно равные половины – те, кто имеет возможность жить в буржуазных кварталах, и люди, стоящие на грани люмпен-пролетариата (Правда, 09 марта 1980).*

МАЛОИНТЕЛЛИГЕНТНЫЙ – в.м. неинтеллигентный. Внут. полит. сфера. преуменьш. знач. - *Первым из камеры вышел молодой человек малоинтеллигентной наружности, в кальсонах и футболке* (Известия, 4 декабря 2011).

МАЛОМОБИЛЬНЫЕ ГРАЖДАНЕ – в.м. инвалиды. Внут. полит. сфера. - *В Челябинске появится первый сквер для маломобильных горожан* (РГ, 22 сентября 2022).

МАСТЕР ПО УХОДУ – в.м. уборщик. Внут. полит. сфера. - *Прибывшие мастера по уходу застали на месте невообразимый бардак* (КП, 26 апреля 2005).

МЕДИКО-САНИТАРНАЯ СЛУЖБА – в.м. медицинское учреждение, предназначенное для вытрезвления лиц, находящихся в состоянии сильного опьянения. Внут. полит. сфера. Эвф. совет. - *А вот более конкретные данные, полученные сочинским санаторием «Правда» от медико-санитарной службы Новолипецкого металлургического завода* (Известия, 31 июля 1982).

МЕНЕЕ ОПТИМИСТИЧНЫЙ – в.м. неблагоприятный, мрачный, пессимистический. Внут. полит. сфера. - *К сожалению, более вероятен менее оптимистичный вариант развития событий* (АиФ, 8 ноября 1995).

НА БУМАГЕ – употр. для выражения реального бездействия. Внут. полит. сфера.- *Служба по делам детей занималась сиротами разве что на бумаге* (РГ, 13 июня 2022).

НЕ ДОСТИЧЬ ЗАМЕТНОГО ПРОГРЕССА – в.м. отсутствие прогресса. преуменьш. знач. Внут. полит. сфера. - *Методология Всемирного банка включает шесть показателей, характеризующих госуправление: учет мнения населения и подотчетность госорганов, политическая стабильность и отсутствие насилия, эффективность работы властей, качество законодательства, верховенство закона и борьба с коррупцией. Россия не достигла заметного прогресса ни по одному из них* (Коммерсант, 11 июля 2007).

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ДНИ АВГУСТА – в.м. прям. наименования августовского путча. Внут. полит. Сфера: - *В забываемые дни августа мы потерпели победу над реакцией — эти слова содержат сожаление, конечно, не о победе, а о том,*

что она пришла поздно, катастрофически поздно (Известия, 13 сентября 1991).

НЕНАДЛЕЖАЩИЙ – *вм. халатный. Внут. полит. сфера. - В двухдневный срок прошу подготовить мероприятия по улучшению этой работы, - распорядился Сергей Собянин. - Считаю, что она организована **ненадлежащим** образом (КП, 30 апреля 2011).*

НАЧИСЛЯТЬ (НАЧИСЛИТЬ) СЕБЕ – *вм. обогащать себя путем взятки. Внут. полит. сфера. - он сам себе “**начислял**”, изымая из конверта в сейфе по 40 тыс. руб. ежемесячно. (Коммерсант, 19 декабря 2020);*

НЕДОБРОСОВЕСТНЫЙ АГЕНТ – *вм. агент, занимающийся воровством у клиентов. Внут. полит. сфера. - Но часто человек и не знает о том, что его накопления переведены из-за того, что это сделал за него **недобросовестный агент** (РГ, 25 октября 2017).*

НЕИМУЩИЕ И НАИМЕНЕЕ ЗАЩИЩЕННЫЕ СЛОИ НАСЕЛЕНИЯ – *вм. группа населения с низким уровнем доходов в системе социального распределения. Внут. полит. сфера. - В 1919 году в Латвийской ССР были открыты 5 аптек трудового народа, которые обеспечивали бесплатными лекарствами **неимущие и наименее защищенные слои населения** (АиФ, 3 декабря 2017).*

НЕОБЕСПЕЧЕННАЯ СЕМЬЯ – *вм. обездоленная семья, у которой не хватает денежных или иных средств для поддержания нормальных условий жизни. Внут. полит. сфера. - В числе приоритетов работы банка в России остается и социальная защита детей из **необеспеченных семей** и детей-инвалидов (Коммерсант, 22 января 2003).*

НЕПОЛНОЕ СЛУЖЕБНОЕ СООТВЕТСТВИЕ – *вм. злоупотребление властью чиновников. Внут. полит. сфера. - За необоснованное привлечение к уголовной ответственности и арест Н. Розовайкина бывший начальник Жовтневого, ныне начальник Приморского РОВД Волобуев А. М. предупрежден о **неполном служебном соответствии** (Российская газета, 22 июня 1995).*

НЕПРАВОМЕРНОЕ РАСХОДОВАНИЕ СРЕДСТВ – *вм. завладение государственным имуществом для собственного использования. Внут. полит.*

сфера. - В документе уточняется, что **неправомерное расходование средств** ГУП “Московский метрополитен” в ходе аудита эффективности не выявлено (Коммерсант, 11 ноября 2014).

НЕПРОСТАЯ ПРОБЛЕМА – в.м. прям. наименования августовского путча. Внут. полит. сфера. - *Вспомните события в Тбилиси, Баку, Вильнюсе и т.д. Ведь, по сути дела, только силой и решалась эта **непростая, тонкая проблема*** (Известия, 10 июня 1995).

НЕПРОСТОЕ ВРЕМЯ – в.м. сложное время. Внут. полит. сфера. - *Во вторник Государственная Дума приняла целый комплекс мер по борьбе с эпидемией коронавируса и по поддержке людей, бизнеса и регионов в это **непростое время*** (РГ, 31 марта 2020).

НЕ СТАНОВИТЬСЯ ЛУЧШЕ – в.м. становиться хуже. Внут. полит. сфера. - *В результате конкретным производителям продукции полей и ферм **лучше не становится*** (Известия, 28 декабря 1989).

НЕТРУДОСПОСОБНЫЕ ГРАЖДАНЕ – в.м. уязвимая категория граждан. Внут. полит. сфера. - *Еще одним указом глава государства повысил выплаты лицам, осуществляющим уход за **нетрудоспособными гражданами*** (РГ, 28 декабря 2006).

НЕЦЕЛЕВОЙ – в.м. безрассудный. Внут. полит. сфера. - *В прошлом году палата выявила 1,9 млрд руб., использованных **нецелевым** образом, и 1,7 млрд руб. вернула в казну* (Коммерсант, 5 февраля 2005).

НЕЦЕЛЕВОЕ РАСХОДОВАНИЕ БЮДЖЕТА – в.м. завладение государственным имуществом для собственного использования. Внут. полит. сфера. - *Экс-мэр Благовещенска Александр Мигуля приговорен к девяти годам колонии: превышение полномочий, **нецелевое расходование бюджета** и пр. – всего в деле 30 томов* (АиФ, 29 сентября 2016).

НЕЧИСТОЕ НА РУКУ РУКОВОДСТВО – в.м. взяточничество в деятельности руководства. Внут. полит. сфера. - *Руководство НИИ оказалось **кристально нечистым на руку*** (Коммерсант, 23 мая 2015).

НЕЧИСТОПЛОТНЫЕ ЗА РУКУ ЧИНОВНИКИ – в.м. чиновники, получающие

взятку. Внут. полит. сфера. - *Обыски в администрации Екатеринбурга позволят поймать нечистоплотных чиновников за руку, заявляют в ведомстве* (КП, 10 июля 2007).

НЕЭФФЕКТИВНОЕ БЮДЖЕТНОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ – в.м. нерентабельное бюджетное планирование. Внут. полит. сфера. - *Здесь глава палаты поблагодарил депутатов за принятие новой статьи в Уголовный кодекс об уголовной ответственности за нецелевое использование бюджетных денег, но объяснил, что нецелевое использование – это часть общей проблемы **неэффективного бюджетного планирования*** (АиФ, 5 февраля 2005)

НИЗКООПЛАЧИВАЕМЫЕ РАБОТНИКИ – в.м. человек, имеющий низкую оплату своего труда, получающий низкую заработную плату. Внут. полит. сфера. - *В то же время эффективное использование такого инструмента, как минимальная заработная плата, устанавливающая нижний порог оплаты труда, может способствовать сокращению неравенства заработной платы среди менее обеспеченной половины рабочей силы, снижению числа **низкооплачиваемых работников** и сокращению гендерного неравенства в оплате труда* (РГ, 2 декабря 2008).

ОПЕРАТОР МАШИННОГО ДОЕНИЯ – в.м. дояр, доярка. Внут. полит. сфера. фикс. как эвф. во 2 пол. XX в. в наст. вр.: - *И хотя каждый **оператор машинного доения** работает в сутки в среднем не более шести часов – рабочий день продолжался* (Известия, 23 января 1980).

ОРГВЫВОДЫ – в.м. должностные перемещения у партийного или советского чиновника. Сокращ. «организационные выводы». Внут. полит. сфера. Эвф.-совет. - *Мы прежде неоднократно предупреждали обоих — и Васильева, и Комиссарова, что их ссоры да распри до хорошего не доведут, — рассказывает первый секретарь горкома Ю. Пономарев.— Ни тот, ни другой не прислушались. Пришлось делать **оргвыводы*** (Правда, 4 марта 1980).

ОСОБЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ – в.м. ограниченные способности. Внут. полит. сфера. - *Люди с особыми возможностями – так правильнее, – говорит Надежда Андреева* (РГ, 26 июля 2022).

ОЧИСТКА И ОЗДОРОВЛЕНИЕ УЧРЕЖДЕНИЙ – в.м. увольнение чиновника. Внут. полит. сфера. - *Сообщается, что в ходе кампании «по очистке и оздоровлению учреждений», начатой в Иране по призыву Хомейни, были уволены 589 правительственных чиновника (Правда, 1 июля 1980).*

ПОД СТОЛОМ – в.м. тайный, нелегальный. Внут. полит. сфера. - *Вздрагиваю и невольно замедляю шаг: работающему “под столом” ни к чему встречаться со стражем закона (АиФ, 21 февраля 1996).*

ПОКА – в.м. до сих пор еще. Внут. полит. сфера. - *Деятельность кооперативов не приносит пока ожидаемых результатов (Известия, 28 ноября 1989).*

ПИКЕЙНЫЕ ЖИЛЕТЫ – в.м. обыватели, любящие с видом знатоков рассуждать о глобальных проблемах. Внут. полит. сфера. - *Я с изумлением читаю некоторые такие оценки из разряда «пикейных жилетов» (РГ, 12 ноября 2020).*

ПОПРАВЛЯТЬ (ПОПРАВИТЬ) – в.м. наказывать (наказать). Внут. полит. сфера. Эвф. совет. - *С этим активисты столкнулись, например, в совхозе имени Калинина Чернышковского района. Пришлось серьезно **поправить** руководителей хозяйства (Правда, 3 июня 1976).*

ПРОПЛАЧИВАТЬ – в.м. давать взятку. Внут. полит. сфера. - *Для широкого круга руководителей предприятий существует необходимость “**проплачивать**” те или иные операции, если они имеют дело с государственными органами, например, получение земли для застройки и т. д. (РГ, 1 марта 2007).*

РЕДКИЕ ЛЮДИ – в.м. инвалиды. Внут. полит. сфера. - *Самое сложное – убедить работодателя, что ты справишься, говорят все “**редкие**” люди (РГ, 28 февраля 2022).*

РЕЖИМ НЕРАБОЧИХ ДНЕЙ – в.м. самоизоляция на дому во время коронавируса. Внут. полит. сфера. - *Вместо мероприятий в городе на Неве Владимир Путин 25 марта выступил с обращением к гражданам, объявив режим нерабочих дней (РГ, 27 мая 2020).*

СКРОМНОЕ ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ – в.м. взяточничество на небольшую сумму. Внут. полит. сфера. - *пустив пыль в глаза, он за «скромное» вознаграждение предлагал бизнесменам решить их проблемы (Известия, 28 августа 2009).*

СОЦИАЛЬНО УЯЗВИМАЯ КАТЕГОРИЯ ГРАЖДАН – в.м. граждане низкого социального статуса. Внут. полит. сфера. - *Это почти 13-процентная скидка на путевки, причем помощь адресная - социально уязвимой категории граждан (РГ, 18 марта 2009).*

СПЕЦБАЗА – в.м. база, где заказывали и получали продукты привилегированные лица. Внут. полит. сфера. Эвф. совет. - *Раньше была спецбаза N 208, которая обслуживала обе столовые - в Кремле и на Старой площади, по специальному списку: “Надо тонну икры - пожалуйста... “ (АиФ, 1 сентября 1993)*

СПЕЦИАЛЬНАЯ ЗАДАЧА – в.м. особая задача, скрытная задача. Внут. полит. сфера. Эвф. совет. употр. в связи с деятельностью репрессивных органов власти. - *Проект постановления кабинета, подписанный 12 февраля 1991 г., содержал среди прочих удивительные привилегии для коммерческой структуры, основанной Кургуиняном: право прикомандировывать к корпорации высоких чинов КГБ, МВД и МО для решения “специальных задач”, право создавать учебные заведения, молодежные спортивно-воспитательные центры, а также многочисленные налоговые и таможенные льготы (АиФ, 28 сентября 1993).*

СПЕЦИАЛЬНЫЙ РЕЖИМ – в.м. самоизоляция на дому при коронавирусе. Внут. полит. сфера. - *Сейчас россиянин находится в инфекционном блоке специального режима (Коммерсант, 28 февраля 2020).*

СПЕЦМЕРА – в.м. прям. наименования пытки, истязания арестованных. Внут. полит. сфера. Эвф. совет. употр. в связи с деятельностью репрессивных органов власти. - *Многие из подследственных не выдерживают условий содержания, начинают бунтовать, к ним приходится применять спецмеры (АиФ, 12 сентября 1991).*

СПЕЦПАЕК – в.м. продовольственные товары (обычно дефицитные), выдаваемые привилегированным лицам. Внут. полит. сфера. Эвф. совет. - *Существуют ли “спецпайки” для работников аппарата? (АиФ, 8 сентября 1990)*

СПЕЦРАСПРЕДЕЛИТЕЛЬ – в.м. распределитель материальных благ (продуктов питания, дефицитных промышленных товаров) для привилегированных лиц. Внут. полит. сфера. Эвф. совет. - *В прошлом году этот*

специраспределитель был закрыт (АиФ, 8 сентября 1990).

СПЕЦУКАЗАНИЕ – в.м. особые указания, распоряжения. Внут. полит. сфера. Эвф. совет. - *Сам Волкодав утверждает, что никаких “спецуказаний” из Москвы он не получал* (Коммерсант, 28 сентября 1999).

СПЕЦХОЗЯЙСТВО – в.м. хозяйство, специализирующееся на производстве сельскохозяйственной продукции для привилегированных лиц. Внут. полит. сфера. Эвф. совет. - *Продукты завозятся из спецхозяйств или обычных?* (АиФ, 8 сентября 1990)

СТАТУСНАЯ РЕНТА – в.м. взятка в различных формах. Внут. полит. сфера. фикс. как эвф. с нач. XXI в. - *Ну а если цены на нефть вдруг внезапно взлетят, как в 2000 году, тогда можно и обсудить с депутатами некоторые вопросы. Например, вопрос упомянутой президентом “статусной ренты”* (Коммерсант, 4 апреля 2001).

СЕКС-ДИВА – в.м. прям. наименования продажной женщины. Внут. полит. сфера. - *Твердую цену имело все, вплоть до доставки заказчику на дом понравившейся малолетней секс-дивы* (РГ, 22 июля 2005).

ТЕХНИЧЕСКИЕ КАНИКУЛЫ – в.м. вынужденный перерыв в занятиях из-за ситуации с коронавирусом. Внут. полит. сфера. - *До воскресенья в вузе введены «технические каникулы», после которых студентов также переведут на дистанционное обучение* (Коммерсант, 16 марта 2020).

ТЕХНИЧКА – в.м. уборщица. Внут. полит. сфера. фикс. как эвф. со 2 пол. XX в. и употр. по наст. вр. - *В положенное время на поле появляется «техничка»* (Известия, 1 сентября 1971).

ТРУДНОВОСПИТУЕМЫЙ – в.м. прям. наименования лица с отрицательного признака (хулиган и т.п.). Внут. полит. сфера. Эвф. совет. - *Ведь есть у нас еще факты нарушения правил социалистического общежития, пьянства и хулиганства, межсоседских конфликтов из-за пустяков, так называемые-неблагополучные семьи и трудновоспитуемые дети* (Известия, 4 июня 1970).

ТРУДНЫЙ – в.м. прям. оскорбительного наименования лица (хулиган и т.п.). Внут. полит. сфера. эвф.-совет. - *Должны ли находиться отдельно «трудные»*

подростки, совершавшие правонарушения, или ребят педагогически запущенных следует вливать в коллектив из обычных школьников? (Известия, 27 мая 1977)

ХАБАР – в.м. взятка. Инояз. от тат. прибыль. Внут. полит. сфера. - *Я не заметил, чтобы регулярные поборы кого-то возмущали – тут их в большинстве своем воспринимают как должное и искренне удивляются, когда не требуют «хабар» за решение вопроса (АиФ, 22 февраля 2018).*

ЧЕРНЫЙ ЛЕБЕДЬ – в.м. событие с чаще всего катастрофическими последствиями, которое изначально кажется трудно прогнозируемым. Внут. полит. сфера. - *Нынешняя пандемия оказалась тем самым глобальным сдвигом, если хотите, «черным лебедем», который поставил нас перед выбором: закрыться и обвинить других во всех бедах, или же выйти из кризиса вместе, объединиться во имя благополучного будущего всех стран и народов (АиФ, 6 октября 2020).*

ЧИСТКА В ВЕРХНЕМ ЭШЕЛОНЕ – в.м. изгнание из рядов аппарата или партийных организаций. Внут. полит. сфера. - *Фактически чистка в верхнем эшелоне китайской иерархии уже идет вовсю (Правда, 16 февраля 1980).*

ЧЛЕНСКИЕ ВЗНОСЫ – в.м. регулярные выплаты взяток. Внут. полит. сфера. - *Как стало известно “Ъ”, арестованный по подозрению в получении взятки заместитель начальника главного управления Росгвардии по Мособласти Сергей Филатов пострадал за так называемые **членские взносы**, которые руководители подмосковных ЧОПов начали платить областной милиции еще во времена главы МВД Рашида Нургалиева (Коммерсант, 29 декабря 2020).*

ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ СИТУАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО МАСШТАБА – в.м. вспышка Коронавируса. Внут. полит. сфера. - *ВОЗ признала вспышку **чрезвычайной ситуацией международного масштаба** (Известия, 9 февраля 2020).*

ЭКСПЕРИМЕНТ ДИЛЕТАНТОВ – в.м. опыты людей, занимающихся какой-либо деятельностью без должных знаний и профессиональной подготовки. Внут. полит. сфера. - *Гайдаровская либерализация цен – это был **эксперимент дилетантов**, возомнивших себя гениями (АиФ, 12 января 2017).*

Внешнеполитическая сфера

АГЕНТ – в.м. шпион, предатель. Инояз. нем. Agent < лат. agens (agentis) – действующий. Внеш. полит. сфера. - *Из 4.800 **агентов**, используемых управлением внешних операций ЦРУ, 900 теперь работают в Африке (против 300 в 1976 г.)* (Правда, 28 января 1980).

АСИММЕТРИЧНЫЙ ОТВЕТ – в.м. использование более жестоких мер, чем средства самоутверждения. Внеш. полит. сфера. - *Можно это называть **асимметричным ответом** можно это называть как-то иначе, но, безусловно, без последствий такие действия не останутся* (Коммерсант, 24 февраля 2021).

БЛАГОРОДНЫЙ – в.м. неблагородный. Внеш. полит. сфера. - *Что же касается антисоветских пассажей и тезисов, то все это, уверяет Би-би-си, диктуется самыми **“благородными”** намерениями: “Критикуя социализм, мы способствуем его улучшению”* (АиФ, 4 февраля 1986).

ВНЕШНЯЯ ОПЕРАЦИЯ – в.м. шпионаж. Внеш. полит. сфера. - ***Внешние операции** — это «благородная» служба ЦРУ, наиболее рискованная и лучше оплачиваемая* (Правда, 28 января 1980).

ВОЗДЕЙСТВОВАТЬ – в.м. вмешиваться во внутренние дела других стран. Внеш. полит. сфера. - *А разве не попыткой **«воздействовать»** на ПНР в удобном для США направлении являются попытки Вашингтона затянуть петлю на горле Польши, объявив ей по существу экономическую войну?* (Правда, 23 мая 1982)

ДИПЛОМАТИЯ КАНОНЕРОК – в.м. угроза применить военную силу для осуществления политической цели. Внеш. полит. сфера. - *Это типичная **дипломатия канонерок**, направленная на достижение эффекта без прямого боестолкновения”, – полагает господин Бужинский* (Коммерсант, 2 марта 2011).

ДИССОНАНС – в.м. ссора, разлад. Инояз. от. фр. ddissonance < лат. dissonans – нестройно звучащий. Внеш. полит. сфера. - *Аналитики также объясняют осторожную позицию ФРС стремлением не входить в **диссонанс** с Евросоюзом и политической мотивацией* (Известия, 16 марта 2016).

ДРУГИЕ МЕРЫ – в.м. военные средства. Внеш. полит. сфера. - *Как заявил высокопоставленный представитель администрации, Белый дом также*

«рассматривает различные политические, экономические и другие меры против Ливии (Правда, 12 декабря 1981).

ЕЛЬЦИНГЕЙТ – в.м. прям. наименования политического скандала с Б.Н. Ельциным. Внеш. полит. сфера. - *Даже парламентское расследование не начато. Выходит, -Ельцингейт - у нас в рассрочку (Правда, 25 октября 1996).*

ЗЕРКАЛЬНЫЙ ОТВЕТ – в.м. ответ на насилие насилием же. Внеш. полит. сфера. - *При этом он отметил, что ответ России не обязательно должен быть “зеркальным” (Коммерсант, 1 сентября 2017).*

ИМПУЛЬСИВНОСТЬ – в.м. прям. наименования склонности действовать без достаточного сознательного контроля. Внеш. полит. сфера. - *Наша позиция в отношении оценки происходящего в мире в принципе совпадает с теми формулировками, которые используются в докладе: «волатильность», «импульсивность» международной жизни (РГ, 13 октября 2020).*

ИРАНГЕЙТ – в.м. прям. наименования крупного политического скандала, связанного с тайной поставкой вооружения из таких стран, как Израиль и США в Иран, в нарушение тем самым оружейного эмбарго против этой страны. Инояз. от англ. Irangate. Внеш. полит. сфера. - *Ярким примером является “Ирангейт” времен Рональда Рейгана (АиФ, 24 января 1996).*

КАК ОТВЕЧАЛИ ВСЕГДА– жестко, симметрично. Внеш. полит. сфера. - *На санкции будем отвечать, как отвечали всегда (Коммерсант, 26 февраля 2022).*

КАПИТАНЫ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ КОРАБЛЕЙ – в.м. прям. наименования руководители крупных капиталистических стран. Внеш. полит. сфера. Употр. как эвф. метаф. - *И, хватаясь за поручни, чтобы не сдуло в море, капитаны капиталистических кораблей лихорадочно ищут курса, который привел бы их в тихую гавань, отдаляющуюся все дальше, как мираж (Правда, 16 июня 1978).*

КОЕ-КТО – в.м. прям. указание лидера какого-нибудь государства. Внеш. полит. сфера. - *Складывается впечатление, что кое-кто в Вашингтоне не хочет соглашаться с волеизъявлением американцев, пытаясь свалить на нас собственные неудачи, беззастенчиво использует российскую карту в*

политической борьбе (АиФ, 4 октября 2017).

КОМБИНИРОВАННЫЕ ОБЪЕДИНЕННЫЕ СПЕЦИАЛЬНЫЕ СИЛЫ – в.м. вооруженные силы новой НАТО. Внеш. полит. сфера. - *Пока оно несколько загадочно скрыто под концепцией «комбинированных объединенных специальных сил» (Известия, 6 июня 1996).*

КОНСТРУКТИВНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО – в.м. сотрудничество с бесславной политической интенцией. Внеш. полит. сфера. - *Это помощь и поддержка администрации Рейгана, провозгласившей еще четыре с лишним года назад курс на “конструктивное сотрудничество” с ЮАР (АиФ, 24 сентября 1985).*

КОРРЕСПОНДЕНТ – в.м. шпион, доносчик. Инояз. лат. *correspondens*, от *sum*, и *respondere* – отвечать. Внеш. полит. сфера. - *Наконец, по данным из различных источников, сеть африканских осведомителей ЦРУ состоит из 1.500 - 2.000 «корреспондентов», порой занимающих очень высокие посты и получающих плату за разведывательные данные (Правда, 28 января 1980).*

КРАСНАЯ ЧЕРТА – в.м. нижняя черта, которую нельзя переступить. Внеш. полит. сфера. - *Песков считает: такое развитие событий подвело отношения Москвы и альянса к “красной черте” (КП, 16 января 2022).*

КРОКОДИЛОВЫ СЛЕЗЫ – в.м. неискреннее, лживое сожаление. Внеш. полит. сфера. Употр. как эвф. фраз. - *Крокодиловы слезы, которые проливает хозяин Белого дома, говорят о провале замыслов правящих кругов США (Правда, 5 февраля 1982).*

КТО-ТО – в.м. прям. разоблачения вдохновителя, стоящего за событиями порицательного признака. Внеш. полит. сфера. - *В тот же день Захарова заявила, что слова Зеленского о возможности переговоров с Путиным – “кем-то написанный план” (Известия, 10 июня 2022).*

КУКЛОВОДЫ-НЕОКОНЫ – в.м. группа неоконсерваторов, применяющая техники манипулирования массами людей. Внеш. полит. сфера. - *Маск заявил: «Тексты [президенту США Джо] Байдену пишут кукловоды-неоконсерваторы из “глубинного государства” (Известия, 18 мая 2022).*

МОНИКАГЕЙТ – в.м. прям. наименования сексуального скандала с участием Билла Клинтона, бывшего президента США, и Моники Левински, стажерки из Белого дома. Инояз. от англ. Monicaagate. Внеш. полит. сфера. - *Внешний мир взирал на Моникагейт со смесью насмешливости и недоумения, но может стать, что постигшие Клинтона неприятности вызовут у других иностранных лидеров скорее сочувствие и понимание и ему будет легче найти с ними общий язык* (АиФ, 17 февраля 1999).

НАДЛЕЖАЩИЙ ОТВЕТ – в.м. прям. наименования порицаемого или запретного к произнесению признака. Внеш. полит. сфера. - *США обвинили Иран в атаке на нефтяной танкер у берегов Омана и пообещали, что последует «надлежащий ответ»* (Коммерсант, 1 августа 2021).

НЕЙТРАЛЬНЫЙ НАБЛЮДАТЕЛЬ – в.м. несправедливый наблюдатель. Внеш. полит. сфера. - *Следуя своему кредо якобы “нейтрального наблюдателя”, лондонское радио регулярно прибегает к разнообразным источникам, чтобы высказываться “не от своего имени”* (АиФ, 11 февраля 1986).

НЕДОПОНИМАНИЕ – в.м. непонимание. Внеш. полит. сфера. - *Показательно, что г-жа Райс фактически признала, что «недопонимание» возникло по вине США* (РГ, 20 марта 2008).

НЕ ОСТАВЛЯТЬ (ОСТАВИТЬ) БЕЗ ОТВЕТА – в.м. заставить противника заплатить за недружественные поступки высокую цену. Внеш. полит. сфера. - *Мы не оставили этот недружественный шаг без ответа* (РГ, 11 августа 2009).

НЕ ОЧЕНЬ УМНЫЙ – в.м. глупый. преуменьш. знач. Внеш. полит. сфера. - *Глава МИД Индии назвал претензии Европы “не очень умными” и посоветовал посмотреть на себя* (КП, 4 июня 2022).

НЕ СОВСЕМ ТРЕЗВЫЙ – в.м. прям. вып. безрассудности человека. преуменьш. знач. Внеш. полит. сфера. - *Мне кажется, он был не совсем трезвым* (КП, 17 ноября 2016).

НОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ НЕ БЫЛО НАЙДЕНО – в.м. нет никакого прогресса в двусторонних отношениях. Внеш. полит. сфера. - *Глобальный проект взаимной интеграции двух ядерных держав закончился полным провалом, а новое*

содержание двусторонних отношений так и **не было найдено** (Коммерсант, 26 сентября 2008).

ОСОБОЕ ДЕЙСТВИЕ – в.м. шпионаж. Внеш. полит. сфера. - *Последний же указ президента снимает фактически все ограничения на проведение ЦРУ «особых действий» или «скрытых операций» внутри Соединенных Штатов, а также на слежку за гражданами США за рубежом* (Правда, 16 октября 1981).

ОСОБЫЕ ОТНОШЕНИЯ – в.м. тайное отношения. Внеш. полит. сфера. - *Израиль по-прежнему делает ставку на «особые отношения» с Вашингтоном, уповая на его поддержку* (Известия, 23 февраля 1989).

ОТВЕТНЫЕ САНКЦИИ – в.м. применить реторсию. Внеш. полит. сфера. - *На масштабные **ответные санкции** мы пока не пойдем, но они возможны* (Коммерсант, 20 августа 2008).

ОТВЕТНЫЕ ШАГИ – в.м. применить реторсию. Внеш. полит. сфера. - *Как заявила представитель Белого дома Джен Псаки, несоблюдение антироссийских санкций Пекином может повлечь **ответные шаги** США* (Коммерсант, 9 марта 2022).

ОТВЕЧАТЬ (ОТВЕТИТЬ) СИММЕТРИЧНО – в.м. заменять насилие насилием же. Внеш. полит. сфера. - *Россия **ответила** абсолютно **симметрично*** (Коммерсант, 2 июля 2001).

ОТВЕЧАТЬ (ОТВЕТИТЬ) «ТОЙ ЖЕ МОНЕТОЙ» – в.м. заменять насилие насилием же. - *Как она предположила, в Вашингтоне считают нормальным высылать по выдуманным поводам российских дипломатов, отбирать чужую собственность, закрывать дипломатические представительства, а потом лицемерно изумляться, Россия **отвечает «той же монетой»*** (Известия, 26 марта 2022).

ПАЛКИ В КОЛЕСА ВСТАВИТЬ – в.м. намеренное препятствие выполнения какой-нибудь задачи. Употр. как эвф. фраз. - *Но за строительством наступает период сертификации, вот тут они могут какие-то еще **палки в колеса вставить*** (КП, 3 июня 2021).

ПЛЯСАТЬ ПОД АМЕРИКАНСКУЮ ДУДКУ – в.м. прям. выр. зависимость ЕС

от США на политической сцене. Внеш. полит. сфера. Употр. как эвф. фраз. - *Урсулу фон дер Ляйен и всю Еврокомиссию явно откровенно злит тот факт, что не все в Европе готовы сегодня **плясать под американскую дудку*** (Коммерсант, 3 ноября 2021).

ПРОРЫВОВ ОЖИДАТЬ ТРУДНО – вм. невозможно увидеть поворотный момент в случае изменения хода событий. Внеш. полит. сфера. - *По словам собеседника “Ъ”, из выступления следует, что “повышения градуса напряженности в отношениях с Западом быть не должно, но и **прорывов ожидать трудно**”* (Коммерсант, 28 октября 2016).

ПЯТАЯ КОЛОННА – вм. группа людей, ведущих агентурную деятельность в чьих-либо интересах. Внеш. полит. сфера., фикс. как эвф. в XX в. - *Большое внимание уделяется созданию в Африке «**пятой колонны**» империализма* (Правда, 27 февраля 1980).

РАЗНОГЛАСИЕ – вм. ссора, разлад. Внеш. полит. сфера. - *В любом случае российский и турецкий министры решили не выносить на публику свои **разногласия** по этому и другим вопросам* (Коммерсант, 19 декабря 2020).

РЕШИТЕЛЬНЫЙ И ТВЕРДЫЙ ОТВЕТ – вм. беспрецедентные санкции. Внеш. полит. сфера. - *Глава европейской дипломатии Жозеп Боррель еще вечером 21 февраля пообещал России «**решительный и твердый ответ**» на признание самопровозглашенных республик* (Известия, 24 февраля 2022).

СЕРЬЕЗНАЯ ДРАМА – вм. разлад. Внеш. полит. сфера. Употр. как эвф. метаф. - *Президент Картер, как писал французский журнал «Пари-матч», поставил Западную Европу в положение, когда она оказалась «**зажатой**» между двумя целями: не допустить, чтобы ее поведение вызвало «**серьезную драму**» в западном союзе, и не идти слепо за Соединенными Штатами* (Правда, 9 июня 1980).

СКРЫТАЯ ОПЕРАЦИЯ – вм. шпионаж. Внеш. полит. сфера. - *Последний же указ президента снимает фактически все ограничения на проведение ЦРУ «**особых действий**» или «**скрытых операций**» внутри Соединенных Штатов, а также на слежку за гражданами США за рубежом* (Правда, 16 октября 1981).

СЛОН В ПОСУДНОЙ ЛАВКЕ – в.м. прям. выр. неуклюжего и нерасторопного человека. Внеш. полит. сфера. Употр. как эвф. метаф. - *Трамп – как слон в посудной лавке* (КП, 2 мая 2017).

СМЕЩЕНИЕ – в.м. низложение правительства. Внеш. полит. сфера. Фикс. как эвф. в XX в. - *Это еще раз подтвердил директор управления госдепартамента США по делам Восточной Европы Дж Дэвис. который, выступая с речью о американском городе Александрия и касаясь положения в Польше, прямо заявил, что, дескать, как надеются в Вашингтоне «Солидарность» «добьется смещения польского правительства»* (Правда, 23 мая 1982).

СООТВЕТСТВУЮЩИЙ ОТВЕТ – в.м. прям. наименования порицаемого или запретного к произнесению признака. Внеш. полит. сфера. - *Захарова тогда заявила, что Россия даст соответствующий ответ* (Известия, 12 апреля 2022).

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ОТДЕЛ – в.м. отдел по управлению антисоветской пропагандой. Внеш. полит. сфера. - *Менее известно то, что специальный отдел британского МИДа готовит “направленные” материалы для включения их в программы иновещания, а также распространения в буржуазной прессе* (АиФ, 4 февраля 1986).

СПРЯТАТЬ КОНЦЫ В ВОДУ – в.м. избавиться от улик совершенного преступления. Внеш. полит. сфера. Употр. как эвф. фраз. - *Надеясь «спрятать концы в воду», ФБР тайно уничтожило 1.527 томов досье, в котором детально описывались акции шпииков, занимавшихся антиконституционной слежкой, проникновением в жилые помещения, перехватом почты, подслушиванием телефонных разговоров!* (Правда, 26 ноября 1978)

ТАК СЕБЕ ПАНЧЕР – в.м. неудовлетворительная деятельность президента Украины В.А. Зеленского после выборов. Инояз. от. англ. puncher. Внеш. полит. сфера. - *Однако 2020 год показал, что панчер он пока так себе»* (Коммерсант, 30 декабря 2020).

ТОРМОЗ – в.м. причина приостановки подвижности, развития. Внеш. полит. сфера. - *Эксперт отмечает, что «эр-рядская группа» должна пересмотреть свои позиции, потому что она стала главным тормозом переговорного процесса*

в Женеве. (Известия, 31 мая 2016).

ТЯНУТЬ СВОЕ – в.м. в некоей группе существует диссонанс. Внеш. полит. сфера. Употр. как эвф. метаф. - *Усилия «Общего рынка» достичь согласия по данной проблеме напоминают потуги крыловского «Квартета» сыграть пьесу в то время, когда каждый из «музыкантов» **тянет свое*** (Правда, 25 марта 1983).

УСЛУГА – в.м. шпионаж. Внеш. полит. сфера. - *Выступая в специальной сенатской комиссии по разведке, заместитель директора ЦРУ Ф. Карлучи признал, что на протяжении последних лет шеф разведки адмирал Тэрнер лично одобрял использование «услуг» представителей этих профессий* (Правда, 4 марта 1980).

ЧТО-ТО – в.м. прям. выр. тайные или скверные поступки. Внеш. полит. сфера. - *Я не говорю, что я **что-то** делаю. И я не говорю, что я что-то не делаю* (Известия, 12 октября 2017).

ШАНСЫ НЕВЕЛИКИ – в.м. шансы малы. Внеш. полит. сфера. - *На мой взгляд, **шансы** на улучшение американо-российских отношений в обозримой перспективе весьма **невелики*** (Коммерсант, 3 ноября 2021).

ШТОРМОВАЯ ПОГОДА – в.м. прям. наименования серьезного конфликта. Внеш. полит. сфера. Употр. как эвф. метаф. - *В океане внутрикапиталистических и межимпериалистических противоречий **штормовая погода*** (Правда, 16 июня 1978).

Экономическая сфера

АНЕМИЧНЫЙ – в.м. слабый, незначительный. Эконом. сфера. Употр. как эвф. метаф. - *Экономический подъем в развитых странах будет **анемичным***, - уточнил провозвестник финансового кризиса, выступая на конференции в Кейптауне (Известия, 27 октября 2009).

ВЕРТЕТЬСЯ (ПОВЕРТЕТЬСЯ) “ВОКРУГ НУЛЯ” – в.м. не двигаться к положительному росту. Эконом. сфера. - *Российская экономика последние годы **вертится “вокруг нуля”*** (22 января 2020).

ВОЛАТИЛЬНОСТЬ – в.м. неустойчивость в системе рыночной цены. Инояз. от

англ. volatility – изменчивость. Эконом. сфера. - *Сегодня это около 25–30 млн баррелей в сутки относительно уровня прошлого года – и продолжается период беспрецедентной **волатильности** на мировых биржах!* (Коммерсант, 30 апреля 2020)

ГАНГРЕНА – в.м. ухудшение части функций «экономического организма». Эконом. сфера. Употр. как эвф. метаф. - *После снятия жгута либо кровь вытечет, либо гангрена начнется* (Коммерсант, 30 декабря 2020).

ГНОИТЬСЯ – в.м. утрата части функций «экономического организма». Эконом. сфера. Употр. как эвф. метаф. - *Кровотечение пока остановлено, тем временем рана расширяется и начинает **гноиться** – большинство компаний в этот период лишь продолжают наращивать убытки и к окончанию моратория подойдут с увеличенной долговой нагрузкой, утверждают юристы* (Коммерсант, 30 декабря 2020).

ГОЛЛАНДСКАЯ БОЛЕЗНЬ – в.м. резкое укрепление национальной валюты за счет стремительного расширения экспорта товаров одной доминирующей отрасли, в результате чего развитие других отраслей приостанавливается и мешает экономическому росту. Эконом. сфера. - *Если мировой кризис завершится к концу 2009 года, Россия может оказаться одной из немногих стран, привлекательных для инвесторов, и, не исключено, даже вторично переживет подобие “голландской болезни”, считает президент Центра стратегических разработок Михаил Дмитриев* (РГ, 25 февраля 2009).

ДАВЛЕНИЕ (НА ЧТО-Л.) РАСТЕТ – в.м. (правительство, государство) сталкивается со сложной обстановкой. Эконом. сфера. - *По мере того, как мы будем выходить из пандемии, **давление на рубль будет расти**, - прогнозирует Михаил Королюк, начальник отдела доверительного управления ИФК «Солид»* (КП, 23 мая 2020).

ДЕФОЛТ – в.м. невозможность выполнить договор займа. неплатежеспособность. Инояз. от англ. default – невыполнение обязательств. Эконом. сфера. Эвф. совет. - *Касьянов сообщил также, что формулировку “задержка выплат” признают и в Парижском клубе, так что речь о **дефолте** России по внешнему долгу пока не*

идет (Коммерсант, 12 сентября 1998).

ДРЕЙФОВАТЬ (СДРЕЙФОВАТЬ) К НУЛЮ – *вм. не выявить растущую тенденцию. Эконом. сфера. - В июле экономика России продолжала дрейфовать к нулю* (Коммерсант, 20 августа 2014).

ЖГУТ – *вм. средство временной спасения жизни экономики. Эконом. сфера. Употр. как эвф. метаф. - По меткому замечанию управляющего партнера АБ «Бартолиус» Юлия Тая, мораторий как “жгут, нанесенный выше сильной раны: сначала спасает организм от гибели, но если его долго не снимать, то ткань обескровленная просто отомрет”* (Коммерсант, 30 декабря 2020).

ЖИРЕТЬ (ПОЖИРНЕТЬ) – *вм. стать дороже. Эконом. сфера. Преуменьш. мин. ст. эвф. - Так что 1 кг говядины, стоивший в сентябре 280,5 руб., останется в прежней цене, а свинина «пожирнеет» с 350 руб./кг до 367,5 руб./кг* (АиФ, 24 сентября 2008).

ЗАВИСАТЬ (ЗАВИСНУТЬ) – *вм. находиться в ограничении свободного использования. Эконом. сфера. - Для прочих, у кого зарплата “зависла” в банке, вызовет наличку – настоящий “подвиг разведчика”* (АиФ, 7 октября 1998).

ЗАМИРАТЬ (ЗАМЕРЕТЬ) – *вм. утрачивать (утратить) энергию развития, останавливаться (остановиться). - Замерли промышленные предприятия* (АиФ, 9 октября 1996);

ЗНАЧИТЕЛЬНАЯ ПЕСТРОТА – *вм. Большая разнородность, наряду с высокими результатами встречаются низкие. Эконом. сфера. - Хотя большинство подмосковных хозяйств достигло высокой культуры земледелия, в области еще значительна пестрота в урожайности* (Правда, 28 августа 1976).

ИСКАТЬ РАВНОВЕСНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ – *вм. находиться в нестабильном состоянии. Эконом. сфера. - И стоимость валюты с учетом нового положения, и в торговом балансе, и с учетом оттока капитала, ищет свои равновесные положения* (РГ, 10 октября 2014)

ЛЕТАТЬ (ЛЕТЕТЬ) – *вм. повышение цен. Эконом. сфера. - Несмотря на обещания чиновников не допустить роста цен на продукты после введения санкций, цены эти летят вверх стремительно* (АиФ, 10 октября 2014).

НА НУЛЕ – в.м. стагнация, застой, отсутствие прогресса. Эконом. сфера. - *По его словам, у них **рост** в будущем году будет держаться примерно на нуле* (Известия, 6 ноября 2008).

НА НУЛЕВОЙ ОТМЕТКЕ – в.м. стагнация, застой, без прогресса. Эконом. сфера. - *Министр финансов Алексей Кудрин, выступая на “Правительственном часе” в Госдуме, признал, что экономический **рост** в России в этом году ожидается на нулевой отметке* (Известия, 30 января 2009).

НАЦИОНАЛИЗИРОВАТЬ – в.м. делать что-либо национальной собственностью. Эконом. сфера. - *Разница заключается только в том, что тогда государством были изъяты средства только из Сбербанка, а сегодня “национализированы” средства населения, находившиеся как в Сбербанке, так и в коммерческих банках* (АиФ, 2 сентября 1998).

НЕДОБРОКАЧЕСТВЕННЫЙ – в.м. плохой, низкокачественный. Эконом. сфера. Фикс. как Эвф. совет. и в наст. вр. Мин. ст. эвф. - *Следователи Е. К. Лисов (Курская областная прокуратура) и А. М. Бизяев (прокуратура РСФСР) не только установили сам факт выпуска нестандартной и **недоброкачественной** продукции (хотя по тексту ст. 152 УК РСФСР достаточно самого этого факта), но и намеренное, злостное стремление скрыть дефекты производства, пустив в продажу негодные продукты* (Известия, 8 декабря 1971).

НЕДОВЕШАТЬ (НЕДОВЕСИТЬ) – в.м. воровать (своровать) в процессе продажи продуктов. Эконом. сфера. Эвф. совет. В преуменьш. знач., мин. ст. эвф. - *А преподаватель Л. Мокина как-то пожаловалась, что ей еще и **недовесили** целый килограмм* (Правда, 5 августа 1982).

НЕДОВЛОЖЕНИЕ – в.м. воровать (своровать) в процессе продажи продуктов. Эконом. сфера. Эвф. совет. В преуменьш. знач., мин. ст. эвф. - *Так что бороться с «перевложениями» и «недовложениями», как мы видим, нужно всерьез* (Правда, 31 октября 1974).

НЕДОВЫПОЛНЕНИЕ – в.м. несоответствие степени выполнения стандарту. Эконом. сфера. Эвф. совет. В преуменьш. знач., мин. ст. эвф. - *Сложные погодные условия...привели к **недовыполнению** расчетов плана по производству*

сельскохозяйственной продукции, и прежде всего зерна, хлопка (Правда, 17 декабря 1969).

НЕДОГЛЯД – *вм.* разгильдяйство, безответственный недосмотр. Эконом. сфера. Эвф. совет. В преуменьш. знач., мин. ст. эвф. - *Бригада рабочих, занятая на погрузке, в нашем разговоре единодушно высказалась: на всех этапах производства кирпича – недоделки, беспорядки, недогляд (Известия, 21 июля 1966).*

НЕДОДАВАТЬ (НЕДОДАТЬ) – *вм.* не выполнять (выполнить) производственный план по заранее установленным задачам. Эконом. сфера. Эвф. совет. В преуменьш. знач., мин. ст. эвф. - *Кожевенные же заводы, которые тоже сейчас на простое, не имея дубителя, недодадут стране 180 миллионов дециметров кож, что обернется убытком в 23 миллиона рублей (Правда, 4 марта 1980).*

НЕДОИСПОЛЬЗОВАНИЕ – *вм.* Использование чего-либо не до конца или меньше, чем следует. Эконом. сфера. Эвф. совет. В преуменьш. знач., мин. ст. эвф. - *Советов, недоиспользование местных ресурсов — недостатки, которые были подвергнуты справедливой критике на XXVI съезде КПСС (Правда, 10 апреля 1981).*

НЕДОСЕИВАТЬ (НЕДОСЕЯТЬ) – *вм.* сломать план посева, засеять меньшую площадь. Эконом. сфера. Эвф. совет. В преуменьш. знач., мин. ст. эвф. - *Так поступают и в некоторых других областях, так должны распорядиться все, кто в прошлом году **недосеял** озимь (Правда, 1 марта 1966).*

НЕДОСТАТОЧНО СФОРМИРОВАННЫЕ УСЛОВИЯ – *вм.* несформированные условия. Эконом. сфера. Преуменьш. - *В каждом из упомянутых субъектов не решена проблема бедности представителей старшего поколения, **недостаточно сформированы условия** для занятости и невысокая ожидаемая продолжительность жизни без инвалидности (Коммерсант, 15 апреля 2022).*

НЕДОСТАЧА – *вм.* нехватка. Эконом. сфера. Эвф. совет. В преуменьш. знач., мин. ст. эвф. - ***Недостача** нужного количества грузовиков, вагонов сдерживает хлебный поток, приводит к тому, что часть зерна приходится закладывать в*

бурты (Правда, 26 ноября 1978).

НЕКОНДИЦИОННЫЙ – в.м. бракованный. Эконом. сфера. Фикс. как Эвф. совет. и в наст. вр. - *До сих пор, например, в колхозах и совхозах Молдавии свыше половины маслосемян некондиционны (Правда, 22 февраля 1979).*

НЕ МОЖЕТ ДАТЬ ГАРАНТИЙ – в.м. предсказать. употр. при освещении неблагоприятных последствий. Эконом. сфера. - *В результате никто не может дать гарантий, что после выборов цены вновь не взлетят (РГ, 1 марта 2020).*

НЕ (МОЧЬ) ОБОЙТИ – в.м. быть не в силах избежать. употр. при описании непреодолимой катастрофы, бедствия. Эконом. сфера. - *По словам аналитика «Финама» Сергея Дроздова, обвал на западноевропейских и заокеанских биржах не мог обойти стороной российский фондовый рынок, который после длительного снижения открылся 28 февраля сильным гэпом вниз (Коммерсант, 2 марта 2020).*

НЕ ПОСЫЛАТЬ (ПОСЛАТЬ) СИГНАЛОВ – в.м. не становиться лучше. Эконом. сфера. - *Экономика страны стагнирует и сигналов, обещающих быстрое изменение ситуации к лучшему, не посылает (АиФ, 30 декабря 2019).*

НЕ СКОРО СБАВЛЯТЬ (СБАВИТЬ) ОБОРОТЫ – употр. для описания некоторой негативной тенденции развивающегося в настоящее время события или явления. Эконом. сфера. - *Были моменты, когда казалось, “снежный ком” кризиса еще не скоро сбавит обороты (РГ, 9 сентября 2009).*

НЕ СПЕШИТЬ СБЫВАТЬСЯ – в.м. не сбываться. Эконом. сфера. - *Впрочем, прогноз главы Минфина по поводу скорой стабилизации российской валюты пока не спешит сбываться – на сегодняшних валютных торгах рубль вновь продемонстрировал отрицательную динамику (АиФ, 10 октября 2014).*

НЕ СТОИТ ЖДАТЬ – в.м. никогда, невозможно (модальность невозможности). употр. в случае убеждения отказаться от несбыточных надежд. Эконом. сфера. - *Впрочем, восстановление экономики может затянуться из-за риска второй волны коронавирусной инфекции, предупреждают в Euler Hermes, полноценного восстановления активности не стоит ждать раньше июня (Коммерсант, 18 апреля 2020).*

НЕСУН – в.м. Тот, кто незаконно уносит с собой что-нибудь с производства, с работы, вор. Эконом. сфера. - *К тому же не будем обольщаться: надо полагать, не каждого «несуна» удастся задержать* (Известия, 27 ноября 1981).

ОПТИМИЗАЦИЯ ЧИСЛЕННОГО СОСТАВА ОРГАНОВ – в.м. увольнение. Эконом. сфера. - *Документ предоставляет право руководителям ведомств производить оптимизацию численного состава органов с сохранением фонда заработной платы и права распоряжаться им* (РГ, 28 декабря 2006).

ОПТИМИЗАЦИЯ ЧИСЛЕННОСТИ СОТРУДНИКОВ – в.м. увольнение служащих. Эконом. сфера. - *Как сообщил и.о. генерального директора КГУП «Примтеплоэнерго» Владимир Малюшицкий, в настоящее время на предприятии проходят мероприятия по оптимизации производственных процессов и численности сотрудников, которые вызваны техническими решениями, реализованными ранее, но не учтенными в объеме трудовых затрат* (КП, 23 ноября 2021).

ОРГШТАТНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ – в.м. увольнение. Эконом. сфера. - *После проведения оргштатных мероприятий сотрудникам рабочих специальностей будет увеличен размер заработной платы* (КП, 23 ноября 2021).

ОСТАНАВЛИВАТЬСЯ (ОСТАНОВИТЬСЯ) – в знач. прекращать рост, подорожпние. Эконом. сфера. - *Курс доллара пока не собирается останавливаться* (АиФ, 7 июля 1999).

ПОДРАСТАТЬ (ПОДРАСТИ) – в.м. незначительно вырасти. Эконом. сфера. Преуменьш. мин. ст. эвф. - *Правда, до этого времени цены еще увеличатся, констатирует владелец компании «АПС Домостроительный комбинат» Александр Кальсин: «Нынешние цены еще подрастут* (Коммерсант, 16 июня 2021).

ПОДКАЧИВАТЬ (ПОДКАЧАТЬ) – в.м. стать меньше. Эконом. сфера. Преуменьш. мин. ст. эвф. Употр. как эвф. метаф. - *“Подкачали” только реальные располагаемые доходы населения* (Известия, 21 августа 2002).

ПОДСКАКИВАТЬ (ПОДСКОЧИТЬ) – в.м. резко вырасти в цене. Эконом. сфера. - *А вот продукты и товары первой необходимости, по мнению политолога,*

точно подскочат в цене (РГ, 22 февраля 2022).

ПРИВАТИЗАЦИЯ – в.м. революционная экспроприация государственной собственности. Инояз. от лат. *privatus* – частный. Эконом. сфера. Эвф. совет. - *Российская приватизация дала неограниченный контроль директорам в ущерб интересам государства* (Известия, 3 августа 1995).

ПУСКАТЬ (ПУСТИТЬ) БЮДЖЕТЫ ПОД ОТКОС – в.м. довести бюджеты до дисбаланса. Эконом. сфера. Употр. как эвф. метаф. - *Говорят, это даст толчок развитию отечественного овощеводства, но, пока оно разовьется, расходы на овощи-фрукты пустят под откос бюджеты многих российских семей с детьми и пенсионеров* (АиФ, 7 августа 2014).

РАЗРУЛИВАТЬ – в.м. решать вопросы посредством собственных способов, иногда нарушая интересы другой стороны. Внеш. полит. сфера. - *США... также пытаются «разруливать» этот конфликт в своих интересах, в том числе с тем, чтобы ослабить Турцию и, между прочим, Российскую Федерацию* (КП, 14 октября 2020).

РАНЕНЬИЙ – употр. для обозначения банка с дефицитом капитала. Эконом. сфера. - *Центробанк сегодня действует фактически как полевой госпиталь: сначала рассортировал «раненых», потом достал инструменты* (АиФ, 25 ноября 1998).

РАСШИВКА ФИНАНСОВЫХ ТРОМБОВ – в.м. регулирование проблемных финансовых отраслей. Эконом. сфера. Употр. как эвф. метаф. - *Первый блок мер, который сейчас разрабатывает и уже реализует министерство в рамках концепции промполитики, направлен на «расшивку финансовых тромбов»* (РГ, 27 января 2009).

РОСТА ВАКАНСИЙ НЕ ПРЕДВИДИТСЯ – в.м. безработица продолжается. Эконом. сфера. - *По нашим прогнозам, формальной занятости роста вакансий не предвидится* (РГ, 16 апреля 2013).

РУБЛЬ ОТДЫХАЕТ – в.м. обесценивание рубля. Эконом. сфера. Употр. как эвф. метаф. - *Все идет как надо. Президент отдыхает. Рубль тоже... Рубль отдыхает...* (АиФ, 19 августа 1998)

СЕРАЯ ЭКОНОМИКА – в.м. скрытая экономическая деятельность вне контроля и учета государственной налоговой системы. эконом. термин. Эконом. сфера. Эвф. совет. - *Импульс нашему развитию придает частный сектор вместе с “серой экономикой”* (Известия, 3 августа 1995).

СГОРАТЬ (СГОРЕТЬ) – в.м. обесценивать. Эконом. сфера. Употр. как эвф. метаф. - *При этом 53% россиян полагают, что уже в ближайшие два-три года в стране случится банковский кризис, дефолт, а сбережения и вклады людей сгорят* (Известия, 26 октября 2011).

СЛИЗАТЬ (СЛИЗНУТЬ) – в.м. украсть что-нибудь. Эконом. сфера. - *Есть расчеты, оценки, что до 30 % нашей заработной платы может быть с этим кризисом, как сказал один человек, «кризис **слизнет** треть наших зарплат»* (КП, 23 октября 2008).

СЪЕДАТЬ (СЪЕСТЬ) – в.м. причинять кому-либо значительный экономический ущерб какой-либо деятельностью. Эконом. сфера. - *Сбережения обесценились или зависли в банках, а текущие доходы **съедает** инфляция, стандартные монетаристские схемы не работают* (АиФ, 7 октября 1998).

ТАЯТЬ (ПОТАЯТЬ) – в.м. исчезать, уменьшаться. Эконом. сфера. Употр. как эвф. метаф. - *Зарплаты начали **таять** по пять тысяч в месяц, – рассказал газете «Комсомольская правда» - Челябинск» один из сварщиков, попросивший не называть его имени* (КП, 10 января 2018).

УСУШКА ЗАРПЛАТЫ – в.м. сокращение зарплаты. Эконом. сфера. эвф. Употр. как эвф. метаф. - *Кризис прибавляет новые страхи: потерять работу, **усушка зарплаты**, невозможность расплатиться по ипотеке* (АиФ, 10 декабря 2008).

ФАКТОР НАПРЯЖЕННОСТИ – в.м. фактор ухудшения существующей ситуации. Эконом. сфера. - *Ситуация с трудоустройством в Кировской области стабильная, но с фактором напряженности* (КП, 24 декабря 2015).

ФИНАНСОВЫЙ ГОЛОД – в.м. Финансовый кризис. Эконом. сфера. Употр. как эвф. метаф. - *Москву ждет **финансовый голод*** (АиФ, 25 ноября 1998).

ФИНАНСОВЫЙ КОЛЛАПС – в.м. финансовое состояние на грани разрушения. Инояз. от лат. collapsus – упавший. Эконом. сфера. Употр. как эвф. метаф. -

Состояние мировой экономики таково, что серьезный экономический и финансовый коллапс неизбежен (Известия, 26 ноября 2003).

ЧЕРНАЯ НАЛИЧНОСТЬ – в.м. обналичка денег при уклонении от уплаты налогов. Эконом. сфера. Эвф. совет. - *В результате сделки с приватизированными квартирами неизбежно происходят с «черной» наличностью и криминальными историями (Известия, 4 апреля 1996).*

ЧЕРНЫЙ ЛЕБЕДЬ – в.м. некие поворотные события, которые нельзя предсказать, но которые коренным образом изменяют историю. Эконом. сфера. – *«Черные лебеди» вовсе не ушли с глобальных площадок (КП, 23 мая 2020).*

ЧРЕЗМЕРНОЕ ПОДОРОЖАНИЕ – в.м. рост цен неприемлемым темпом. Эконом. сфера. - *Основные причины – чрезмерное подорожание продуктов питания, энергии и рост недоверия к развитым странам (РГ, 22 апреля 2011).*

Военная сфера

БРАТСКАЯ ПОМОЩЬ АФГАНИСТАНУ – в.м. ввод советских войск в Афганистан. Воен. сфера. Эвф. совет. посл. четв. XX в. - *Она [Наша страна – У. Ю.] оказывает всестороннюю братскую помощь Афганистану, Кампучии и другим подвергшимся агрессии государствам, испытавшим на себе происки империалистических сил (Известия 3 сентября 1980).*

ВОИН-ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТ – в.м. прям. наименования советских солдат, участвующих в гражданской войне в Афганистане. Воен. сфера. - *Крепнет и развивается дружба воинов-интернационалистов, совершенствуется их воинское мастерство, приумножаются славные боевые традиции, рожденные в сражениях против общего врага (Известия, 23 февраля 1981).*

ВЫПОЛНЕНИЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО ДОЛГА – в.м. участвовать в военной акции. Воен. сфера. Эвф. совет. посл. четв. XX в. - *Народ Вьетнама горячо приветствует важные инициативы СССР по укреплению мира и безопасности в Европе и во всем мире, полностью поддерживает выполнение Советским Союзом своего высокого интернационального долга по оказанию народу Афганистана решительной, своевременной и всесторонней помощи в борьбе против вмешательства и агрессии американского империализма и*

реакционной клики Пекина, в надежной защите завоеваний Апрельской революции (Известия, 30 января 1980).

ГАСИТЬ (ПОГАСИТЬ) – в.м. уничтожать, убивать кого-либо. Воен. сфера. - *Чтобы “гасить” снайперов, - пояснили военные* (Известия, 24 августа 2008).

ГРАД – в.м. прям. наименования резкого ухудшения ситуации. Воен. сфера. Употр. как эвф. метаф. - *Из тумана над Грозным посыпался “Град”* (Коммерсант, 13 декабря 1994).

ДВУХСОТЫЙ – в.м. солдат, погибший на поле боя. Эвф. обр. с опорой на соч. «груз-200» (номер шифра груза при перевозке тел погибших). Воен. сфера. Фикс. как эвф. с начала войны в Афганистане. - *Выходили мы малыми группами, выносили “двухсотых”, “трехсотых”* (АиФ, 6 мая 2022).

ДРУЖЕСКАЯ ПОМОЩЬ АФГАНСКОМУ НАРОДУ – в.м. прям. ввод советских войск в Афганистан. Воен. сфера. Эвф. совет. посл. четв. XX в. - *Правящие круги некоторых западных стран сознательно и злонамеренно замалчивают, что дружеская помощь оказана афганскому народу в соответствии с советско-афганским договором и принципами Устава ООН, пишет журнал* (Правда, 6 февраля 1980).

ДРУЖЕСТВЕННАЯ ПОМОЩЬ СССР АФГАНИСТАНУ – в.м. прям. ввод советских войск в Афганистан. Воен. сфера. Эвф. совет. посл. четв. XX в. - *Что же касается различных инсинуаций относительно дружественной помощи СССР Афганистану, то я хочу спросить: кто совершил интервенцию в Гватемале, Доминиканской Республике, других странах?* (Правда, 6 февраля 1980)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СИЛЫ – в.м. ведение боевых действий. Воен. сфера. - *Не ясно ли поэтому, что призывы к сдержанности в отношении использования силы, с которыми выступил Хейг, следует адресовать самим Соединенным Штатам* (Правда, 14 августа 1981).

КОЕ-КАКИЕ МЕРЫ – в.м. ввод войск. Воен. сфера. - *Находящийся в Тольятти Борис Ельцин, отвечая на вопросы журналистов, заявил, что “кое-какие меры” для того, чтобы “отрегулировать ситуацию” вокруг Чечни, предпринимаются* (Коммерсант, 16 августа 1994).

КОНСТИТУЦИОННЫЙ КРИЗИС – в.м. война. Воен. сфера. - *Конституционный кризис в Чечне* (Коммерсант, 25 мая 1993).

КОНТРАНАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ – в.м. военная операция. Воен. сфера. - *Действия собственных вооруженных сил в Баку назвали «контрнаступательной операцией» с применением танковых подразделений, ракетно-артиллерийских войск, фронтовой авиации и беспилотных летательных аппаратов* (Коммерсант, 27 сентября 2020).

КОНФЛИКТ – в.м. прям. наименования локальной войны. Заимствовано из нем. яз., где konflikt < лат. conflictus – сражаться, биться. Воен. сфера. - *Однако, как считают местные наблюдатели, это вовсе не предопределяет позицию конгресса по отношению к конфликту властей в Чечне* (Коммерсант, 24 апреля 1993).

КОСИТЬ (СКОСИТЬ) – в.м. убить, погубить кого-либо. Воен. сфера. - *Мы прицельным огнем скосили тех, которые вышли первыми* (КП, 11 мая 2009).

НЕЙТРАЛИЗОВАТЬ – в.м. убить кого-либо или уничтожить что-л. силой. Воен. сфера. - *Ранее в воскресенье информационный центр НАК сообщил, что в ходе режима контртеррористической операции удалось **нейтрализовать** двух бандитов* (Известия, 11 октября 2020).

ОБЕЗВРЕДИТЬ – в.м. убить кого-либо или привести в состояние, при котором человек не может причинять вред. Воен. сфера. - *Удалось **обезвредить** опаснейшую, как оказалось, террористическую группу* (РГ, 7 сентября 2007).

ОГРАНИЧЕННЫЙ СОВЕТСКИЙ ВОИНСКИЙ КОНТИНГЕНТ – в.м. советские войска, участвующие в Афганской войне. Воен. сфера. Эвф. совет. [Контингент – совокупность людей, образующих однородную в каком-нибудь отношении группу. Инояз. от. нем. < фр. < лат. contingens, -ntis – захватывать, касаться, иметь отношение. - *В контексте такого политического урегулирования мог бы быть обсужден и решен вопрос об **ограниченном советском воинском контингенте** в Афганистане* (Известия, 19 марта 1982).

ОЗДОРОВЛЕНИЕ ОБСТАНОВКИ – в.м. боевая деятельность. О необходимости развязать войну. Воен. сфера. - *Если, конечно, не считать таковой расплывчатое*

заявление пресс-секретаря президента Вячеслава Костикова о начале реализации “комплекса мер по решительному оздоровлению обстановки” в Чечне (Коммерсант, 2 декабря 1994).

ОПЕРАЦИЯ ПО ПРИНУЖДЕНИЮ К МИРУ – в.м. военная операция. Воен. сфера. - Президент еще раз подробно объяснил, почему и зачем была проведена операция по принуждению к миру (АиФ, 16 сентября 2008).

ОТВЕТНЫЕ ДЕЙСТВИЯ – в.м. военные действия. Воен. сфера. - Это – очень печально и очень настораживает и, конечно, это будет вызывать **ответные действия**, – заключил Путин (КП, 8 августа 2008).

ОТРЕГУЛИРОВАТЬ СИТУАЦИЮ – в.м. начать боевые действия. О необходимости развязать войну. Воен. сфера. - Находящийся в Тольятти Борис Ельцин, отвечая на вопросы журналистов, заявил, что “кое-какие меры” для того, чтобы “отрегулировать ситуацию” вокруг Чечни, предпринимаются (Коммерсант, 16 августа 1994).

ПОДДЕРЖАНИЕ ПОРЯДКА – в.м. всестороннее обеспечение действий аварийно-спасательных формирований в военное время. Воен. сфера. - <...> терские и кубанские казаки, по сообщению временного информационного центра при правительстве России, уже начали формирование четырех батальонов для поддержания порядка в Чечне (Коммерсант, 23 декабря 1994).

ПРИСУТСТВИЕ – в.м. военно-политическое вмешательство. Воен. сфера. Фикс. как эвф. с 70-х гг. XX в. - У Вашингтона есть и другие причины для беспокойства – и в первую очередь широкая кампания турецкой общественности, направленная против американского присутствия в Турции (Известия, 21 февраля 1980).

РЕШИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ – в.м. самые решительные, крайние меры. Воен. сфера. - Теперь же настало время для **решительных мер** по денацификации и демилитаризации Украины (Известия, 28 марта 2022).

СИЛОВОЕ ДАВЛЕНИЕ – в.м. ввод войск на какую-л. территорию. Воен. сфера. - Сообщения, поступающие с Ближнего Востока, свидетельствуют о том, что администрация Р. Рейгана, взявшая курс на откровенное силовое давление на Ливию, Египет и другие арабские страны, грубо попирает волю и стремление

арабских народов к подлинной независимости (Правда, 14 октября 1981).

СИЛОВОЙ СЦЕНАРИЙ – в.м. деятельность с применением оружия. Воен. сфера. - *Объявленная в обеих странах военная мобилизация и радикальные заявления руководителей двух стран свидетельствуют об их решимости прибегнуть к силовому сценарию в условиях полного дипломатического тупика* (Коммерсант, 27 сентября 2020).

СИЛОВЫЕ МЕТОДЫ – в.м. военные действия. Воен. сфера. - *Расчет состоял в том, что в такой атмосфере при помощи «силовых методов» удастся восстановить американскую гегемонию хотя бы в рамках капиталистического мира* (Правда, 21 августа 1982).

СОХРАНЯЕТСЯ (СОХРАНИТСЯ) НАПРЯЖЕННАЯ ОБСТАНОВКА – в.м. идут (будут идти) бои, военные действия. Воен. сфера. - *На юге Ливана сохраняется напряженная обстановка* (Известия, 3 мая 1982).

СПЕЦИАЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ – в.м. военная операция. Воен. сфера. - *С начала года это уже шестая спецоперация в республике против членов вооруженного подполья* (Коммерсант, 23 августа 2020).

СТОЛКНОВЕНИЯ – в.м. прям. наименования локальной войны. Воен. сфера. - *Одной из причин столкновения стал страх перед территориальным развалом России* (АиФ, 24 января 1996).

ТРЕХСОТЫЙ – в.м. солдат, раненный на поле боя. Эвф. обр. с опорой на соч. «груз-300» (номер шифра груза при транспортировке раненого солдата, вывозимого из мест боевых действий). Воен. сфера., фикс. как эвф. с начала войны в Афганистане. - *Выходили мы малыми группами, выносили “двухсотых”, “трехсотых”* (АиФ, 6 мая 2022).

ЧЕЧЕНСКАЯ ДРАМА – в.м. война в Чечне. Воен. сфера. - *Между тем главный арбитр чеченской драмы – и вообще любой российской политической драмы – с понедельника официально ушел в очередной отпуск* (Коммерсант, 30 августа 1996).

ЧЕЧЕНСКАЯ ПРОБЛЕМА – в.м. война в Чечне. Воен. сфера. - *Сегодня острота массовых переживаний несколько сгладилась, однако “чеченская проблема” все еще остается в центре внимания по крайней мере 70% российских*

граждан (АиФ, 25 февраля 1998).

ЧЕЧЕНСКИЙ ПРОЦЕСС – в.м. война в Чечне. Воен. сфера. - *Между тем есть возможность повернуть **чеченский процесс** совсем в иное русло (АиФ, 13 октября 1999).*

ЧЕЧЕНСКИЙ СИНДРОМ – в.м. психическая травма у военнослужащих после чеченской войны. Воен. сфера. - *Вряд ли **“чеченский синдром”** станет фатальным для нашего общества, но некоторые социальные трудности он создаст (АиФ, 21 августа 1996).*

ЧЕЧЕНСКИЙ УЗЕЛ – в.м. война в Чечне. Воен. сфера. - ***чеченский узел** нужно развязать за месяцы (АиФ 21 февраля 1996).*

**Приложение Б. Графики распределения политических
эвфемизмов по способам образования в трех исследуемых
периодах**

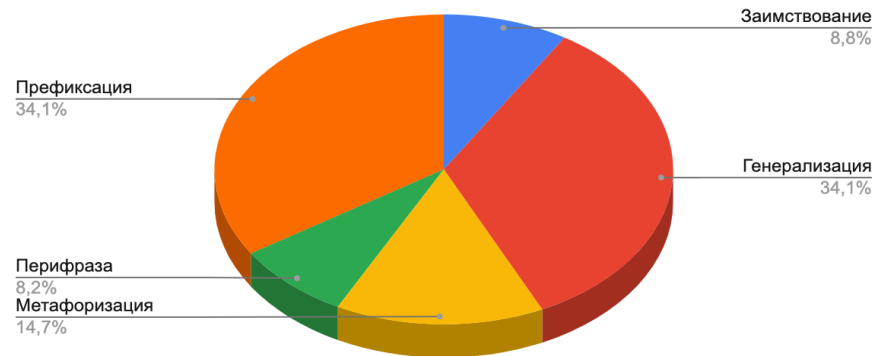

Рис. Б.1 – Продуктивность способов образования политических эвфемизмов
(период 1: 1964-1982 гг.)

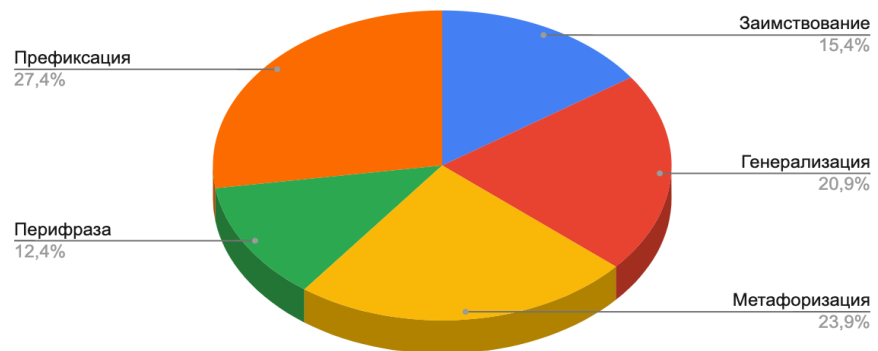

Рис. Б.2 – Продуктивность способов образования политических эвфемизмов
(период 2: 1983-1999 гг.)

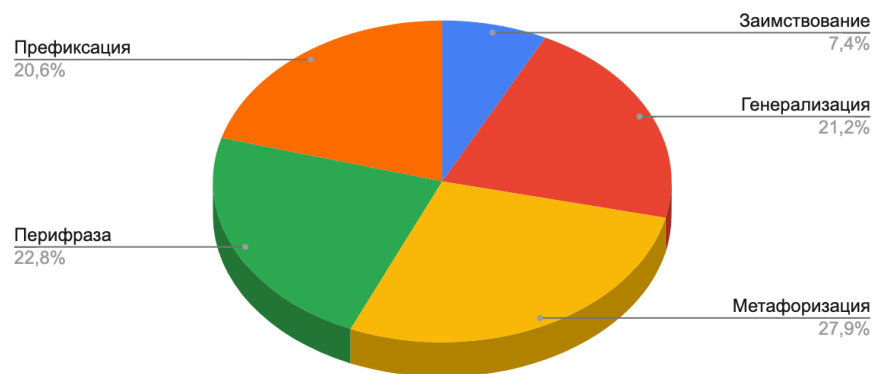

Рис. Б.3 – Продуктивность способов образования политических эвфемизмов
(период 3: 2000-2023 гг.)

**Приложение В. Таблицы распределения компонентов *спец-*, *недо-*
в процессе образования политических эвфемизмов**

Таблица В.1. Соотношение приставок *спец-*, *недо-* в выборочной совокупности

Период	Компонент (<i>спец-</i>)	Компонент (<i>недо-</i>)	Общее количество эвфемизмов, образованных префиксальным способом
Период 1 (1964-1982 гг.)	4 ед.	21ед.	33 ед.
Период 2 (1983-1999 гг.)	29 ед.	4 ед.	40 ед.
Период 3 (2000-2023 гг.)	16 ед.	16 ед.	49 ед.

Таблица В.2. Распределение компонента *спец-* по сферам функционирования

Сфера	Количество
Внутриполитическая	43
Внешнесполитическая	4
Экономическая	0
Военная	2

Таблица В.3. Распределение компонента *недо-* по сферам функционирования

Сфера	Количество
Внутриполитическая	10
Внешнесполитическая	6
Экономическая	25
Военная	0

**Приложение Г. Таблица распределения заимствований по
сферам функционирования в период 2 (1983 – 1999 гг.)**

Таблица Г.1. Распределение заимствований по сферам функционирования в
период 2 (1983 – 1999 гг.)

Сфера	Количество
Внутриполитическая	15
Внешнеполитическая	10
Экономическая	9
Военная	2

**Приложение Д. Графики распределения политических
эвфемизмов по сферам функционирования в трех исследуемых
периодах**

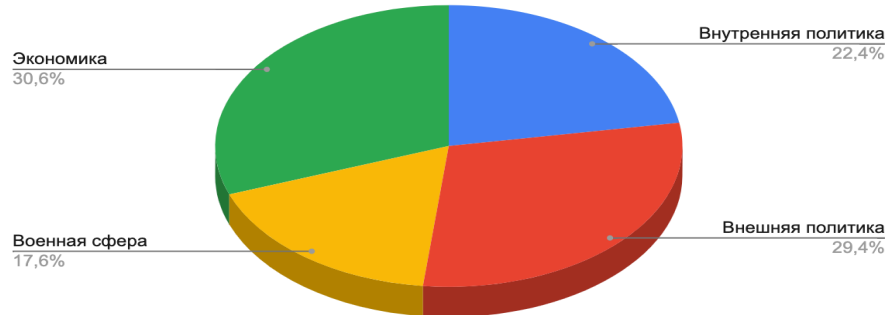

Рис. Д.1– Распределение политических эвфемизмов по сферам функционирования
(период 1: 1964-1982 гг.)

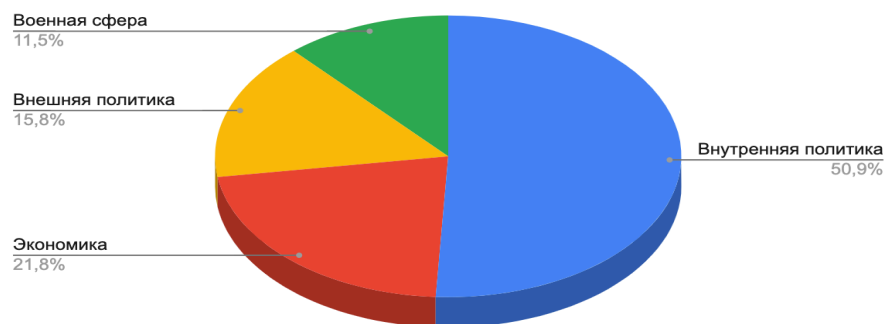

Рис. Д.2 – Распределение политических эвфемизмов по сферам
функционирования (период 2: 1983-1999 гг.)

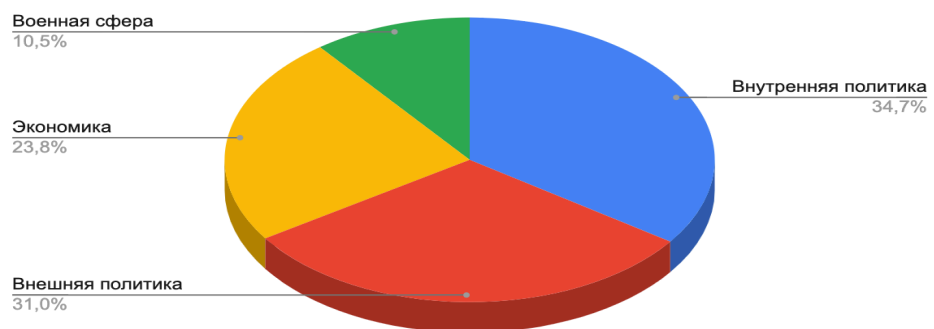

Рис. Д.3 – Распределение политических эвфемизмов по сферам
функционирования (период 3: 2000-2023 гг.)

Приложение Е. Методика отбора языковых материалов из Национального корпуса русского языка

Методика отбора эвфемизмов и НКРЯ состояла из следующих шагов.

1. В интерфейсе Национального корпуса русского языка:

<https://ruscorpora.ru/> (см. рис. Е.1) были заданы следующие параметры поиска:

Подкорпус: «газетные» (интерфейс подкорпуса представлен на рис. Е.2).

[Подробнее о Корпусе](#)

Введите слово или фразу

Поиск по корпусам

Основной (374 млн)	Устный (13 млн)	Параллельные ²⁶ (176 млн)	Поэтический (13 млн)
Газетные ² (788 млн)	Акцентологический (134 млн)	Диалектный (599 тыс)	Русская классика β (17 млн)
Синтаксический (1,5 млн)	Мультимедийный (5,8 млн)	Обучающий (13 млн)	Исторические ⁵ (14 млн)
Социальные сети (157 млн)	МультиПАРКи ² (458 тыс)	От 2 до 15 (4,4 млн)	Панхронический (383 млн)

Рис. Е.1 Интерфейс НКРЯ

Корпус Газетные Центральные СМИ • 2 660 024 текста • 765 537 565 слов

Подкорпус

Поиск точных форм

Лексико-грамматический поиск

Рис. Е.2 Интерфейс газетного подкорпуса НКРЯ

2. В разделе «Основные параметры текста» в поле «Год создания» задавался временной период:

1983-1999 гг.

2000-2022 гг.⁷.

Были выбраны следующие источники:

«АиФ», «Известия», «Коммерсант», «Комсомольская правда».

Параметры запроса в подкорпусе представлены на рис. Е.3.

Основные параметры текста ?

Название

Дата создания

с: 1983 по: 1999 Точное вхождение

Автор

Источник

Аргументы и факты

Ведомости

ВЕСТИ.RU

Газета.Ru

Известия

Коммерсант

Комсомольская правда

Lenta.ru

Московский комсомолец

NEWSru.com

Новая газета

Новый регион 2

Парламентская газета

Версии

Дата пополнения

с: ДД.ММ.ГГГГ по: ДД.ММ.ГГГГ

Сохранить без просмотра

Просмотреть отобранное

Рис. Е.3 Параметры запроса в газетном подкорпусе НКРЯ

Результат выполнения запроса для эвфемизма *путч* представлен на рис. Е.4.

Запрос

Вернуться к поиску

• 60 текстов • 71 пример

слова могут совпадать

"путч"

Добавить в сравнение

Конкорданс KWIC График 1-граммы 2-граммы 3-граммы 4-граммы 5-граммы

Скачать

1. Антипутинская коалиция готовит путч // Аргументы и факты, 1999.12.01

Антипутинская коалиция готовит *путч* СЕНСАЦИЕЙ, взбудоражившей Москву в минувшие выходные, стал слух о якобы клинической смерти Б. Ельцина, позднее — об инсульте.

2. Ельцин - наш крест // Аргументы и факты, 1999.08.11

Когда произошел августовский *путч* 1991 года, я скоро понял, что Ельцин и его окружение взяли курс на ликвидацию СССР.

3. За фасадом балканского кризиса // Аргументы и факты, 1999.04.07

В Белграде все вроде бы всерьез, но в то же время как-то понарошку: как *путч* 91-го года в Москве — эдакая пионерская "Зарница".

Рис. Е.4 Результат выполнения запроса для поиска эвфемизма «путч» в системе НКРЯ

⁷ Газетный подкорпус НКРЯ не содержит некоторых архивных выпусков

Раздел «График по годам» (рис. Е.5) позволяет посмотреть, как часто использовался эвфемизм *путч* в течение 1983-1999 гг.

Распределение результатов поиска по датам (частота на миллион словоформ) с 1983 по 1999 [?](#)

Статистика рассчитана с учетом совпадающих слов

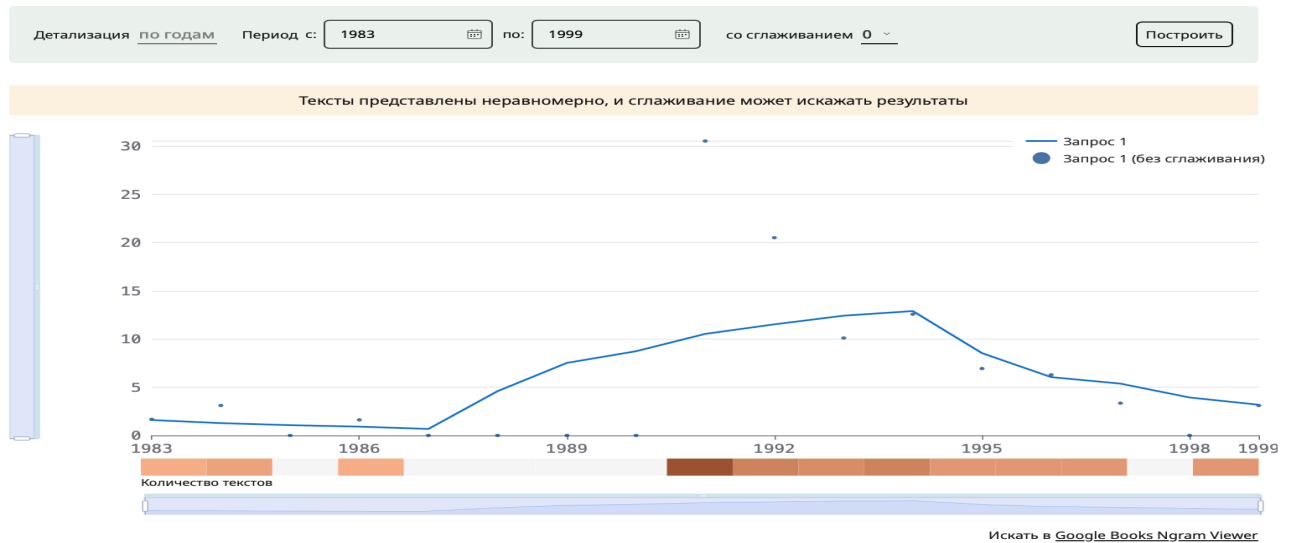

Рис. Е.5 Относительная частотность употребления эвфемизма *путч* (количество употреблений на миллион словоформ)

Приложение Ж. Методика отбора языковых материалов из базы данных «East View»

В интерфейсе базы данных «East View» были заданы следующие параметры поиска (на рис. Ж.1 представлен образец запроса для поиска эвфемизма *тактика выжженной земли* в период 1: 1964-1982 гг.).

The screenshot shows the search interface of the East View database. It includes a search bar with the text "тактика выжженной земли" and a date range from 14.10.1964 to 10.11.1982. The search criteria are set to "ИЛИ" (OR) and "точная фраза" (exact phrase). The search results are filtered by "выбранные" (selected) sources.

Выбор источников: все выбранные

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ (выбрано: 0)

- Библиотечное дело и информационное обслуживание (UDB-LIB)
- Вестники Московского государственного университета (UDB-MGU)

- Издания по общественным и гуманитарным наукам (UDB-EDU)
- Статистические издания России и стран СНГ (UDB-STAT-RUS)

ЦИФРОВЫЕ АРХИВЫ. ГАЗЕТЫ (выбрано: 2)

- "Советская культура". Электронный архив (DA-SK)
- Moscow News. Электронный архив (DA-MN)
- «Известия». Электронный архив (DA-IZV)
- «Литературная газета». Электронный архив (DA-LG)
- «Правда». Электронный архив (DA-PRA)

- Гудок. Электронный архив (DA-GUDO)
- Неделя. Электронный архив (DA-NED)
- Новое Русское Слово. Электронный архив (DA-NRS)
- Российская газета. Электронный архив (DA-RG)
- Труд. Электронный архив (DA-TRUD)

Рис. Ж.1 Интерфейс с заданными параметрами запроса для поиска эвфемизмов в системе «East View»

В результате выполнения запроса система выдает список с отобранными фрагментами из газетных статей. Результат выполнения запроса для эвфемизма *тактика выжженной земли* представлен на рис. Ж.2:

Найдено **77** совпадений "*тактика выжженной земли*"

Произведен поиск по **19 изданию(ям)**, Временной диапазон: 14.10.1964 - 10.11.1982

Отсортировано по полю: балл. Чтобы отсортировать данные по убыванию(▼) или возрастанию(▲), нажмите на заголовок соответствующей колонки

показать цитаты

1 2 3 >

☐	#	название	автор	источник	дата	# слов	балл ▼
☐	1	Page 5	—	Известия	1982-07-22	5322	40,2
☐	2	Page 1	—	Правда	1974-02-18	1310	37,8
☐	3	Page 1	—	Правда	1982-08-04	703	37,8
☐	4	Page 1	—	Правда	1969-01-22	2932	37,8
☐	5	Page 1	—	Известия	1970-08-18	3165	37,8
☐	6	Page 1	—	Правда	1967-02-22	1843	37,8
☐	7	Page 1	—	Известия	1973-09-27	3207	35,9
☐	8	Page 1	—	Правда	1981-07-12	2661	35,9
☐	9	Page 1	—	Правда	1966-03-16	3452	35,9
☐	10	Page 1	—	Известия	1965-11-11	332	35,9
☐	11	Page 4	—	Известия	1981-06-26	1095	34,3
☐	12	Page 1	—	Известия	1982-07-05	4515	34,3
☐	13	Page 4	—	Известия	1981-09-01	2338	34,3

Рис. Ж.2. Результат выполнения запроса для поиска эвфемизмов в системе «East View»

**Приложение 3. Изменение частотности употребления
политических эвфемизмов на основе выборочной совокупности
из базы данных «East View»**

При анализе изменения частотности употребления политических эвфемизмов для каждой сферы были отобраны 3 типовых политических эвфемизма.

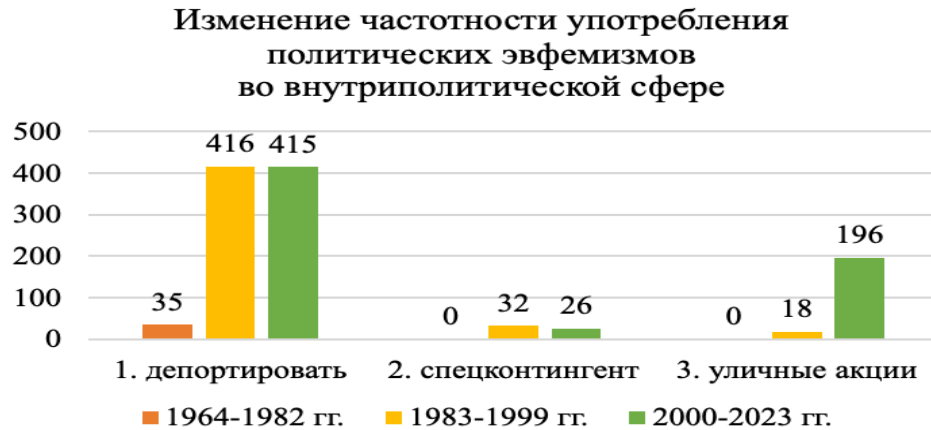

Рис. 3.1 – Изменение абсолютной частотности употребления политических эвфемизмов во внутригосударственной сфере

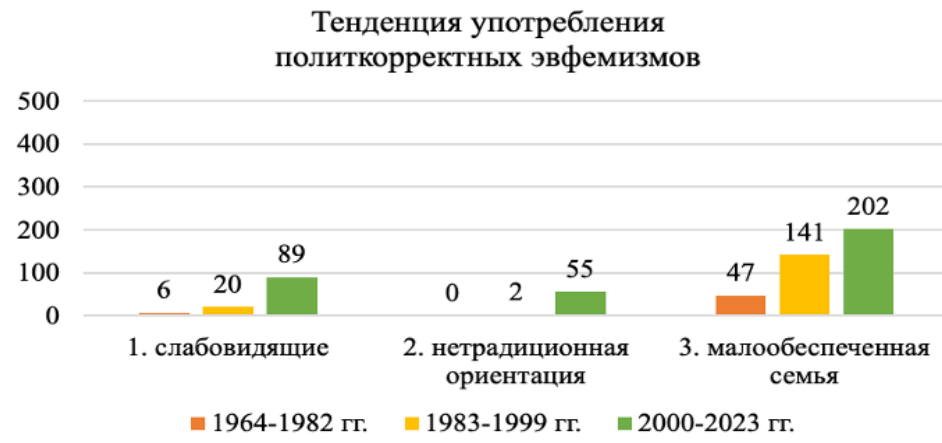

Рис. 3.2 – Тенденции употребления политкорректных эвфемизмов

**Изменение частотности употребления
политических эвфемизмов
во внешнеполитической сфере**

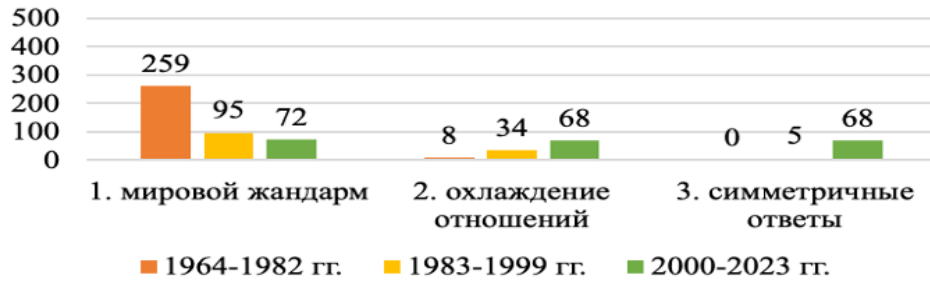

Рис. 3.3 – Изменение абсолютной частотности употребления политических эвфемизмов во внешнеполитической сфере

**Изменение частотности употребления
политических эвфемизмов
в экономической сфере**

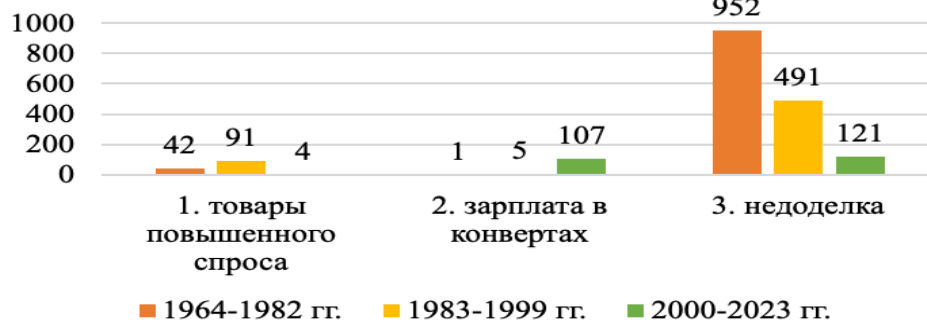

Рис. 3.4 – Изменение частотности употребления политических эвфемизмов в экономической сфере

**Изменение частотности употребления
политических эвфемизмов
в военной сфере**

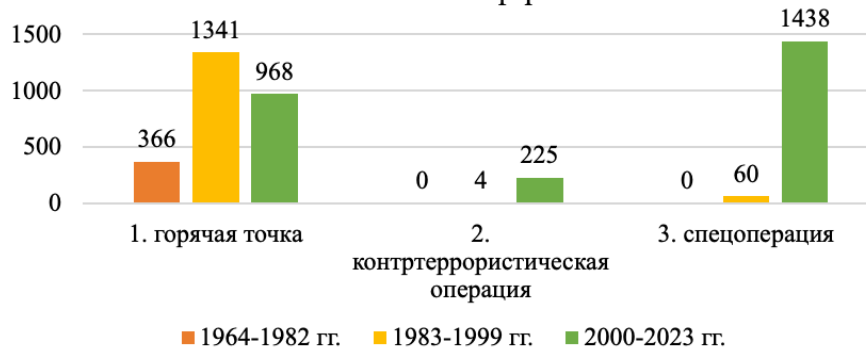

Рис. 3.5 – Изменение частотности употребления политических эвфемизмов в военной сфере